P.O. rel. 2870

FiKV

<3661606989001O

<3661606989001O

Bayer. Staatsbibliothek

P. o. rel.
2870

Album

B2

Tp. M. Hannon.

АЛЬБОМЪ

ПЕТЕРБУРГЪ

1828

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

АЛЬБОМЪ
СѢВЕРНЫХЪ МУЗЪ
1828

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS.

АЛЬБОМЪ

СѢВЕРНЫХЪ МУЗЪ.

АЛЬМАНАХЪ

НА 1828 ГОДЪ,

ИЗДАННЫЙ

А. И.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи Александра Смирдина.

1828.

Печатать позволено:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.

С. Петербургъ, Декабря 31 дня 1827 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

BIBLIOTECA
NACIONAL

АЛЬБОМЪ

СѢВЕРНЫХЪ МУЗЪ.

СФВЕЬЦРІУЗР ИЗЗР

УІРРОЛР

ТАТЬЯНА БОЛТОВА.

(Историческая Повѣсть.)

Кто изъ Русскихъ не слыхалъ объ очаровательныхъ окрестностяхъ Москвы? Кто изъ Москвичей не заходилъ поклониться праху усопшихъ, покоящихся въ оградѣ Данилова Монастыря; не любовался извилинами рѣки, омывающей Симонову обитель, гдѣ лежатъ пѣла богатырей Ослябы и Пересвѣта; кто не гулялъ въ Марьиной рощѣ, или не бывалъ 1-го Маія въ Сокольникахъ на Нѣмецкомъ праздникѣ (1)? Въ то время, когда наши

Государи жили постоянно въ Кремлѣ, сіи мѣста часто покрывались народомъ: теперь онѣ пусты. Коломенскій дворецъ, гдѣ Петръ первый провелъ младенческіе годы, — въ развалинахъ, и только остался въ саду вязъ, подъ сѣнь котораго Онъ приходилъ твердить свои уроки; дворецъ въ Царицынѣ, гдѣ Екатерина, въ виду всей Москвы, торжественно изъявляла свою признательность Герою Задунайскому, за его побѣды и миръ съ Турками, — не существуетъ болѣе, и плугъ земледѣльца давно взоралъ луга Преображенскаго, на коихъ Петръ обучалъ первыя наши регулярныя войска.

Къ числу Подмосковныхъ, обращающихъ на себя вниманіе охотниковъ до старины, принадлежитъ безъ сомнѣнія село Измайлово, любимая от-

чина Царя Алексѣя Михайловича. Онъ лежитъ по Ярославской дорогѣ и отстоитъ теперь версты на четыре отъ города; но за сто двадцать лѣтъ почти соединялось съ нимъ Стрѣлецкими слободами, кои тянулись отъ Троицкой заставы вверхъ по Яузѣ. Измайлово принадлежало тогда вдовствующей супругѣ Іоанна, Царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, которая проживала тутъ зиму и лѣто, съ тремя дочерьми: Анною, Екатериною и Прасковьею, еще только что выходившими тогда изъ малолѣтства.

Шагахъ въ полуторастѣ отъ дворца и въ шестидесяти отъ деревни, не много въ сторону отъ большой дороги, на краю сосновой рощи, принадлежавшей къ Царскому звѣринцу, стоялъ отдѣльно небольшой домикъ объ одномъ жильѣ. Съ перваго взгля-

да онъ походилъ на обыкновенную деревенскую избу; но тесовая крыша кирпичнаго цвѣпа съ дорожинами, и низкою, неостукатуренною трубою; косящепыя окпа изъ слюды съ рѣзными рамами и пестро расписанными спавнями; большія ворота подъ навѣсомъ съ рубленнымъ въ городки подзоромъ, и наконецъ досчатый заборъ, изъ-за коего видны были на обширномъ дворѣ овины, анбары и другія хозяйственныя строенія, — все сіе показывало, что владѣлецъ сего дома былъ не простой крестьянинъ. Внутренность его соотвѣтствовала наружности. Изъ сѣней, которыя, проходя на сквозь, дѣлили избу на двѣ половины, вправо былъ входъ въ большой покой, служившій въ одно время кухнею, пріемною и столовою. Сосновыя лавки кругомъ; большой столъ

такого же дерева въ правомъ углу; въ томъ же углу сверху образъ старинаго письма, съ горѣвшею передъ нимъ лампадою, и на полкахъ по стѣнамъ столовая и кухонная посуда — составляли всю мебель сей комнаты. Она сообщалась посредствомъ сколоченной изъ досокъ двери съ другою комнатою поменьше: кровать, закрытая пестрыми занавѣсами; сундукъ съ разостланнымъ на немъ ковромъ, и поставецъ за стеклами съ чайнымъ приборомъ — означали, что тутъ была спальня. За нею находилась третья горенка, или лучше сказать нишь: можно было догадываться, по уединенному ея положенію, по стоявшей въ углу на покрытомъ столѣ иконѣ Казанской Богоматери въ серебряномъ окладѣ, и по висѣвшимъ кругомъ ея ликамъ Святыхъ

Угодниковъ, что сіе мѣсто было исключительно посвящено молитвѣ. — Другая половина дома, гдѣ расположеніе комнатъ было такое же, назначалась для проѣзжающихъ.

День склонялся къ концу. Иванъ Тимоѳеевичъ Болтовъ вышелъ уже изъ образной, гдѣ каждый вечеръ, передъ тѣмъ какъ ложиться, проводилъ по часу передъ завѣтными иконами; перекрестилъ сына, и готовился итти въ опочивальню, какъ вдругъ слышитъ на улицѣ шумъ. Ночь была лунная: онъ поднялъ нижнюю часть окна, и видитъ, что къ воротамъ подъѣхала телѣга тройкою. Полагая, что то были странники, искавшіе ночлега, Болтовъ приказалъ сыну взвесити повозку на дворъ, а самъ взялъ свѣчу, чтобъ встрѣтить пріѣзжихъ на другой половинѣ дома въ

сѣняхъ, у гостиной свѣтлицы; но не успѣлъ ступить двухъ шаговъ, какъ дверь растворилась, и вошелъ въ комнату мущина, державшій за руку ребенка лѣтъ пяти. Незнакомецъ былъ росту высокаго, и, судя по усамъ и бородѣ, только что выступавшимъ, имѣлъ отъ роду не болѣе 25 лѣтъ. Синяя клѣтчатая рубаха, сверху сѣрый изношенный армякъ на распашку, пожелтѣвшая отъ времени поярковая шляпа и арапникъ въ рукѣ — являли въ немъ ямщика: однако жь можно было, присмотрѣвшись къ нему, замѣтить по мужественной осанкѣ, по стремительнымъ взорамъ, которые прѣзжій бросалъ во всѣ стороны, и по важной его поступи, что онъ не всегда носилъ это званіе.

— «Откуда, братъ Медвѣдевъ,» сказалъ ему хозяинъ, послѣ того,

какъ гость, осѣнивъ себя три раза крестомъ передъ стоявшею въ углу иконою, обратился къ нему съ поклономъ, «откуда въ эдакую пору и въ такомъ нарядѣ?» —

«Теперь не до отвѣтовъ» торопливо проговорилъ пріѣзжій. «Иванъ Тимоѳеевичъ! ты не разъ говаривалъ, что много обязанъ покойному батюшкѣ: пришло время отблагодарить сыну за службу отца. Вотъ тебѣ Татьяна. Будь ей вмѣсто меня!»

— «Что съ тобою, любезный? Ты то куда же?» —

«Развѣ ты не между людьми живешь, что ничего не слыхалъ! Стрѣльцовъ разбили; Колтовъ схваченъ, и полки Гордона уже окружили наши слободы.»

— «Да тебѣ что до этаго? Царь тебя жалуетъ; съ Колотовымъ у васъ всегда было не ладно.» —

«Царь далеко, а Князю Кесарю нѣкогда разбирать, кто правъ, кто виноватъ; Стрѣльцы бунтуютъ; я Стрѣлецкій Голова, этого довольно!»

— «Эй, опомнись, голубчикъ! Пожалуй, будь умнѣе! дождись терпѣливо конца.» —

«Чтобъ завтра положить голову на плаху. Ромодановскаго не знаешь, что-ли?».... Съ симъ словомъ Медвѣдевъ, обратившись къ углу, гдѣ стоялъ ликъ Спаса, положилъ передъ нимъ три земныхъ поклона, обнялъ хозяина, съ судорожнымъ движеніемъ поцѣловалъ въ голову Татьяну, и, быстро проговоривъ: «прощайте!» бросился вонъ изъ комнаты. Болтовъ, изумленный столь нечаяннымъ по-

явленіемъ, какъ бы невольно подошелъ къ окну, обращенному на большую дорогу, слѣдуя взоромъ за поѣзжею телѣгою, пока она не скрылась въ прилегающей рощѣ. Это случилось въ 1698 году.

Болтовъ, имѣя 20 лѣтъ отъ роду, пришелъ сиротою въ Москву; и стараніемъ Сокольника Медвѣдева, отца того, о которомъ упомянуто выше, опредѣлился служителемъ въ Царскія конюшни. Расторопность и рачительность въ короткое время обратили на юношу вниманіе Царя Ѳеодора, который, какъ извѣстно, былъ большой охотникъ до лошадей. Когда же Петръ, для сокращенія дворцовыхъ расходовъ, уменьшилъ Царскія конюшни, Царица Прасковья,

замѣтивъ усердіе Болтова, опредѣли-
ла его старостою отчины своей,
Измайлова. Петръ, забавляясь лѣ-
томъ на лугахъ, Преображенскаго и
Семеновскаго, военными потѣхами,
заходилъ иногда къ сему старому слу-
гѣ, который сажалъ Его на лошадь,
когда Онъ былъ ребенкомъ, и прова-
живалъ верхомъ по двору. Хозяинъ,
какъ водится, угощалъ высокаго го-
стя, домашнимъ сыромъ, ветчиною,
соленымъ гусемъ или ушкой, и кружкою заморскаго вина, нарочно сберегаемаго въ погребу для таковыхъ посѣщеній. Государь сажалъ Болтова съ собою; а сынъ его, двѣнадцатилѣтній Борисъ, занималъ мѣсто слуги. Ловкость и смѣлые отвѣты сего мальчика понравились Царю. — «Обучаешь ли ты его грамотѣ?» — спросилъ Онъ однажды у Болтова.

«Вѣстимо, Государь! Мы знаемъ, что Тебѣ это любо. Не далѣе какъ о Рождествѣ придется отправить за его ученіе къ отцу Григорію третій четверикъ пшеничной муки.»

— «Да мальчикъ, я чаю, у тебя лѣнится!» —

«Благодаря Бога,» продолжалъ Болтовъ «разбираетъ книги церковныя, и по новому, какъ Ты указать изволилъ, пишетъ уставомъ и скорописью, знаетъ цыфиръ. Борисъ,» примолвилъ онъ, оборотясь къ сыну, «покажи-ко Его милости, что намедни чертилъ здѣсь.»

— «Дѣло, старикъ!» сказалъ Петръ, разсмотрѣвъ поднесенную Ему тетрадь, «года черезъ два я у тебя его возьму.» —

«Воля Господня и Твоя надъ отцемъ и сыномъ;» отвѣчалъ хозяинъ, кланяясь Ему въ поясъ, «мы всѣ рабы Твои, рады животъ свой положить за Тебя.»

— «Тебя мнѣ не надо,» возразилъ Царь, «ты уже отслужилъ свой вѣкъ; а Бориса, когда ему минетъ четырнадцать лѣтъ, пришли ко Мнѣ; будетъ хорошъ, Я его не оставлю»... Съ сей минуты отецъ съ трепетомъ, а сынъ съ нетерпѣніемъ, свойственнымъ двѣнадцатилѣтнему мальчику, ждали положеннаго срока. Наконецъ настала 1700 годъ, и наступило время разлуки. Болтовъ со слезами благословилъ сына, и Борисъ чрезъ два дня явился къ Нему солдатомъ Бомбандирской роты Преображенскаго полка.

Вскорѣ началась война со Шведами. Борисъ отправился въ походъ.

Ретивое заиграло въ немъ при первомъ громѣ пушекъ. Слова, произнесенныя Петромъ: «Будетъ хорошъ, я его не оставлю,» поминутно отзывались въ ушахъ юноши. Какъ не оправдать ожиданія отца, не сдѣлаться достойнымъ Царской милости! — въ 15 лѣтъ, когда вся душа занята мыслію о славѣ и отличіяхъ, не заботиться о сохраненіи жизни! — Случалось ли вызывать охотниковъ для атаки непріятельскихъ батарей, для приступа, Борисъ былъ всегда въ ихъ числѣ: первый въ напискѣ, послѣдній во время отступленія, онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе начальниковъ. Подъ Лѣснымъ Петръ, на полѣ сраженія, пожаловалъ его сержантомъ.

Можно судить, какъ радостны были сіи вѣсти для старика отца. Жи-

вучи постоянно въ Измайловѣ, онъ дѣлилъ время между хозяйствомъ и воспитаніемъ дочери, которую Господь такъ неожиданно ниспославъ къ нему. Татьяна съ каждымъ днемъ дѣлалась ему милѣе. Сохраняя темное воспоминаніе объ отцѣ, она не знала, что понудило его вдругъ удалиться; ей только было извѣстно, что она сирота. Болтовъ заботился объ ея дѣтствѣ; онъ отдавалъ ее на воспитаніе къ швеямъ, работавшимъ во дворцѣ; онъ приставилъ къ ней старушку, чтобъ пріучать ее къ хозяйскимъ занятіямъ. Вся забота, всѣ старанія молодой дѣвушки обращены были на то, чтобы чѣмъ-нибудь изъявить признательность своему благодѣтелю. Она всякій разъ съ новымъ вниманіемъ слушала старосту, когда онъ разсказывалъ ей за полдникомъ, ка-

кимъ образомъ ему однажды удалось, находясь въ числѣ охотниковъ Царя Алексѣя, своеручно, въ виду Государя, убить вепря, или какъ въ другое время онъ остановилъ лошадь, которая понесла было Царя Ѳеодора; за что и получилъ кафтанъ голубаго сукна съ золотыми снурками. Случалось ли ему имѣть огорченія, Татьяна невинными ласками старалась успокоить его, или заводила рѣчь о Борисѣ, и старикъ забывалъ грусть, хваля сына и предаваясь всей силѣ отеческой любви.

Десять лѣтъ прошли въ сей однообразной жизни. Наконецъ, Турецкій походъ кончился, войска начали возвращаться въ Россію, и Борисъ, въ сержантскомъ мундирѣ, съ Шлиссельбургскою и Полтавскою медалями на груди, очутился въ хижинѣ, гдѣ провелъ

лѣта дѣтства, въ объятіяхъ отца. Съ тою же стремительностію бросился онъ къ Татьянѣ, чтобъ прижать къ сердцу сестру; взглянулъ на нее, и словно осполбенѣлъ.... Пораженный неожиданнымъ удивленіемъ, смотритъ, и — не вѣритъ глазамъ своимъ: предъ нимъ красавица-невѣста! — Татьяна была ребенокъ, когда онъ ее оставилъ; теперь ей минуло 17 лѣтъ. Алая бархатная повязка, изъ-за коей вились два шелковыхъ локона, спущенныхъ небрежно за уши; голубые какъ небо глаза, въ коихъ такъ живо изображалась радость свиданія; румянецъ на щекахъ, свѣжій какъ роза, едва распустившаяся; шея, не уступавшая бѣлизною кисеѣ, прикрывавшей дѣвическую грудь; сарафанъ, чуть державшійся на плечахъ и такъ хорошо обши-

мавшій стройный станъ — все это невольно остановило бы каждаго. Могъ ли Борисъ, въ 25 лѣтъ, остаться равнодушнымъ? Оправившись нѣсколько отъ своего смущенія: «здравствуй, сестрица!» сказалъ онъ робкимъ голосомъ, обнимая ее. Говорятъ, что Татьяна раздѣляла отчасти это смущеніе, что щеки ея разгорѣлись, и возвратный поцѣлуй былъ пламеннѣе нѣхъ, коими она обыкновенно привѣтствовала посторонних. И мудрено ли? Борисъ былъ молодецъ видный: загорѣвшее лице, быстрые черные глаза, небольшіе усы, а къ нему зеленый мундиръ, съ откладнымъ краснымъ воротникомъ и лацканами, и съ золотымъ позументомъ по краямъ, короткое нижнее платье краснаго же цвѣта, плотно обтянутые синіе чулки, и башмаки съ мѣдными пряжками —

придавали ему воинственный видъ, который, какъ толкуютъ, не пропитенъ женщинамъ. Припомнъ, Татьяна не забыла, что Борисъ забавлялъ ее, когда она явилась въ домъ Болтова; что онъ первый обучалъ ее грамотѣ. Къ воспоминанію о прошедшемъ присоединилось новое, неизвѣстное ей ощущеніе: однимъ словомъ, они скоро поняли другъ друга.

Въ простомъ званіи, приличіе не налагаетъ цѣпей на изъявленіе сердечныхъ чувствъ. Нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда, Борисъ, застнавъ Татьяну одну въ свѣтлицѣ, сказалъ ей: «Я люблю тебя, хочешь ли быть моею?» — «Спросись у батюшки,» застѣнчиво отвѣчала дѣвушка, между тѣмъ какъ опущенные въ землю глаза и зарумянившіяся отъ удовольствія щеки, показывали, что

съ ея стороны не будетъ большаго запрудненія. Того же вечера, взявшись за руки, они вошли въ спальню къ отцу, и, поклонившись ему въ поясъ: «мы любимъ другъ друга!» сказалъ Борисъ: «не мѣшай нашему счастію; благослови!» — «Исполать вамъ,» отвѣчалъ старикъ. «Да ниспошлетъ Господь на васъ Свою благодать! Видно,» продолжалъ онъ, обратясь къ Татьянѣ, «Богу не угодно, чтобъ отецъ твой дѣлилъ съ нами это счастіе: мы не знаемъ даже, живъ ли онъ; но онъ мнѣ передалъ на тебя свои права!» — Сказавъ это, Болтовъ снялъ со стѣны завѣтный образъ; молодые любовники положили передъ нимъ по три земныхъ поклона, и взаимнымъ поцѣлуемъ сдѣлали начало обѣту, который долженъ былъ соединить ихъ на вѣки.

Наступалъ счастливый день свадьбы. Сельскія дѣвушки, подруги Татьяны, готовили уже ей приданое; уже нѣсколько вечеровъ сряду сбирались онѣ къ невѣстѣ, чтобъ въ простосердечныхъ пѣсняхъ изъявить свои желанія юной четѣ, какъ вдругъ неожиданное происшествіе уничтожило надежды любовниковъ.

Однимъ утромъ Татьяна сидѣла съ будущимъ тестемъ своимъ за самоваромъ; Борисъ ушелъ въ Москву освѣдомиться, не пришло ли изъ Петербурга разрѣшеніе, касательно его женидьбы, какъ вошелъ къ старостѣ незнакомый крестьянинъ среднихъ лѣтъ. Походка его была скорая; одежда въ безпорядкѣ. Дикій взглядъ, глубокія морщины на челѣ и на впалыхъ,

блѣдныхъ щекахъ; смуглый цвѣтъ лица въ противуположности съ бѣлизною дней, и наконецъ сѣдые волосы, проявлявшіеся на головѣ и въ длинной, всклокоченной бородѣ, несообразные съ бодрою его осанкою — заставляли и самаго недальновиднаго, взглянувъ на сего пришельца, догадываться, что онъ не мало перенесъ горя на своемъ вѣку, и что преждевременная старость его происходила не столько отъ тѣлесныхъ трудовъ, сколько отъ душевныхъ болѣзней. Ни на что не обращая вниманія, онъ пробылъ нѣсколько минутъ не подвиженъ посереди комнаты, устремивъ взоръ на Татьяну; задрожалъ, и, возвесши къ небу руки и глаза, полные слезъ, произнесъ гробовымъ голосомъ: «Господи! благодарю Тебя, что

Ты позволилъ мнѣ еще разъ увидѣть ее въ жизни!»

—«Батюшка! батюшка!» вскричала Татьяна, бросаясь къ нему на шею, «какъ я счастлива! Мы вчерась еще тебя поминали. Тебя только не доставало, чтобъ благословить насъ и утвердить наше благополучіе. Какъ радъ будетъ Борисъ!» —

«Благословинь?... Борисъ?...» сказалъ Медвѣдевъ, между тѣмъ какъ лице его сдѣлалось еще мрачнѣе. «Не уже ли есть несчастный, который захочетъ взять тебя сироту безродную, дочь преступника?»

«Полно, любезный!» прервалъ Болтовъ. «Забудемъ прошлое. Борисъ мой тотчасъ будетъ. За чѣмъ мѣшать ихъ счастію? Мы такъ долго были въ разлукѣ. Посвятимъ радости первыя минуты свиданія!»

— «Радости?» отвѣчалъ пришлецъ, съ глубокимъ вздохомъ. «Ахъ! какъ я давно не зналъ радости!... Такъ это Борисъ твой за нее сватается?» продолжалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія. «И ты, Таня, могла согласиться на то, чтобъ опозорить семью, которая тебя вскормила; покрыть стыдомъ сѣдины старика, твоего благодѣтеля, и запятнать собою своего супруга?» —

«Нѣтъ, нѣтъ!» вскричала Татьяна, заливаясь слезами, «сохрани-меня Боже!»

«Да перестань морочить ее бѣдную,» прервалъ хозяинъ. «Скажи лучше, гдѣ былъ все это время? Какъ твое дѣло кончилось?»

— «Кончилось?» возразилъ Медвѣдевъ. «Нѣтъ! оно еще не кончилось, а скоро кончится,» продолжалъ онъ

съ спокойнымъ видомъ. «Я чаю недѣли черезъ полторы.» —

«Я все таки тебя, любезный, не понимаю.»

— «Да! скоро кончится,» тихо повторилъ пришлецъ. «Тринадцать лѣтъ я былъ въ изгнаніи. Какъ первый человѣкоубійца, прокляпый Господомъ, я спѣшилъ и трясся на земли. Мнѣ казалось, что, подобно ему, я носилъ на себѣ знаменіе, по которому всякій узналъ бы меня при первомъ взглядѣ. Шорохъ листьевъ въ дубравѣ; любопытные взоры, встрѣчаемые повсюду, куда я ни приходилъ; шопотъ въ бесѣдахъ — все приводило меня въ трепетъ. Я и во снѣ и на яву видѣлъ погоню, висѣлицу, плаху. Лице мое испало; бродя какъ тѣнь, я убѣгалъ себя и людей. Скоро тоска, злодѣйка, начала меня

мучимъ. Утромъ, когда скрывался мѣсяцъ, я терзался мыслію, что онъ идетъ къ вамъ на западъ. Я терзался вечеромъ, когда садилось солнце. Каждый день умиралъ новою смертію по томъ уголкѣ, гдѣ лежатъ кости праотцевъ, гдѣ я похоронилъ свою Варвару, гдѣ сиротствовала Татьяна; хотѣлъ было забыться, убить горе трудомъ: съ утра до ночи работалъ; но день ото дня грусть какъ камень глубилась въ сердце. Наконецъ стало не въ мочь; рѣшился разъ положить всему конецъ, принести повинную голову — только бы васъ еще увидѣть на своемъ вѣку! Господь,» прибавилъ онъ крестясь, «услышалъ мою молитву .... Спасибо тебѣ, добрый Иванъ Тимофеевичъ,» продолжалъ онъ, нѣсколько помолчавъ; «береги се и впередъ. Топъ, Кто *воздаетъ на-*

почившему жаждущаго чашею студеной воды, одинъ можетъ вознаградить тебя.» — Сказавъ это, Медвѣдевъ сильно прижалъ къ сердцу полумертвую дочь; списнулъ руку у стараго друга; отеръ рукавомъ выкатившіяся изъ глазъ двѣ слезы, и, какъ бы опасаясь дальнѣйшимъ пребываніемъ въ этомъ мѣстѣ измѣнить своей твердости, опрометью выбѣжалъ изъ дому.

Случалось ли вамъ въ жизни, среди дружескаго разговора съ человѣкомъ, полнымъ совершеннаго здоровья, въ ту минуту, когда веселье оживляетъ вашу бесѣду, вдругъ увидѣть его передъ собою, пожатаго косою смерти? Въ нѣмомъ ужасѣ, прикованные къ своему мѣсту, вы не вѣрите своимъ глазамъ, видя безлушный трупъ; ждете оживѣла съ посинѣлыхъ устъ,

и, устремивъ на него пораженный взоръ, не видитъ, не слышитъ, что кругомъ васъ происходитъ. Въ такомъ положеніи были Болтовъ и Татьяна, неподвижные, не сводя очей съ двери, въ которую вышелъ Медвѣдевъ. Наконецъ, старикъ, поднявъ глаза къ небу, произнесъ тихо: «*Да святится имя Твое, да будетъ воля Твоя*! Не унывай, милая,» промолвилъ онъ сквозь слезы, обратясь къ Татьянѣ и взявшись между тѣмъ за шляпу: «надежда еще не пропала. Обратись къ Тому, Кто не оставляетъ въ нуждѣ уповающихъ на Него: Онъ услышитъ твою молитву.»

Одна, посреди комнаты, блѣдная, какъ смерть, Татьяна не слыхала сказаннаго ей, не примѣтила вышедшаго старосты. Чувства ея онѣмѣли. Слезы, навернувшіяся на глазахъ при мысли о

потерѣ жениха, остановились, когда она узнала, что сверхъ того лишается отца. Долго была она въ томъ состояніи безчувствія, которое обыкновенно сопровождаетъ сильную горесть. Все происшедшее казалось ей сномъ: она только помнила, что всѣ мечты ея о счастіи исчезли; что ей нѣтъ утѣшенія въ настоящемъ, нѣтъ надежды на будущее. Блуждая взорами окрестъ комнаты, она вдругъ невольно остановила ихъ на иконѣ Спасителя, стоявшей въ углу. Тускло горѣвшая передъ нею лампада, освѣщала блѣдный ликъ Распятаго, Который Божественнымъ примѣромъ Своимъ какъ бы хотѣлъ показать намъ, что страданія суть удѣломъ нашимъ въ сей земной жизни. «Онъ,» вскричала Татьяна, «покровитель сирыхъ и безпомощныхъ; Онъ одинъ

можетъ обратить печаль мою въ радость» — и съ симъ словомъ повергласъ предъ Изображеніемъ Искупителя. Уста ея не двигались; полная чувства, она не могла произнести ни слова, но вся душа ея молилась, и когда она привстала, слабый румянецъ, мгновенно покрывшій померпвѣлыя щеки, и слезы, блеснувшія въ тусклыхъ очахъ, ознаменовали, что Господь услышалъ теплую молитву невинной дѣвы, и лучь Божественнаго упованія оживилъ изсушенное горестію сердце, какъ послѣ знойнаго дня небесная роса освѣжаетъ поблекшіе цвѣты!

Спустя нѣсколько времени вошелъ Борисъ, неся въ рукахъ извѣстіе о согласіи Царя на его женидьбу. Но какъ изумился онъ, взглянувъ на невѣсту!... За два часа она была какъ роза въ цвѣту; лице горѣло огнъ удо-

вольствія; въ глазахъ такъ живо изо-
бражалось ожиданіе радостнаго со-
бытія, долженствовавшаго увѣнчать
всѣ ея желанія; но въ сію минуту
Борисъ почелъ бы ее привидѣніемъ,
пришедшимъ изъ царства тѣней по-
сѣтить сей подлунный міръ, если бы
слабо біющаяся грудь, и слезы, тихо
катившіяся по лицу, не означали въ
ней примѣтъ жизни.

«Что съ тобою, Таня!» быстро спросилъ онъ ее голосомъ, въ которомъ выражались всѣ чувства, терзавшія его въ ту минуту.

— «Ахъ! спасите батюшку,» вскричала Татьяна: «или дайте мнѣ умереть съ нимъ вмѣстѣ!.... Борисъ! ты былъ мнѣ другъ, благодѣтель,» продолжала она, бросившись предъ нимъ на колѣна: «придумай способъ отвратить грозящее ему несчастіе, или,

если нельзя миновать того, испроси мнѣ позволеніе раздѣлить съ нимъ его судьбу!» —

«Успокойся, моя милая!» отвѣчалъ юноша, приподымая ее: «и прежде всего объясни мнѣ, въ чемъ дѣло?»

Трепещущимъ голосомъ, часто прерывая себя слезами, Татьяна въ нѣсколькихъ словахъ описала ему свиданіе съ отцемъ и принятое имъ намѣреніе отдать себя въ руки Правительства.

«Дѣло не такъ еще худо,» сказалъ Борисъ, послѣ того какъ несчастная кончила свой разсказъ. «Оно отправится въ Петербургъ, и пройдетъ еще нѣсколько времени, пока выйдетъ рѣшеніе. Покамѣстъ авось можно будетъ помочь горю.»

— «Но Царь у насъ, говорятъ, такой строгой» — робко возразила дѣва.

«Онъ строгъ къ закоренѣлымъ преступникамъ,» прервалъ Борисъ: «но снисходитъ къ слабостямъ людей, и знаетъ цѣну раскаянія. Впрочемъ, чтобы ни случилось, милая, ты имѣешь во мнѣ подпору, друга и защитника. Вѣдь ты моя невѣста.»

— «Нѣтъ, Борисъ !..» отвѣчала Татьяна, между тѣмъ какъ слезы на глазахъ, легкій румянецъ, оживившій блѣдныя щеки, и волненіе груди показывали, чего ей стоило высказать свою мысль. «Теперь, безъ имени въ свѣтѣ, безъ пріюта, если мнѣ нельзя будетъ утѣшать батюшку въ его горѣ, я могу быть невѣстою одного только Бога. Вы скрывали отъ меня, что отецъ мой преступникъ; но Господь нарочно послалъ его сюда, чтобъ не допустить меня до грѣха

заплатишь вамъ зломъ за все ваше добро. Богъ свидѣтель, Борисъ, что мнѣ легче умереть, чѣмъ жить розно съ тобою: но мы должны разстаться!... Суди самъ, можно ли мнѣ принести стыдъ въ семью безпорочную, и опозорить тебя, котораго люблю болѣе всего въ мірѣ?» — Твердость, которою Татьяна вооружилась, дѣлая сей отвѣтъ, измѣнила ей при послѣднихъ словахъ: она произнесла ихъ такъ тихо, что одинъ только тонкій слухъ любовника могъ ихъ различить.

«Что!» быстро прервалъ юноша: «ты моя; ты не можешь уже располагать собою. Если отецъ твой въ самомъ дѣлѣ преступникъ, причастна ли ты къ его винѣ? Ты боишься упрековъ? но кто можетъ ихъ намъ сдѣлать? Ты росла у насъ сиротою,

и, кромѣ батюшки и меня, кто знаетъ о твоемъ рожденіи?»

— «Есть, Борисъ, свидѣтель, о которомъ ты забылъ. Онъ никогда не засыпаетъ, и его упреки тяжелѣ поговорокъ и толковъ людскихъ. Этотъ свидѣтель здѣсь» продолжала она, указывая на сердце. «Нѣтъ! я рѣшилась, и не перемѣню своего намѣренія: не видать мнѣ счастія на свѣтѣ, не бывать мнѣ твоей женою!» — И съ симъ словомъ, чтобъ въ продолженіи разговора съ милымъ сердцу, не увлечься его убѣжденіями и не обнаружить собственной слабости, Татьяна, украдкой обтирая слезы, поспѣшно ушла въ свою свѣтелку.

Часа черезъ два вошелъ къ ней Борисъ. Онъ былъ одѣтъ по походному: въ каскѣ, въ шинели, имѣя за плечами ранецъ, въ которомъ находилась

обыкновенная солдатская ноша: мундиръ и нѣсколько бѣлья. Къ черной портупеи съ вензеловымъ именемъ Государя, надѣтой съ праваго плеча, привѣшена была шпага, на эфесѣ которой висѣла пара башмаковъ. Татьяна ужаснулась, взглянувъ на бывшаго жениха своего. Свойственная ему пылкость исчезла; взоръ его былъ мраченъ; но на лицѣ, носившемъ еще свѣжіе слѣды сильной борьбы чувствъ, изображалось спокойствіе, признакъ принятаго вдругъ намѣренія. — Тихо подошедши къ Татьянѣ, онъ сказалъ ей, стараясь придать голосу своему всю возможную твердость: «Чтобъ спасти твоего отца, мнѣ надобно отправиться въ Петербургъ; я зашелъ къ тебѣ проститься.»

— «Не напрасенъ ли твой трудъ, голубчикъ?» вздохнувъ отвѣчала Тать-

яна. «Вѣдь, я чаю, судятъ-то его Бара большіе; нашей братьѣ къ нимъ и не приступиться.» —

«Есть у насъ» возразилъ Борисъ, «покровитель, который допускаетъ къ себѣ всякаго, и познатнѣе всѣхъ этихъ Баръ. Выслушай меня: года четыре назадъ имѣли мы съ Шведомъ баталію, въ Польшѣ, подъ Лѣснымъ. Семеновцевъ окружили. Государь приказалъ нашему полку сѣсть на лошадей и поскакать къ нимъ на выручку. Мы завидѣли непріятеля у опушки лѣса, спѣшились и ударили въ пики. Нашъ взводъ былъ въ авангардѣ. По несчастію, съ первымъ залпомъ перебили или переранили у насъ Офицеровъ. Солдаты начали-было мяться. Въ эту минуту я какъ-то отворотился, и вижу въ двухъ спахъ шагахъ на холму Государя, съ двумя

деньщиками, на рыжей своей лошадкѣ. Какъ тутъ бѣжать въ его виду? «Ребята, Царь на насъ смотритъ!» крикнулъ я своимъ, и бросился впередъ; прочіе за мною. Шведъ не выдержалъ, и въ лѣсъ; мы въ слѣдъ. Тутъ удалось мнѣ замѣтить ихъ Фендрика, который, чтобъ проворнѣе уйти, сорвалъ знамя съ древка, и спряталъ его къ себѣ за пазуху, а древко бросилъ въ сторону. Я гнать его, и скоро полонилъ съ добычею. Наконецъ, когда дѣло кончилось, Царь, поднесши всѣмъ намъ по чаркѣ водки, и сказавъ: «спасибо!» подошелъ ко мнѣ и примолвилъ: «Борисъ, Я тобою доволенъ; «жалую тебя Сержантомъ, и впередъ «не оставлю.» А надобно тебѣ знать, когда Петръ что скажетъ, то это такъ вѣрно, словно въ книгѣ напечатано.»

Разсказъ сей не много успокоилъ Танѣину. Лучь надежды проникъ въ ея сердце. Въ порывѣ чувства, бросясь къ жениху на шею: «дай Господи тебѣ,» сказала она, «благополучный успѣхъ! Я буду здѣсь, голубчикъ, о тебѣ молиться; но только, Бога ради, береги себя: ты знаешь, какъ ты мнѣ дорогъ!»

Недѣлю спустя послѣ этаго, Борисъ, совершивъ часть пути пѣшкомъ, а другую на подводахъ, кои въ то время изо всѣхъ концевъ Россіи тянулись съ разными припасами къ Петербургу, прибылъ наконецъ на мѣсто.

Новая Столица Сѣвера только что начинала тогда выстраиваться. Земляная крѣпость, которую начинали обводить камнемъ, съ вѣтренными

мельницами на валу, и лежащія на правомъ берегу Невы Петербургская и Выборгская стороны, составляли главную часть города. Частныхъ строеній было еще мало. Только знатные Бояре, находившіеся при Особѣ Государевой въ походахъ, Сенаторы и Начальники переведенныхъ сюда казенныхъ заведеній, имѣли свои дома, и тѣ состояли изъ фашиннику и глины, съ высокими мезонинами на Голландскій образецъ. Прочія зданія принадлежали Казнѣ: простыя избы, занимаемыя канцелярскими чиновниками, солдатами полковъ, составлявшихъ С.Петербургскій гарнизонъ, и наконецъ крестьянами, приходившими сюда ежегодно изъ внутреннихъ Губерній для работы. Лѣвый берегъ Невы былъ почти весь застроенъ отъ Смольнаго двора (нынѣшняго Смольнаго Мо-

наспыря) до Новой Голландіи. Мазанки Князя Меньшикова (гдѣ нынѣ Сенатъ), деревянный Соборъ Св. Исаакія, мазанковое Адмиралтейство съ деревяннымъ шпицемъ и позади его Морскія слободы (онѣ простирались до Мойки, и заключали въ себѣ Большую и Малую Морскія) и канатный дворъ (нынѣ домъ Вольнаго Экономическаго Общества и часть Главнаго Штаба), рядомъ съ Адмиралтействомъ Кикины палаты, гдѣ была Навигаторская школа (тамъ, гдѣ нынѣ дворцовой булеваръ; школа переименована Морскою Академіею, а послѣ Морскимъ Корпусомъ); потомъ домъ Адмирала Апраксина и деревянный зимній Дворецъ (гдѣ нынѣ Эрмитажъ)— покрывали Адмиралтейскій островъ. Далѣе, слѣдуя тѣмъ же берегомъ Невы, можно было замѣтить еще недо-

конченный каменный лѣтній Дворецъ съ новоразведеннымъ садомъ; противъ него на другомъ берегу Фонтанки партикулярную верфь; лотомъ линейный дворъ, похожій видомъ на нынѣшній, и наконецъ Дворцы Царевича Алексѣя и Царевны Натальи (гдѣ нынѣ шлифовальная дворцовая фабрика), отличавшіеся въ то время изяществомъ своей Архитектуры. Пространство отъ Мойки до Фонтанки и далѣе покрыто было болотами и лѣсомъ: отъ Полицейскаго моста тянулась по направленію Невскаго проспекта дорога въ Шлиссельбургъ; другая дорога вела изъ Галерной верфи въ Калинкину деревню, находившуюся подлѣ нынѣшняго моста того же имени. Васильевскій островъ былъ также покрытъ лѣсомъ, кромѣ деревянныхъ палатъ Князя Меншикова

(на томъ мѣстѣ поставлены были послѣ каменныя, кои составляютъ нынѣ часть Кадетскаго Корпуса), и Французскія слободы, такъ названныя потому, что тутъ жили иностранные ремесленники, большею частію Французскіе Протестанты, выгнанные изъ своего отечества, по случаю уничтоженія Нантскаго постановленія. Сверхъ того, отъ мѣста, гдѣ нынѣ Корпусныя ворота и гдѣ въ то время поставлена была каланча, прорубленъ былъ во всю длину острова до Галерной гавани проспектъ, въ концѣ котораго стояла другая, такая же каланча. Тамъ стоялъ безсмѣнно часовой, чтобъ сигналами давать знать о приходящихъ къ устью Невы кораблях. На Петровскомъ острову, въ Екатеринг. Петергофѣ и въ Сиръянской мызѣ заложены были Царскіе

загородные дома, но работа ихъ пріостановилась за другими строеніями (2).

Въ Маѣ 1712 года, съ восходомъ солнца, Борисъ въ полномъ мундирѣ очутился у деревяннаго домика, въ которомъ жилъ Петръ при построеніи Петербурга. Услышавъ благовѣсіе въ Соборѣ Св. Троицы, онъ пошелъ въ церковь; отслушалъ съ благочиніемъ заутреню; положилъ три земныхъ поклона передъ мѣстнымъ образомъ, и съ слезами умиленія на глазахъ, полный упованія на Божественнаго Заступника беззащитныхъ, вышелъ на паперть ждать Государя, когда Онъ пойдетъ въ Сенатъ. Шагахъ во стѣ двадцати отъ церкви, почти на берегу Невы, стояла Царская аустерія, чистенькій домикъ въ четыре окна съ галлереею кругомъ. Петръ обыкновенно путь завтра-

калъ; но всѣмъ служащимъ Офицерскаго чину было вольно заходить сюда, а содержателю приказано на Царскій счетъ подносить каждому по рюмкѣ водки съ кренделемъ. Борисъ, прошедши нѣсколько разъ по берегу рѣки взадъ и впередъ, остановился у аустеріи, и, опершись на одну изъ ея колоннъ, обратилъ внимательный взоръ на лѣтній Дворецъ, тогдашнее мѣстопребываніе Царя. Наконецъ ударило на Адмиралтейской башнѣ семь часовъ. Лодка, покрытая зеленой краскою, отдѣлилась отъ противоположнаго берега, и юноша, по ловкости и быстротѣ, съ какою она разсѣкала волны, узналъ въ высокомъ гребцѣ Того, отъ Котораго въ сію минуту зависѣла его участь. Вскорѣ онъ могъ различить Его черный кожаный картузъ, Его Французскій кафтанъ съ-

рато сукна, съ тафтянымъ камзоломъ коричневаго цвѣта, замшевое исподнее платье, стянутое у колѣнъ большими мѣдными пряжками, и сѣрые полосатые чулки. Вся твердость молодаго воина исчезла, когда онъ увидѣлъ Петра, вышедшаго изъ лодки, и привязывающаго ее къ вопкнупому на берегу колушку; но онъ вспомнилъ, что Царь не любитъ, кто при Немъ робѣетъ, оправился, и бодро пошелъ къ Нему на встрѣчу.

«Здорово Болтовъ,» сказалъ Петръ, увидѣвъ его: «давно ли ты здѣсь? Я чаялъ, что ты теперь пируешь свадьбу.»

— «Нѣтъ, Государь! не радость, а горе посѣтило нашу семью: невѣста моя — дочь Медвѣдева.« —

Глаза Государя засверкали; сошедшіяся густыя брови, и небольшое

движеніе головы, обыкновенный признакъ Его гнѣва, показывали, сколь непріятно Ему сіе извѣстіе. «Медвѣдева?» возразилъ онъ: «чего же тебѣ надо?»

— «Онъ пятнадцать лѣтъ былъ въ изгнаніи,» отвѣчалъ Борисъ со вздохомъ: «и самъ принесъ Тебѣ повинную голову. Господи милуетъ кающихся,» примолвилъ онъ, бросаясь на колѣна: «а Ты нашъ земной Богъ...»

«Ты не вѣдаешь, чего просишь,» прервалъ Петръ. «Вспомни! знаешь, Я этого не люблю. Не я осудилъ Медвѣдева, а законъ. Къ чему писать законы, когда ихъ не исполняешь?» Я самъ слуга законовъ.»

— «Я знаю, Государь, что законъ требуетъ жертвы,» возразилъ юноша: «но Медвѣдеву не перенести этаго. Онъ такъ уже изнуренъ горемъ,

что ему и въ покоѣ не прожить десяти лѣтъ. Я прошу только Твоей милости, чтобъ меня назначили вмѣсто его. Я еще молодъ, здоровъ, силенъ; да притомъ вѣдь Тебѣ же буду служить, хоть и въ каторжной работѣ. Только служба тяжелѣ, да чести нѣтъ.» —

Петръ поглядѣлъ ему въ глаза, какъ бы желая проникнуть, онъ искренняго ли сердца говорилъ юноша; но у Бориса душа была на языкѣ.

«Тебя назначить вмѣсто его?» спросилъ наконецъ Государь: «а отецъ твой; а невѣста?

— «Вѣдь и безъ него мнѣ съ ними розно жить, пока я на Твоей Государевой службѣ,» вздохнувъ сказалъ Борисъ. «Татьяна была и будетъ ему дочерью. Вѣстимо,» продолжалъ онъ, отирая рукавомъ покатившіяся слезы

«тяжело отцу будетъ, да онъ утѣшится, что я не за свою вину терплю. А свадьба моя съ Татьяною не уйдетъ. Мы никогда не перестанемъ любить другъ друга! Теперь она не хочетъ быть моею, чтобъ не порочить семьи нашей; но если Господь позволитъ прожить намъ еще, съ надеждой на Него, то лѣтъ кое-какъ пройдутъ.» —

«Это другое дѣло,» возразилъ Государь; «но ты знаешь, что Я самъ собою не сужу безъ Сената. — Молился ли ты сегодня?» спросилъ Онъ, нѣсколько помолчавъ.

— «Былъ у заутрени, Государь, и пѣлъ на клиросѣ, когда Дьяконъ на эктеніи поминалъ Твою милость.»

«Иди, еще помолись! Молитва у Бога никогда не пропадаетъ; а Я за

тебя замолвлю слово; но за успѣхъ не ручаюсь.»

Первоначальная Канцелярія Сената находилась въ крѣпости, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Остаточное Казначейство, и принадлежала тогда къ числу красивѣйшихъ зданій въ Петербургѣ. Это былъ обширный мезанковый домъ, объ одномъ жильѣ, съ тесовою крышею краснаго цвѣта, поддерживаемою десятью пилястрами. Большая растворчатая дверь вела съ улицы въ сѣни, раздѣлявшія оный на двѣ половины. Пять оконъ по лѣвой сторонѣ занятны были Канцелярією и Архивомъ. На правой сторонѣ сѣней было двое дверей. Черезъ первую входили прямо въ присутственную палату, гдѣ представлялись взору: по серединѣ, большой четвероугольный столъ, покрытый

зеленымъ сукномъ, и на немъ нѣсколько экземпляровъ Уложенія; восемь креселъ по длиннымъ краямъ стола и девятое на Президентскомъ мѣстѣ, прямо противъ двери, съ грубо вырѣзаннымъ на спинкѣ деревяннымъ двоеглавымъ орломъ; въ лѣвомъ углу, другой столъ поменьше, за коимъ вѣроятно сидѣлъ Оберъ-Секретарь; въ правомъ, образъ Пресвятыя Троицы, а на стѣнахъ приклеенные Указы, чтобъ Сенатпу *честно и чисто, нелѣностно, но паче ревностно исполнять правду и правый судъ.* Комната сія сообщалась посредствомъ потаенной двери съ другою поменьше, объ одномъ окнѣ, замазанномъ глиною и огражденномъ желѣзною рѣшеткою. Тутъ хранились орудія пытки, которая въ началѣ XVIII-го столѣтія считалась во всѣхъ

почти Европейскихъ Государствахъ необходимою принадлежностію уголовнаго судопроизводства. Къ сей компатѣ примыкалъ корридоръ, сообщавшійся съ Канцеляріею тайныхъ дѣлъ, и другимъ концемъ выходившій въ задшія сѣнныя двери, о которыхъ сказано выше. Нѣсколько дверей въ этомъ корридорѣ вели, каждая въ небольшую горенку на подобіе кельи, съ рѣшетчатымъ круглымъ окномъ, обращеннымъ на дворъ: тутъ преступники, назначенные къ допросу, дожидались, когда ихъ поведутъ въ присутствіе.

Въ означенный нами день, семь особъ (3) засѣдали, съ шести часовъ утра, въ этомъ верховномъ судилищѣ. На первомъ мѣстѣ, по правую сторону отъ Президента, находился дородный мущина, въ суконномъ корич-

невомъ чекменѣ. Остриженные въ кружекъ черные волосы; серебряныя брови и рѣсницы, изъ подъ коихъ сверкали черные, пламенные глаза; полныя румяныя щеки, въ коихъ исчезалъ почти небольшой, сплюснутый носъ, и подернутые будто снѣгомъ усы, закрывавшіе верхнюю губу,— составляли нѣчто грозное, поселявшее съ перваго взгляду уваженіе, смѣшанное однако жь съ ужасомъ. То былъ знаменитый Князь Ѳ. Юр. Ромодановскій, незадолго пріѣхавшій изъ Москвы, который, по званію Князя Кесаря, имѣлъ право засѣданія во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ Государства. Никто изъ Русскихъ, можетъ быть, не оказалъ Петру важнѣйшихъ услугъ, и никто не пользовался большимъ его уваженіемъ. Неразлучный съ Государемъ отъ вступ-

ніенія Его на Престолѣ, онъ руководилъ Его въ смутныя времена Спрѣлецкихъ возмущеній; сообщилъ Ему свою твердость, когда непредвидѣнныя неудачи грозили бѣдствіемъ Царю и Царству; указывалъ средства обращать ихъ въ свою пользу, и не разъ даже помогалъ Ему своею казною. Чистый, здравый смыслъ и обширный умъ, быстрый въ соображеніяхъ, неистощимый въ средствахъ выйти съ успѣхомъ изъ самыхъ запутанныхъ дѣлъ, замѣнялъ въ немъ образованіе. Безъ корысти, безъ личныхъ видовъ, всемъ жертвуя своему долгу, онъ имѣлъ всѣ добродѣтели близкаго слуги Царева, кромѣ одной, главнѣйшей можетъ быть въ человѣкѣ государственномъ: онъ не зналъ состраданія, и несчастные, подпавшіе гнѣву Петра, считали себя по-

гибшими, если находили Ромоданов-
скаго въ числѣ своихъ судей. Лѣпа,
ослабивъ въ немъ тѣлесныя силы, не
умалили неумѣрной его строгости,
основанной на правилѣ, почти общемъ
въ то время, что страхомъ всего
удобнѣе удержать умы въ безпреко-
словномъ повиновеніи.

Подлѣ него сидѣлъ Тихонъ Ивано-
вичъ Стрѣшневъ. Длинные, сѣдые
волосы, спущенные по плечамъ; ти-
хій, ясный взоръ, дышащій кротo-
стію; продолговатое лице, на кото-
ромъ, не взирая на усилія времени,
игралъ еще слабый румянецъ, и не-
принужденное благоволеніе, оживлявшее
поблекшія его черты, — влекли къ не-
му сердца всѣхъ. Онъ былъ, какъ
изящный памятникъ искусства минув-
шихъ временъ, которато красотѣ
удивляемся и къ древности коего

хранимъ невольное почтеніе. Сошед-
шись съ нимъ, казалось, видишь пе-
редъ собою Патріарха, *исполненна-*
го дней, который, переживъ свое по-
колѣніе, взираетъ на родъ людской
съ участіемъ, озаряющимъ иногда на-
ши лица, когда мы смотримъ на игра-
ющихъ дѣтей. Стрѣшневъ былъ Хри-
стіанинъ въ душѣ, и полагая, что
большая часть нашихъ преступле-
ній суть мгновенныя заблужденія
страстей, что убѣжденіями и кро-
тостію можно въ самомъ закоренѣ-
ломъ злодѣѣ пробудить усыпленную
совѣсть, онъ принадлежалъ къ числу
немногихъ, кои, ненавидя порокъ,
сожалѣютъ объ его послѣдователяхъ,
и во всякомъ случаѣ, въ противность
Князю Кесарю, принималъ сторону
человѣчества. Родство его съ Пе-
тромъ (онъ былъ Ему дядя по баб-

кѣ); извѣданная вѣрность въ теченіе пятидесятилѣтней службы, пріобрѣтшая ему всеобщее уваженіе, и сила рѣчей, проистекавшая отъ избытка сердца и отъ теплоты чувствъ, — доставляли ему часто утѣшеніе облегчать участь несчастныхъ, на судьбу которыхъ онъ могъ дѣйствовать.

Противъ Ромодановскаго сидѣлъ, въ алонжевомъ парикѣ и въ тафтяномъ кафтанѣ темнаго цвѣта, первый Сенаторъ по старшинству, Графъ Ив. А. Мусинъ-Пушкинъ; потомъ Князъ Мих. Влад. Долгорукій, и бывшій Дьякъ Михайло Самаринъ. Почти всѣ засѣдали въ Боярской Думѣ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ. На другомъ концѣ стола находились присутствовавшіе въ Сенатѣ на то время, по особенному повелѣнію Петра,

Ѳ. М. Апраксинъ, въ Адмиральскомъ, золотомъ шитомъ мундирѣ; а напротивъ, съ двумя звѣздами на груди и Малтійскимъ орденомъ на шеѣ, Генералъ-Фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ, къ которому всего приличнѣе было отнести сказанное о Французѣ Боярдѣ: «Онъ былъ Рыцарь — безъ страха и упрека!»

Присутствіе давно началось. Сенаторы уже рѣшили два дѣла; Оберъ-Секретарь читалъ третье, какъ явился Петръ. Чтобъ не помѣшать вниманію слушавшихъ, Онъ прошелъ, не кланяясь никому, на свое мѣсто, и началъ перелистывать лежавшій передъ Нимъ настольный журналъ. Лице Его было важнѣе обыкновеннаго, и тѣ, кои опъ частаго съ Нимъ обращенія привыкли по наружности

разбирать происходившее въ Его душѣ, угадывали, что Онъ занятъ какою-то важною мыслію. Наконецъ, спустя нѣсколько времени, произнесли имя Медвѣдева. Государь, отложивъ журналъ въ сторону, поднялъ глаза, привѣтствовалъ присутствовавшихъ взоромъ и легкимъ наклоненіемъ головы, и, облокотившись на столъ, подалъ знакъ, чтобъ читали дѣло.

Стрѣлецкій Голова Медвѣдевъ узналъ о намѣреніи Полковника Колотова произвести возмущеніе въ Москвѣ, чтобъ выручить Стрѣльцевъ, разбитыхъ Генераломъ Гордономъ у Воскресенскаго Монастыря; но не донесъ о томъ. Когда, спустя два дня послѣ того, замыслы Колотова сдѣлались извѣстны, и онъ былъ схваченъ,—Медвѣдевъ, опасаясь наказанія,

ушелъ въ Пермь, гдѣ, по справкамъ, велъ себя честно и работалъ подъ чужимъ именемъ тринадцать лѣтъ на желѣзныхъ заводахъ купца Строганова: но тогда же приговоренъ былъ Канцеляріею Тайныхъ дѣлъ къ десятилѣтней каторжной работѣ и потомъ на поселеніе въ Сибирь. Нынѣ, движимый раскаяніемъ, онъ воротился въ Москву, и, явившись у тамошняго Губернатора, добровольно отдалъ себя во власть Правительства. Правительствующій Сенатъ, принявъ въ уваженіе наказаніе, самовольно имъ на себя наложенное и оказанное имъ раскаяніе, указалъ: уменьшить число работныхъ лѣтъ шестью годами, и послѣ трехгодичной каторжной работы, сослать его на поселеніе въ дальніе Сибирскіе города.

«Господа Сенатъ!» сказалъ Петръ, послѣ того какъ Оберъ-Секретаръ поднесъ Ему дѣло для подписанія. «Преступникъ, о которомъ идетъ рѣчь, чувствуя вѣроятно свою вину, осудилъ себя на наказаніе прежде, нежели послѣдовалъ объ немъ приговоръ Канцеляріи Тайныхъ дѣлъ, и, кажется, исполнилъ мѣру раскаянія, принесши Намъ повинную голову. Прошу сказать Мнѣ по совѣсти и безъ лицепріятія, можно ли Мнѣ, безъ вреда Государству и безъ нарушенія закона, пощадить его?»

— «Власть Твоя, Государь!» отвѣчалъ Ромодановскій. «Ты выше закона, и дѣйствія Твои не могутъ его нарушить. Но подсудимый принадлежалъ къ числу Стрѣльцевъ, и я не вѣрю его раскаянію. Кто ручается, что не надежда на прощеніе побудила

его предаться властямъ. *Князь не всуе мечь носитъ*, говоритъ Апостолъ. Мало ли было Тебѣ хлопотъ отъ возмущеній этихъ Янычаръ? Они всѣ на одинъ покрой. *Малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ*. Чтобъ спасти больнаго гангреной, отрѣзываютъ зараженный членъ. Такъ точно и здѣсь: *излите злаго отъ васъ*, какъ сказано въ Посланіи. » —

« Наказанія налагаются для исправленія порочныхъ,» прервалъ Стрѣшневъ, обратясь къ Петру: «и ежели есть доказательства, что исправленіе послѣдовало, не должно ли, по примѣру Бога, Котораго Ты, Государь, образъ на землѣ, вмѣсто того, чтобъ строгостью доводитъ кающихся до отчаянія, радоваться, что погибшая овца обрѣтена, что возвращенъ Тебѣ полезный подданный? Князь Ке-

сарь не вѣритъ искренности раска-
нія, доказаннаго подсудимымъ; от-
вѣчаю, что одному Богу предстоитъ
вѣдать сердца: намъ должно судить
о деревьяхъ по плодамъ. Кто велѣлъ
бы Медвѣдеву, имѣя всѣ способы жить
на волѣ, работать тринадцать лѣтъ,
если бъ онъ не чувствовалъ своей ви-
ны? Но этаго ему показалось мало:
онъ еще пришелъ требовать у насъ
наказанія; неужели мы презримъ его
побужденіемъ? Государь!» продолжалъ
онъ, возвыся голосъ: «слѣдуй смѣло
великодушному влеченію Своего серд-
ца, карай преступниковъ; но не от-
вергай кающихся; *побѣждай бла-
гимъ злое*, какъ говоритъ Апостолъ;
вспомни, что *должникъ*, *ему же
оставишъ пять сотъ динарій, паче
возлюбитъ тя, нежели другой, ему
же отпустишъ пятьдесятъ*, и вѣрь,

что слуга, движимый личною благодарностію, усерднѣе дѣйствующаго по однимъ видамъ обязанности.»

Почтенный видъ старца и жаръ, съ какимъ онъ произнесъ свое мнѣніе, увлекли всѣ умы. Чело Петра прояснилось: прочіе, молча, изъявили взорами свое одобреніе. Одинъ Князь Кесарь, для того ли, чтобъ не отступиться отъ сказаннаго однажды, или въ самомъ дѣлѣ по убѣжденію, остался при прежнемъ.

— «Потакайте преступникамъ,» сказалъ онъ съ презрительной улыбкой: «но я все таки не перемѣню своего мнѣнія: законы пишутся на то, чтобъ ихъ исполняли.» —

«Милость есть удѣлъ Царей,» возразилъ Пушкинъ: «и облегченіе судьбы кающагося виновника не есть нарушеніе закона.»

«Но чтобъ сохранить всю силу закона,» прибавилъ Петръ, «въ правѣ ли Я, пощадивъ Медвѣдева, обратить присужденное ему наказаніе на невиннаго?»

Всѣ невольно устремили взоры на Государя, какъ бы сомнѣваясь, изъ Его ли устъ вышелъ вопросъ такого рода? Наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Фельдмаршалъ Шереметевъ, примѣтивъ, что лице Петра покойно и что Онъ, по видимому, ждетъ отвѣта, вскричалъ: «Вы спрашиваете, имѣете ли право сдѣлать неправду? Вашему Величеству все вольно, но сдѣланное Вами неправедно, останется неправдою.»

— «Слѣдовательно Я не въ правѣ,» отвѣчалъ Петръ: «ибо Царь не долженъ творить неправды.» — Сказавъ это, Онъ оторвалъ лоскупокъ

бумаги, написалъ нѣсколько словъ, свернулъ и запечатавъ велѣлъ призванному Экзекутору отнести въ соборъ Св. Троицы Сержанту Болтову. Вотъ содержаніе этой записки:

«Сенатъ приговорилъ и Государь «указалъ, что Царь можетъ пощадить виновнаго, но не въ правѣ наказать невиннаго. Медвѣдева прощаю, «а касательно твоей просьбы, чтобъ «тебѣ замѣнить его, исполнить не «могу; да Я чаю, ты не будешь гнѣвашься за отказъ.»

Петръ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Живучи въ Москвѣ, мнѣ какъ-то случилось однажды утромъ, въ Февралѣ, поѣхать въ Лефортовскій дворецъ. Наканунѣ растаяло, но въ тотъ день

порядочно примерзло. Я одѣтъ былъ на легкѣ, и отчасти, чтобъ движеніемъ привести въ обращеніе застылую кровь свою, часпію для облегченія лошади, которая, бѣдняжка, безпрестанно спотыкалась на голомъ льду, рѣшился на возвратномъ пути, вышедъ изъ саней, пройтись нѣсколько пѣшкомъ. Это было въ Нѣмецкой слободѣ. Вскорѣ небольшой, опрятный домикъ, старинной архитектуры съ полисадникомъ, обратилъ на себя мое вниманіе. Я любовался высокимъ мезониномъ; намалеванными на ставняхъ рощами и соловьями, которые подъ тонкими пластинками прозрачнаго льда лоснились, будто покрытые свѣжимъ лакомъ; небольшими деревянными амурами краснаго цвѣта, кои, какъ дошедшія до насъ произведенія древнихъ ваятелей, бы-

ли безъ посовъ, безъ пальцевъ и пр., но вдругъ оступился и упалъ. Мысль, что я терплю участь, общую всѣмъ зѣвакамъ, удержала неучтивый порывъ моего гнѣва и языка на несчастное мое любопытство. Я вспалъ съ покойнымъ видомъ, оправился, но какъ бы ни было, не могъ ѣхать далѣе. Что сказали бы люди, увидѣвъ меня, почтеннаго лѣтами и званіемъ, на улицѣ въ восемь часовъ утра, съ окровавленнымъ лицемъ, съ синими пятнами подъ глазами? Домъ, бывшій причиною моего паденія, находился въ двухъ шагахъ; справедливость требовала, чтобъ я въ немъ искалъ помощи, отъ приключившагося мнѣ горя. Я вошелъ въ кухню, попросилъ воды у спрянавшей поварихи, и нагнувшись, съ преклоненнымъ къ поданной мнѣ мискѣ

лицемъ, началъ-было обмывать пятна запекшейся на немъ крови, какъ слышу позади себя охриплый женскій голосъ:

«Христіанское ли это дѣло, батюшка? Къ Бусурманамъ зашелъ, что ли? Развѣ у васъ честные люди только по кухнямъ живутъ? Не могъ взойти прямо, какъ водится, и спросить всего, что тебѣ надо.»

Слова сіи такъ быстро были проговорены, что я едва успѣлъ оптворотиться. Стоявшая передо мною особа, напомнила мнѣ изображенія бабушекъ, кои случается намъ видѣть иногда на старинныхъ фамильныхъ портретахъ. Ростомъ она была по-крайней мѣрѣ вершковъ восьми. Въ овалѣ высокаго, нѣкогда бѣлаго, но отъ времени пожелтѣвшаго чепчика, я увидѣлъ два серебряныхъ локона,

какъ бы прилѣпленныхъ къ исчерченному морщинами челу; двое черныхъ бровей, въ коихъ проявлялись сѣдые волосы; сѣрые, живые глаза; изкрасна синеватыя щеки; обтянутый, подавшійся ко рту носъ; блѣдныя впалыя губы и нѣсколько поднятый къ верху подбородокъ. Два клочка волосъ, одинъ на ямочкѣ правой щеки, а другой на лѣвой подъ нижнею губою, прикрывали двѣ бородавки, которыя придавали много красоты лицу, во время оно, когда, по требованію моды, женщины песприли его мушками. Одежда сего гренадера въ женскомъ платьѣ состояла изъ пестрой ситцевой кофтачки, прикрытой чернымъ платкомъ; полосатой юпки и сафьянныхъ, едва закрывавшихъ ногти, башмаковъ съ загнутыми вверхъ концами, на высокихъ каблучкахъ. Замѣтивъ,

что дворникъ, рубившій дрова въ углу, опустилъ одну руку съ топоромъ, и снявъ другою шапку, спалъ въ почтительное положеніе; что служанка, которая наливала мнѣ на руки воду, и въ многословныхъ жалобахъ изъявляла свое сожалѣніе о случившемся со мною несчастіи, вдругъ замолкла и приняла важный видъ, — я заключилъ, что вижу передъ собою хозяйку, и, напуганный ея гнѣвнымъ приступомъ, сказалъ ей заикаясь, что не рѣшался войти не спросясь; что мнѣ было совѣстно..... — «Совѣстно!» прервала она, не давъ мнѣ договорить: «чего совѣститься? Укралъ, что ли? Бѣда великая, что объ эту нору оступился да упалъ. Конь о четырехъ ногахъ, да и тотъ спотыкается.»

Сіе заключеніе было весьма справедливо; ибо если бы лошадь моя не

спотыкнулась передъ тѣмъ шести разъ на разстояніи какихъ-либо двухсотъ шаговъ, я вѣроятно никогда не имѣлъ бы удовольствія встрѣтиться съ моею новою знакомкою, столь примѣчательною, — а потому я только отвѣчалъ ей, въ знакъ согласія, склоненіемъ головы.

«Но ты не на шутку ушибся, голубчикъ,» продолжала она, смягчивъ голосъ и касаясь пальцами къ моему лицу: «да какой онъ бѣдняжка холодный! Парамонъ! проворнѣй самоваръ! а ты, Лукерья, сбѣгай живѣе на верхъ въ спальню: тамъ за зеркальцемъ красная бумажная коробочка съ пластыремъ; принеси ее сюда. Пойдемъ, мой родной! Не бойся! мнѣ не въ первые лечить отъ ушибу.»

— «Къ чему вамъ безпокоиться, сударыня? Мнѣ пора....» —

— «Молчи!» возразила она, закрывая мнѣ рукою ротъ. «Чтобъ я тебя такъ отпустила, избитаго! слыханое ли это дѣло! Благо есть чѣмъ помочь. Куда спѣшить? У васъ все дѣла, а на ювѣрку, только что изъ пустаго въ порожнее переливаете. Сядь, обогрѣйся, напейся порядкомъ чайку, какъ у людей водится, а тамъ съ Богомъ!»

Я тихо послѣдовалъ за старушкой, которой дѣятельное состраданіе, хотя выраженное не со всею тонкостію свѣтскаго приличія, напомнило мою душу истиннымъ къ ней уваженіемъ. Она не заботилась знать, кто я таковъ? Ей показалось, что мнѣ нужна помощь, — и она поспѣшила мнѣ предложить ее.

Мебель въ комнатѣ, въ которую меня ввели, соотвѣтствовала древно-

стію лѣтамъ хозяйки. Покрытое пестрядью канапе на низкихъ, полспыхъ ножкахъ, съ поручнями шириною въ ладонь и съ вырѣзанными на деревѣ изображеніями цвѣтовъ, птицъ и звѣрей; тяжелые стулья съ высокими спинками; зеркало въ зеркальныхъ расписанныхъ узорами рамахъ; на окнахъ нѣсколько горшковъ, съ гвоздикою, левкоемъ и колокольчиками, и висѣвшій посереди въ клѣткѣ изъ прутьевъ дроздъ, — бросились мнѣ тотчасъ въ глаза. На стѣнахъ налѣплены были картины: взятіе Азова, Полтавская баталія, похороны Генералъ-Адмирала Графа Головина, обѣдъ Князя Папы, и другіе, изданные во время Петра I-го; но всего для меня занимательнѣе былъ писанный масляными красками портретъ сего Государя, который, судя по темноте

красокъ и по тоненькимъ рамамъ, съ позолотою, почти совсѣмъ стертою, былъ современный Ему.

«Давно ли у васъ этотъ портретъ?» спросилъ я у хозяйки, которая подавала мнѣ въ то время налитую чашку, съ вопросомъ, какъ я употребляю сахаръ, въ прикуску, или разведенный въ чаю?

— «Этотъ портретъ,» отвѣчала она, «висѣлъ здѣсь, батюшка, еще при дѣдушкѣ моемъ, поручикѣ Капорскаго пѣхотнаго полка Борисѣ Ивановичѣ Болтовѣ. Онъ былъ раненъ подъ Бакой въ Персіи, кажется въ 1724 году; вышелъ въ отставку; поставилъ этотъ домъ, и поселился здѣсь. Я все это тебѣ разскажу, какъ слѣдуетъ.» —

Тутъ она ушла въ другую комнату, принесла оттуда футляръ, выну-

ла изъ него въ позолоченныхъ рамахъ подъ стекломъ вышеупомянутую записку Петра, и, положивъ ее передо мною съ видомъ самодовольствія, начала повѣсть, которую вы читали. Разсказъ ея именно дошелъ до этой записки, какъ послышался благовѣстъ къ обѣднѣ. Старушка, по ея словамъ, тридцать лѣтъ сряду ходитъ ежедневно въ церковь, и всегда поспѣвала къ часамъ. Судите, какъ ей непріятно было опоздать въ этотъ день. «Прости Господи!» вскричала она: «согрѣшила, заговорившись съ тобой.» — Однакожъ я не замѣтилъ, чтобъ она на меня гнѣвалась, и когда я взялся за шляпу, чтобъ проститься съ нею и поблагодарить за хлѣбъ-соль, она, цѣлуя меня въ лобъ, сказала: «Прощай, мой родной! дай Богъ тебѣ здоровье! Коли захочешь дослушать меня, приѣз-

жай, но только послѣ обѣдни, и не откладывай далеко. Мнѣ скоро стукнетъ восьмой десяпокъ; въ наши годы считаютъ жизнь не мѣсяцами и не недѣлями, а днями и часами.»

Три недѣли я не могъ никуда показаться. Наконецъ, первый мой выѣздъ былъ къ почтенной старушкѣ. Вообразите, какъ я удивился, увидѣвъ среди бѣла дня закрытыя во всемъ домѣ ставни. Предсказанія ея сбылись. Въ воротахъ встрѣтила меня знакомая служанка словами: «Пульхерья Ивановна приказала вамъ долго жить.» Я вздохнулъ отъ глубины сердца, и шакъ былъ разстроенъ, что не могъ спросить у нее конца разсказанной мнѣ повѣсти, которую она вѣроятно слышала отъ покойной своей госпожи. Признаюсь, мнѣ самому это весьма досадно, ибо по мнѣ

полная и обстоятельная развязка также нужна въ повѣсти или въ романѣ, какъ вино или десертъ въ хорошемъ обѣдѣ. Если между моими читателями или читательницами найдутся такіе, кои одного со мною мнѣнія, я смѣю торжественно ихъ увѣрить, что, если мнѣ еще удастся быть въ Москвѣ, то я употреблю всѣ возможныя средства для описанія означенной служанки Лукерьи, и все, что узнаю о обстоятельствахъ брака Болтова съ Танъяною, и вообще о примѣчательномъ въ ихъ жизни, не промину сообщить немедленно.

А. И.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Иностранцы, находившіеся въ Москвѣ при нашихъ Царяхъ, имѣли обыкновеніе каждый годъ, 1-го Мая, праздновать городомъ наступленіе весны. Когда ихъ перевели, при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Нѣмецкую слободу, они избрали для сего рощу въ Сокольникахъ, такъ названную потому, что тутъ обучали Царскихъ соколовъ. Русскіе, приходившіе сперва изъ любопытства смотрѣть на *потѣхи* Нѣмцевъ, со временемъ сами начали принимать въ нихъ участіе, и гулянье 1-го Мая сдѣлалось народнымъ. Старики до сихъ поръ называютъ сей праздникъ — *Нѣмецкимъ*.

(2) Въ планѣ Петербурга, въ 1714 году, означено гораздо болѣе строеній; но надобно вспомнить, что въ то время было въ Петербургѣ ежегодно казенныхъ работниковъ 40 т. крестьянъ, и до 10 т. солдатъ и плѣнныхъ Шведовъ. Кромѣ того, множество частныхъ людей, переѣхавъ сюда съ

дворомъ въ концѣ 1713 и въ началѣ 1714 годовъ, должны были спавить себѣ дома: при образѣ тогдашней постройки и при такой дѣятельности, число зданій въ Петербургѣ въ два съ половиною года могло удвоиться.

(3) Сенаторовъ было восемь; но четыре оставались еще въ Москвѣ.

Основаніе сей повѣсти взято изъ историческаго анекдота временъ Петра Великаго; все прочее заимствовано также изъ Исторических источниковъ.

БРАЧНЫЙ ПИРЪ ТОВІЯ (*).

Семь дней веселый пиръ шумѣлъ,
Въ дому у Товія младаго,
И сладко Божій день свѣтлѣлъ
Очамъ отца его сѣдаго.
Воспѣли Вышнему хвалы,
А тамъ — за пышные столы;
И, по обычаю Востока,
Садятся на скамьяхъ широко,
И каждому своя дана:
Тупъ *Сарра* юная, — она
Какъ перла Царскія короны,
Какъ цвѣтъ душистыя *Сароны*....

(*) Въ книгѣ Товита, въ главѣ II-й сказано: „И бысть радость всѣмъ сущимъ въ Ниневіи браніямъ его. И приниде Ахіархъ и Насвасъ, сынъ брата его, *и бысть бракъ Товіи съ веселіемъ дней седмь.*“ — На семъ основано описаніе свадебнаго пиршества въ дому Товита, хотя бракъ Товія былъ совершенъ еще въ домѣ Рагуила.

Сидѣли старцы, дѣвы, жены,
Съ повязкой пестрой на главахъ,
Въ златыхъ запястьяхъ и въ цвѣтахъ.
Великъ былъ пиръ и снѣдей горы:
И финики и мандрагоры,
И сладкій синій виноградъ,
И смугловидный плодъ гранатъ.
Простыя снѣди предковъ нашихъ,
Въ серебряныхъ кудрявыхъ чашахъ
Млеко и медъ. И все полно:
Въ узорахъ мисы и покалы,
И длинновыйные фіалы
Таятъ завѣтное вино;
И на столпахъ, въ навѣсахъ алыхъ,
Курились сладостно алой,
Спиракса, ладаны и мурра
Въ кадилахъ злата и порфира;
И всякій гость на радость званъ.
Хоръ юныхъ Товію былъ свершникъ:
И вотъ гармонія и пѣсни!
Звучатъ и гусли и тимпанъ,
И, подъ Сіонскія свирѣли,
Пѣвцы Салима сладко пѣли,

И звонокъ былъ ихъ мѣрный спихъ:
„О, веселись младой женихъ!
„И ты, прекрасная невѣста!
„Проходитъ наша жизнь какъ мигъ:
„У смертныхъ вѣчному нѣтъ мѣста!
„Создатель любитъ молодыхъ:
„Онъ изъ сокровищницъ Своихъ
„Далъ мужу силу, власть и крѣпость,
„Красу — въ приданое женамъ.
„Онъ усмирилъ врага свирѣпость,
„И отдалъ васъ на радость намъ.
„И, гости изъ чужаго мѣста,
„Вы гости — сердца у родныхъ.
„О, веселись младой женихъ
„И ты, прекрасная невѣста!“ ...
И пиръ свѣтлѣлъ, и веселѣлъ:
Всѣ утѣшались, пили, ѣли
И пѣсни Палестины пѣли.
Одинъ лишь, молча, гость сидѣлъ
Какъ неживой съ живыми. Младость
Цвѣла въ немъ съ дивной красотой,
Но онъ, казалось, нашу радость
Считалъ какою-то мечтой.

*

И онъ трапезы не вкушаетъ,
Ни винъ, ни соповъ, ни питья. . . .
„Ужель мой сынъ не примѣчаетъ
„Того, что въ гостѣ вижу я?“
Такъ старый Товій шепчетъ сыну:
„То нашъ Азарія! . . . Причину
„Желалъ бы знать: о чемъ грустишь?
„Не ѣшь, не пьешь и все молчишь!
„Какой тоски, какой утраты
„Онъ полонъ думой? Мало ль платы?
„Утроишь, сынъ! усемеришь:
„Неблагодарнымъ страшно быть!“
Простясь съ гостьми, ужъ послѣ пира,
Онъ друга-гостя пригласилъ
На слово — дружбы. Полный мира,
Почтенный юнаго спросилъ:
„Ты хлѣба-ласки не вкусилъ,
„И винъ огнистыхъ не опвѣдалъ? . . .“
— „Я ждалъ сего, вопросъ твой вѣдалъ:
Я знаю все, что, за столомъ,
Ты обо мнѣ довѣрилъ сыну!
Пора узнать всего причину:
Мое питанье — не въ земномъ;

Къ красамъ не здѣшняго жилища,
Меня манитъ иная пища,
Тамъ ждетъ иное питіе.
Тамъ нѣтъ земнаго пресыщенья
И замогильнаго исплѣненья —
Тамъ безпредѣльно бытіе! . . .“ —
„Но гдѣ жь на наше не похожій
„Твой край? . . . Кто ты? . . .“ — „Я, *Ангелъ*
Божій! . . .“
И свѣтлѣлъ сталъ вѣнцомъ златымъ!
И старецъ Товій палъ предъ нимъ:
„Возстань! земное поклоненье
Единаго есть Бога дань;
Молись Творцу и знай — творенье
Ведетъ Его Святая длань:
Съ тѣхъ поръ, какъ Творческая сила
Безсчетность воззвала міровъ
И въ небѣ звѣздность засвѣтила,
Его всезрящая любовь
Крилами одѣвала землю:
Онъ Самъ . . . . но я призванью внемлю:
Прости! я къ высшему спѣшу:
Прости, земной! Ужь я дышу

Небеснымъ въ радостномъ эѳирѣ!
Другъ нищаго и сироты,
Прости! будь здравъ! . . . твои и ты
Живите долго въ сладкомъ мирѣ!“ . . .

Ѳ. Глинка.

НА

РАЗВАЛИНАХЪ

ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ КІЕВѢ.

За чѣмъ тревожить сонъ гробовъ,
Могилъ священное молчанье,
И повѣрять бытописанье,
Спряхая съ камней пыль вѣковъ?
Все та же истина: отъ вѣка
Иной намъ опытъ не открылъ;
Мы видимъ — крѣпость высшихъ силъ
И всю ничтожность человѣка!
А время? — кто его сочтетъ?

Оно до насъ существовало;
Исчезнемъ мы — оно сольется
Съ своимъ концемъ свое начало,
Какъ на гранитѣ гробовомъ
Змѣя, согнуная кольцомъ!

А. Подолинскій.

ЗЛАТОУСТЪ.

Великій мужъ, Святыни храмъ живой,
Во Храмѣ Божіемъ, возвысивъ голосъ свой,
Вѣщалъ: о гибели *Адамова* паденья;
О сиротствѣ земномъ святой любви дѣтей;
О *морѣ житія;* о пагубѣ *сѣтей;*
И наконецъ, о тайнѣ искупленья ...
Онъ откpывалъ, какъ бренный человѣкъ,
Во *внутреннѣйшее* вмѣстивъ живое *слово,*
И, *Гностикъ* (*) и мудрецъ, облекшись въ
образъ *новый,*

(*) Ересникъ.

Младенчествомъ вродился въ новый вѣкъ...
Какъ онъ, *крещеніе* пріявъ *огнемъ* и *духомъ*,
Благую вѣсть услышилъ *чистымъ* слухомъ;
И узрѣлъ Божія незримы чудеса
Слѣпо-рожденнаго *простыя* очеса...
Онъ говорилъ о той судьбѣ высокой,
Которая ведетъ спасеніе міровъ;
И какъ, съ жалѣніемъ, на насъ вперяетъ око
Всезрящая, но намъ незримая — *любовь*...
Онъ говорилъ, какъ *обуявшей соли*
Потребно низвлещи, неизкаженный духъ;
Какъ *выродится* намъ должно изъ *древней*
соли.
Онъ говорилъ — и былъ окованъ слухъ!
Святыя молніи въ златыхъ устахъ
горѣли:
Сердца въ таинственномъ благоговѣньи
млѣли....
Но люди бѣдные, въ беззлобной простотѣ,
Рожденные въ земной врожденной слѣпотѣ,
Высокихъ словъ его не разумѣли....
И, плача, нѣкая *жена*
Рекла: „о Златоустъ! твои слова прекрасны!

Внимающимъ вѣщаешь ты можешь небесамъ
И Ангеламъ Святымъ .... Но, ахъ! они
напрасны
Простымъ и неученымъ намъ!
Таинственность темна... Ея страшна дорога:
Будь благъ, и покажи ты намъ яснѣе Бога!
Чтобъ нелукавыя и дѣтскія сердца
Могли смѣлѣй лепѣть къ святой любви
Отца!
Не поражай ты вдругъ очей, привыкшихъ
къ нощѣ:
Святитель! говори съ дѣтьми своими проще!
Чтобъ я твои слова, постигнувъ ихъ сама,
Могла, какъ даръ, снесши къ знакомымъ на
дома!
И ими воскормить дѣтей моихъ, какъ
пищей ....“
И — дивный мужъ, по духу нищій,
Который по любви о таинствахъ училъ,
Постигнувъ истину, смиреніемъ смирился —
И Богу духъ, главу народу преклонилъ.
И разумѣ словъ его съ тѣхъ поръ перемѣ-
нился:

Онъ мудрость сладостью и свѣтомъ растворилъ.
И сладостно ему внимали человѣки;
И сладость словъ его течетъ и въ наши вѣки....

Ѳ. Глинка.

ГРАФИНѢ ***

Что поднесетъ новорожденной милой
Поэтъ, здоровіемъ и дарованьемъ хилой?
Онъ поднесетъ ли вамъ нескладные склады,
Стихи, горячки злой горячіе слѣды,
Стихи сопворныя, безсонницы поруки?
Но не безсовѣстно ль ему,
Отъ скуки и на васъ нагнать смертельной скуки
Неотразимую чуму?

Нѣтъ, надъ собой я одержу побѣду;
Нѣтъ, въ день рожденья вашъ, я васъ не
уморю,
И къ лихорадочному бреду
Въ добавокъ бредомъ рифомъ съ оглядкой
подарю.
Болѣзни голову — что жь дѣлать? — покорю,
Но сердце чистое недугу не подвластно;
Волненью чуждое, оно на единѣ,
Какъ въ магнетическомъ и дальновидномъ
снѣ
И вѣрно чувствуетъ, и съ истиной согласно.
Пусть за меня оно привѣтствуетъ спѣ-
шитъ
Улыбку первую новорожденной милой,
И, вдохновенное пророческою силой,
Въ избыткѣ чувствъ ей говоритъ:
„Ты будешь — (*ты* — не въ оскорбленье;
Вы — предразсудка дань условной суетѣ;
Но сердце вольное, въ природной простотѣ,
Избрало *ты* въ мѣстоименье
И Божеству и красотѣ!)
„Ты будешь жить для радостей и счастья,

Какъ цвѣтъ, ласкаемый лобзаньемъ тишины,
Довѣрчиво цвѣтетъ на родинѣ весны,
Подъ небомъ радостнымъ, незнающимъ
ненастья!
Такъ немерцающій разсвѣтъ
Свѣтилѣетъ и тебѣ на небѣ жизни ясной,
И тихая весна души твоей прекрасной
Тебѣ взлелѣетъ счастья цвѣтъ!“ —
Умѣнье правиться безъ помощи искусства;
Умъ, образованный подъ вдохновеньемъ чув-
ства;
Ученость, но не та, что съ хартіей въ рукѣ
И въ шапкѣ докторской влачитъ педантства
узы,
А свѣтлая подруга свѣтлой Музы
Въ похищенномъ у Граціи вѣнкѣ;
Даръ пѣсней, про себя, безъ жажды къ
книжной славѣ;
Въ словахъ запѣйливость блестящей ост-
роты,
И прелесть милой простоты
Въ открытомъ и веселомъ нравѣ: —
Все это вамъ судьбой дано! ...

И только ли? Нѣтъ, послѣ вѣрныхъ спра-
вокъ,
Еще припомнилъ я достоинство одно:
Глаза прелестные въ добавокъ!
А женщинѣ, чета прелестныхъ глазъ,
Какъ умъ не уменчай, не лишнѣе для счастья;
Въ нихъ — тайна женскаго надъ нами са-
мовластья,
А кто не радъ господствовать изъ васъ?
Любуясь прелестью дитяти,
Какъ я ни обѣщалъ свой укротить языкъ,
Но заболтался я не кстати,
Хлыстова бодрый ученикъ.

Кн. Вяземскій.

ЧАТЫРДАГЪ.

(Изъ Адама Мицкевича.)

Смиренный Муслиманъ стопу твою лобзаетъ,
О мачта Крымская, высокій Чатырдагъ!
Вселенной минаретъ, горъ нашихъ Падишахъ!
На раменахъ твоихъ сводъ неба возлегаетъ.

*

Ты возсѣдишъ, какъ спражъ эдема величавый,
Могучій Гавріилъ, у свѣтозарныхъ вратъ.
Густой и черный боръ — почетный твой хилатъ,
Чалма — изъ тучь, узоръ — блескъ молніи кровавый.

*

Темнитъ ли люттый зной, покроетъ ли туманъ,
Гяуръ ли, саранча ль поля опустошаетъ —
Недвижнаго тебя ничто не возмущаетъ,
Межъ небомъ и землей творенья Драгоманъ!

*

Хотя все тотъ же онъ, твой равнодушный
видъ;
Но для тебя не чуждъ языкъ намъ незна-
комый,
Когда ты, подославъ подъ стопы землю,
громы,
Внимаешь, какъ Творецъ съ Природой го-
воритъ!

В. Щастный.

ВЕЧЕРЪ.

Мой другъ, прижмись къ моей груди,
Не убѣгай опъ взоровъ упоенныхъ
И опъ ланитъ, любовью распаленныхъ!
Златыя кудри опведи.
Смотри: свѣтило потухаетъ,
По небу темному едва перебѣгаетъ

Станица легкая вечернихъ облаковъ,
И тѣнь легла на скатъ холмовъ —
И тихо все. . . . Теряясь въ наслажденьи
Я чувствую, я слышу въ отдаленьи
Теченье стройное міровъ. . . .
Но ты недвижна, — ты безъ словъ,
Погружена въ унылое мечтанье,
Печально взоръ потупленъ твой,
И, подъ рѣсницею густой,
Слезы примѣтно трепетанье! . . .
Скажи, мой другъ, воспоминанье
Такъ сильно грудь твою тѣснитъ,
Или о будущемъ неясное гаданье
Тебя тревожитъ и томитъ?
О, не страшись!—убійственнымъ сомнѣньямъ
Своей души не предавай,
И, не хладѣя къ наслажденьямъ,
Въ надежду вѣры не теряй!
Быть можетъ, (ввѣримся судьбинѣ)
Нашъ день безбурно пробѣжитъ,
И такъ же радостно, какъ нынѣ,
Нашъ тихій вечеръ догоритъ!. . . .

А. Подолинскій.

МЫСЛИ, ЗАМѢЧАНІЯ, ВЫПИСКИ и пр.

Пословицы составляютъ нравственное и житейское уложеніе народовъ. Ими, въ мнѣніи народномъ, осуждаются пороки, осмѣиваются странности, хвалятся добродѣтели и установляются законы приличія.

Всѣ народы образованные и весьма многіе изъ полудикихъ (даже изъ дикихъ), имѣютъ свои пословицы. Доказательство, что гражданскія общества всегда руководствуются правилами общими, издавна установленными.

* * *

Bayerische Staatsbibliothek München

Слогъ есть зеркало души Сочинителевой, сказалъ одинъ Писатель. Мнѣ кажется, что въ это зеркало мы смотримся только тогда, когда бываемъ въ полномъ нарядѣ, но отнюдь не въ безпорядкѣ спальной нашей одежды.

Замѣтимъ, что даже люди, вовсе не щеголяющіе опрятностію, все сколько нибудь заботятся о своей наружности, когда выходятъ на улицу. Число тѣхъ, которые смѣло накликаютъ на себя насмѣшки толпы, очень не велико.

* * *

«Скорость нужна, а поспѣшность вредна,» говорилъ Суворовъ. *Поспѣшишь — людей насмѣшишь*, говоритъ Руская пословица. Поспѣшность предполагаетъ нѣкоторую запрометчивость, необдуманность со-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ображенiй, и слѣдовательно неувѣренность въ исполненiи. Суворовъ никогда *не спѣшилъ* въ этомъ смыслѣ; у него былъ на сей разъ свой mezzo termine между обыкновенною скоростью и поспѣшностiю: *быстрота*. Сею быстротою (сперва соображенiй, а потомъ исполненiя) обладалъ онъ въ высшей степени, и отъ того всегда былъ побѣдителемъ.

* * *

Есть писатели, которые поселили въ читающей публикѣ выгодное для себя предубѣжденiе, и много есть добрыхъ людей, которые, на вѣру чужихъ словъ, восхищаются тѣмъ, чего сами не понимаютъ. Не разъ мнѣ случалось видѣть, какъ нѣкоторые изъ числа такихъ добрыхъ людей предполагали таинственный смыслъ въ стихахъ, въ коихъ не бы-

ло его вовсе, или смѣялись отъ души остротѣ эпиграммы, которая не была заострена не столько умомъ, но даже и хорошими рѣчами. Это всегда напоминало мнѣ извѣстнаго *каламбуриста*, Маркиза Бьевра, который едва открывалъ ротъ, чтобъ сказать просто: «здравствуй!» какъ уже всѣ начинали смѣяться.

* * *

Нѣкто написалъ, что къ голосу *сопрано должно привыкнуть, чтобъ чувствовать въ полной мѣрѣ его достоинство, ибо органы слуха не такъ легко осваиваются съ высокими нотами, какъ съ теноромъ, контр-альтомъ и басомъ.* Это несправедливо, во первыхъ потому, что во всѣхъ искуствахъ къ истинно-прекрасному не нужно привыкать: оно нравится и увлекаетъ съ перваго ра-

за; во вторыхъ, слухъ нашъ еще скорѣе сродняется съ нотами высокими, которыя и въ самой природѣ нравятся намъ болѣе, нежели низкія. Такъ напримѣръ, мы съ удовольствіемъ прислушиваемся къ однообразному чиликанью синички, тогда какъ однообразное карканье вороны, вой совы и ревъ звѣрей намъ надоѣдаютъ.

* * *

«Si cadendum est mihi, coelo cecidisse velim (*если мнѣ упасть, то хотѣлъ бы упасть съ неба,*)» сказалъ одинъ Поэтъ, и многіе дивятся смѣлости этой мысли. Въ ней, кажется однако жь, болѣе робости и ненадежности: за чѣмъ же упасть? — Кто однажды смѣло рѣшился нестися вверхъ, тотъ не оглядывается на послѣдствія, не думаетъ о паденіи. Нашъ Суворовъ, составляя планы

побѣдъ, никогда не имѣлъ въ виду отступленія.

* * *

Есть минуты, въ которыя вдохновеніе посѣщаетъ людей вовсе безъ дарованій. Рубанъ написалъ цѣлыя книги стиховъ, давно уже забытыхъ, и былъ поэтомъ въ одной надписи. Ждите же и надѣйтесь, нижніе чины Рускаго Парнасса!

* * *

Одинъ молодой словесникъ сказалъ, что *просвѣщенная Европа ушла отъ насъ впередъ роковыми двѣнадцатью днями*. Очень жаль, что молодой нашъ словесникъ не родился ранѣе *двѣнадцатью роковыми днями*, если этого времени достаточно для возмужалости.

* * *

«Ничто не ново подъ луною!» подумалъ я недавно, слушая новый Французскій водевиль, въ которомъ почти что рѣчь, то игра словъ. Если бы гг. Парижскіе водевиллисты-каламбуристы знали или вспомнили, что Англійскіе писатели слишкомъ за двѣсти лѣтъ до нихъ ввели въ драматическія свои сочиненія игру словъ, извѣстную нынѣ подъ названіемъ каламбуровъ; то какъ бы поумалилась въ нихъ гордость изобрѣтателей! Потребуютъ ли доказательствъ? пусть развернутъ на удачу творенія Шекспира: тамъ, почти въ каждой трагедіи, и рѣшительно въ каждой комедіи, есть цѣлыя явленія, составленныя изъ игры словъ. Такъ, между прочимъ, въ трагедіи: *Ромео и Юлія*, Ромео и Меркуціо, не смотря на важность цѣли, для которой они сошлись,

въ продолженіе почти цѣлаго явленія (*) говорятъ каламбуры другъ другу. — Впрочемъ, честь изобрѣтенія каламбуровъ принадлежитъ и не Англичанамъ: Итальянцы прежде ихъ отличались сею игрою словъ. Въ Римѣ, Пасквино и Морфоріо уже нѣсколько столѣтій пересылаются каламбурами. Одинъ изъ ихъ старинныхъ каламбуровъ очень остроуменъ и забавенъ; онъ былъ сдѣланъ на нѣкотораго Папу, преданнаго Французамъ. Пасквино въ одно утро явился съ попугаемъ, и всѣ прохожіе останавливались и говорили: Ecco un *papagallo* (**)! — Въ Итальянскихъ стихахъ лучшаго вѣка ихъ поэзіи, часто

(*) 4-го, во II дѣйствіи.

(**) Papagallo, по Итальянски значитъ: *попугай*; Papa Gallo — *Папа-Французъ*.

находимъ игру словъ. Петрарка въ своихъ сонетахъ дѣлалъ каламбуры изъ именъ Лауры, предмета своей страсти, и Колонны, своего благодѣтеля: *зеленый лавръ и высокая колонна упали!* говоритъ онъ, оплакивая смерть ихъ. Самъ важный Макіавель написалъ каламбурическіе стихи на подвигъ Пьетра Капони, противосставшаго съ толпою Флорентинскаго народа Карлу VIII и войскамъ Французскимъ (*). — Повторю: «ни что не ново подъ луною!»

* * *

Кто любитъ людей, тотъ любитъ и нравственныя ихъ наслажденія. Изъ любви къ человѣчеству, пожелаемъ,

---

(*) Lo strepito delle armee dei cavalli
Non puote far che non fosse sentita
La voce d'un *Capon* fra tanti *Galli*.
Machiavele, *Decennali*.

чтобъ вѣки будущіе не столь были скупы на поэтовъ-геніевъ, какъ вѣки минувшіе.

„Чувствительна душа и въ чужѣ вселится.“

* * *

«Посредственность, подчищенная и приглаженная, безъ пятенъ и безъ красотъ, обрекается на равнодушіе и забвеніе.» (Lady Morgan, Italy.) Сколько есть у насъ стихотворцевъ, которые, вовсе не знаясь съ вдохновеніемъ и не заботясь ни о мысляхъ, ни о чувствованіяхъ, все достоинство поэзіи полагаютъ въ гладкости и плавности стиховъ. Слышите ли, гг, этотъ строгій приговоръ Англичанки?

* * *

«Чѣмъ отдариваетъ земля небу за благотворные лучи солнца и капли

дождя? — Пылью своею!» сказалъ однажды Суворовъ, говоря о неблагодарности. Пусть это и правда; но небо разгоняетъ пыль движеніемъ воздуха, или новымъ дождемъ прибиваетъ ее опять къ землѣ: все же черна отъ пыли земля, а не небо.

О. Соловъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Я не забуду никогда
Мои студенческіе годы,
Раздолье Вакха и свободы
И благодатнаго пруда!
Въ спранѣ умѣренныхъ блаженной,
Вдали блистательныхъ невѣждъ,
Они питали жаръ священный
Монхъ желаній и надеждъ.
Здѣсь муза пѣснъ полюбила
Мои словесныя дѣла;
Здѣсь духа творческая сила
Во мнѣ мужала и росла,
И слава ей! не ласки свѣта,
Не взоръ любви, не блескъ наградъ,
Какими гордаго поэта
Невѣрный свѣтъ лелѣять радъ; —
Мечты летучія живили
Пѣвца чувствительную грудь

И мнѣ ясньлъ высокій путь
Для поэтическихъ усилій. —
Но помню я: была пора
Я обожалъ уста и очи,
Чего-то ждалъ съ утра до ночи,
О чемъ-то бредилъ до утра,
И страсти вѣрул залогной,
Впервые лакомъ до похвалъ,
Я мой талантъ словоохотной
Чужимъ причудамъ посвящалъ;
Стиховъ гармонія и сила
Плѣняла душу красоты,
Казалось мнѣ — она любила
Мои весенніе цвѣты; —
Разнообразныя надежды
Я расточительно питалъ,
Я ихъ въ мишурныя одежды
И по заморски одѣвалъ; —
Она улыбкой награждала
Благовоспитанный мой бредъ,
Гдѣ громкимъ словомъ идеала
Знаменовалъ ее поэтъ.
Любовь возвышенная! ты ли

Давала жизнь моимъ стихамъ,
Когда мечты мои служили
Обыкновеннымъ божествамъ? —
Твоя ли дѣйствовала воля,
Тобой ли полонъ былъ пѣвецъ,
Когда съ общественнаго поля
Онъ набиралъ себѣ вѣнецъ? —

Теперь не то; я славлю Бога!
Она прошла и не придетъ
Пора томительныхъ заботъ,
Моя сердечная тревога;
Какъ нѣчто странное, объ ней
Хранится въ памяти моей
Нравоучительная повѣсть, —
Она въ стихахъ и не мала;
Но поэтическая совѣсть
Ее безумствомъ назвала —
И правда, вѣрю, я не кстатѣ
Дары таланта расточалъ;
Да впрочемъ ea tempestate
Я былъ влюбленъ — и такъ не зналъ,
Что бредилъ я когда писалъ —
И говорю: любви обѣты,

Любви надежды и мечты
Или живые пустоцвѣты,
Или поддѣльные цвѣты! —

Н. Языковъ.

ОТВѢТЪ.

Восточная сказка.

Великій Шахъ Абдулъ безвременно скончался,
И сынъ его на Тронъ вступилъ.
Однажды съ опставнымъ онъ шутомъ повстрѣчался
И такъ его въ насмѣшку онъ спросилъ:
„Кто ты, великій мужъ, сіяющій весь златомъ?
Кто ты, ходячая премудрости гора?“
„Я (былъ Царю отвѣтъ), я Вашего двора
Дуракъ,—оставшійся за штатомъ.“ —

Олинъ.

УТРЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Я рано по утру вставалъ,
Когда еще алѣло небо,
И душу гладную питалъ
Молитвы кроткой сладкимъ хлѣбомъ.
И въ пепломъ воздухѣ попомъ,
Когда лучей и дня разливы
Златили лѣсъ, скалы и нивы,
Я, въ восхищеніи святомъ,
Безъ бурь, безъ помысловъ, — свободный —
Въ какомъ-то счастьи упопалъ
И, мнилось, съ воздухомъ вдыхалъ
Порывъ къ святому благородный —
И быть земнымъ переставалъ! —
Но суетливость пробуждалась,
И шумъ касался до меня. . . .
И вдругъ душа моя сжималась
Какъ вѣтьвь травы — *петронь меня!* —

Ѳ. Глинка.

АЛУШТА НОЧЬЮ (*).

(Изъ Адама Мицкевича.)

Рѣзвится вѣтерокъ и дня слабѣетъ зной,
На Чатырдагъ міровъ лампада низпадаетъ,
Крушится, зарева потоки разливаетъ
И гаснетъ. Путникъ спалъ, и слухъ на-
пружилъ свой.

*

Все тихо. Ночи мракъ одежду горъ чернитъ,
Лишь слышится ручьевъ въ долинахъ говоръ
сонный,
Гармоніи цвѣтовъ полнъ воздухъ благовонный,
И сердцу голосомъ понятнымъ говоритъ.

*

Подъ сѣнью тишины глаза смыкаться
спали;
Но будитъ вдругъ меня блестящій метеоръ:
Земля и небеса, хребетъ высокій горъ,
Потопомъ золотымъ облиты — запылали!

*

(*) Алушта, одно изъ роскошнѣйшихъ мѣстъ Крыма.

О ночь восточная! ты клонишь къ усы-
пленью,
Какъ ласки Одалискъ, звукъ нѣжный ихъ
рѣчей;
Но ближусь ли ко сну — ты пламенемъ очей
Полу-успалаго вновь будишь къ наслажденью!

В. Щастный.

КЪ ЛИЗИСКѢ.

(*Подражаніе Горацію.*)

Quis gracilis puer. —

Какой красавецъ молодой,
Весь попонувъ въ парахъ благоуханья,
Даетъ тебѣ кипящія лобзанья
Плапанъ въ пѣни густой?

И для кого ты по плечамъ
Раскинула власы твои златые?
Увы! увы! что ласки покупныя? . . .
Восплачетъ онъ къ богамъ!

Прекрасна ты! . . . по горе тѣмъ,
Которые тобой воспламенятся!
Цѣпей любви — линь стоитъ заковатьел —
Не разорвешь ничѣмъ!

Страдалъ и я въ твоихъ сѣтяхъ:
Но нѣкій богъ разторгъ мое плѣненье;
И я тебя, другимъ въ предохраненье,
Воспѣлъ въ моихъ стихахъ.

Олинъ.

ЖРЕБІЙ ПОЭТА.

Къ чему печальное сомнѣнье?
Загадка жизни рѣшена . . .
Мнѣ указало Провидѣнье,
Какая участь мнѣ дана:
Любви и славы и свободы
Люблю таинственный призывъ,
И для меня языкъ природы
Обиленъ и краснорѣчивъ!
Пусть пѣснь моя течетъ свободно,
Она опгрянетъ — и умретъ;
Но пѣснь другая оживетъ
Въ душѣ поэта благородной!
Когда жь пройдетъ мой свѣтлый вѣкъ,
Когда угасну въ цвѣтѣ, въ силѣ;
Пусть скажутъ на моей могилѣ:
„Онъ былъ — поэтъ и человѣкъ!“ . . .

А. Подолянскій.

ЖАЖДА ЛЮБВИ.

Я счастья любимецъ — и съ нуждой
знакомъ по наслышкѣ.
Видалъ я, какъ старецъ согбенный, въ из-
дранной одеждѣ,
Для пищи дневной простираетъ изсохшія
руки,
Скитаясь въ ненастье, и въ стужу, и въ
полдень палящій,
И ночь подъ шапромъ проводящій безбре-
жнаго неба.
Меня же всегда пресыщаютъ роскошныя
яствы,
Покойно дремлю я до полдня на ложѣ пу-
ховомъ;
И бѣдность, счастливца какъ будто бѣ-
житъ и спрашится.
Я баловень счастья; изперзанный неду-
гомъ блѣднымъ,
Помертвый, я не былъ прикованъ къ по-
спели печальной;

И страшно смотрѣть мнѣ на юношу —
жертву болѣзни,
Мнѣ кажется, онъ мертвецомъ, позабытымъ
въ семъ мірѣ
Жестокою Паркой, для ужаса смертныхъ-
преступныхъ!
Меня надѣлило богатствомъ и юностью
счастье.
Но что мнѣ богатства? — не златомъ
любовь покупаютъ!
А юность? . . . къ чему безъ любви мнѣ
ничтожная юность! —

Александръ Корсакъ.

ЭПИГРАММА.

Онъ въ разныхъ видахъ мной замѣченъ,
Противурѣчій много въ немъ:
Онъ скрытенъ сердцемъ, но умомъ
Ужь какъ за то чистосердеченъ!

Кн. Вяземскій.

ПѢСНЯ.

Брюзгливый дядя всѣмъ твердитъ,
Что я шалунъ, что я мотаю;
Но онъ—пустое говоритъ:
Я ничего не проживаю.
Вотъ на упреки мой отвѣтъ:
Ни гроша нѣтъ!

*

Сорить рублями не хочу;
Живу не прышко, но въ покоѣ;
Подушку ночью не верчу;
Чиспъ совѣстью, карманомъ — вдвое.
Не льстится ничѣмъ мнѣ модный свѣтъ:
Ни гроша нѣтъ!

*

Въ роскошныхъ, лакомыхъ пирахъ
Имѣнье прапишся *Пахома!*
Я жь, вѣчно ѣмъ и пью въ гостяхъ,
И часто не почую дома.
Мнѣ нуженъ дружескій привѣтъ—
Ни гроша нѣтъ!

Питая къ карпамъ сильну страсть,
Пятеркинъ золото бросаетъ;
Пріятель вашъ пошелъ бы въ часть,
Но онъ безъ денегъ не играетъ.
Игрецкихъ я страшусь бесѣдъ —
Ни гроша нѣтъ!

*

Красоткамъ нашъ *Глупоновъ* милъ,
Богатый звонкою монетой;
Я счастливъ и обманутъ былъ —
Все даромъ, милою *Лизетой*,
Извѣстно ей, что я поэтъ:
Ни гроша нѣтъ!

* * *

ЯЗЫКЪ РУССКІЙ.

(*Экспромтъ.*)

Онъ звученъ, гибокъ, нѣженъ, силенъ,
Какъ нравы Русскіе — живой,
Какъ дѣвы — блещетъ красотой!
И какъ Россія онъ обиленъ!

В. Щастный.

ТОСКА.

Я не слыхалъ еще ни объ одной истинной страсти, которая бъ не была подсѣчена тоскою; она, подобно червю, подъѣдаетъ стебель розы — прекраснѣйшаго произведенія весны!

Мидльтонъ.

Люди, пережившіе раздражаемость первыхъ чувствъ своихъ, или воспитанные въ веселомъ легкосердечіи разсѣянной жизни, обыкновенно смѣются надъ любовными исторіями, считаютъ повѣсти о романическихъ страстяхъ за одни вымыслы сказочниковъ и поэтовъ. Замѣчанія мои надъ природою человѣческою заставляютъ

меня однако жъ думать иначе. Они удостовѣряютъ меня, что хотя поверхность характера можетъ быть охлаждена, заморожена свѣтскими приличіями, или настроена улыбкою общественной образованности, — все таки въ глубинѣ самой хладной груди таятся искры, которыя если вспыхнутъ однажды, то обращаются въ бурный пламень, и не рѣдко производятъ разрушительныя слѣдствія. Не шутя, я вѣрю въ слѣпое божество, и покоряюсь вполнѣ всей силѣ его вліяній. Признаться ли?—я вѣрю въ неизлѣчимую тоску, я вѣрю въ возможность умереть отъ несчастной любви. Правда, я не считаю эту болѣзнь часто пагубною для нашего пола; но я твердо увѣренъ, что отъ нея многія красавицы сходятъ въ ранній гробъ.

Мущина — искатель выгодъ и славы. Наклонности влекутъ его въ вихорь и шумъ свѣта. Любовь служитъ только украшеніемъ его молодости, музыкою въ междудѣйствіяхъ. Онъ ищетъ славы, богатства, мѣстечка въ памяти людской, власти надъ ближними. Но цѣлая жизнь женщины есть исторія страстей. Сердце для нея — вселенная: въ немъ-то ея тщеславіе бьется изъ власти; въ немъ то ея корыстолюбіе жаждетъ кладу. Она отпускаетъ свои склонности на страхъ; она отдаетъ свою собственную душу въ мѣнѣ чувствованій — и горе, если ее постигнетъ кораблекрушеніе: дѣло ея безнадежно, это — банкрутство сердца!

Правда, неудача въ любви мущинѣ даетъ горькія минуты: иногда она ранитъ какое-нибудь нѣжное чувство-

ваніе, иногда похищаетъ надежду на счастіе; но мущина есть существо вольное и дѣятельное: онъ можетъ разсѣять свою грусть въ вихрѣ разныхъ занятій, или утопить ее въ разливѣ удовольствій; или, когда сцена его неудачи слишкомъ полна тяжкихъ воспоминаній, онъ можетъ, какъ ему вздумается, перемѣнить свое жилище съ первымъ упромъ, и, будто на крыльяхъ, летѣть въ далекіе края, и найти спокойствіе. Но, сравнительно говоря, женщина прикована къ мѣсту: жизнь ея — домашняя и мечтательная. Она чаще бываетъ товарищемъ своихъ собственныхъ мыслей и чувствованій. И если онѣ обратятся въ источникъ печали — гдѣ ей найти утѣшеніе? Ея участь — быть любимою, и любить, и, въ несчастной страсти сердца, ее можно

сравнить съ обложенною, потомъ взятою и оставленною, и разрушенною крѣпостью.

Сколько свѣтлыхъ очей тускнетъ, сколько румяныхъ щекъ блѣднѣетъ, сколько прелестныхъ низходитъ въ гробъ — и никто не знаетъ причины, снѣдающей ихъ любезность! Какъ раненный голубь, жметъ свои крылья, и покрываетъ и хоронитъ стрѣлку, въ него вонзенную; такова-то и природа женщины, чтобы скрывать отъ свѣта тоску оскорбленной склонности. Любовь нѣжной женщины — застѣнчива и безмолвна. Даже и при счастіи, она едва шепчетъ о ней себѣ самой; а ежели иначе, то хоронитъ ее въ глубинѣ сердца, и оставляетъ тамъ изнывать подъ обломками своего спокойствія. Тогда уже нѣтъ для нее желаній сердечныхъ.

Очарованія бытія изчезли! Она небрежетъ о пріятныхъ упражненіяхъ, которыя веселятъ духъ, ускоряютъ пульсъ, и проливаютъ жизнь цѣлительнымъ ключемъ сквозь жилы. Покой ея нарушенъ; тихое освѣженіе сна отравлено грустными видѣніями; алчная тоска пьетъ кровь ея, доколѣ гаснущій составъ ея не падетъ въ могилу!

* * *

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ Мусульманъ:
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ,

*

И, ласкаясь, говорила:
„Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ — таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Онъ недуга, онъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ;

*

И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ,

И поклонниковъ Пророка
Онъ тебѣ не покоритъ;
И тебя на лоно друга,
Опъ печальныхъ, чуждыхъ странъ
Въ край родной, на Сѣверъ съ Юга
Не умчитъ мой талисманъ. . . .

*

Но, когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль успа во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ не любя: —
Милый другъ! опъ преступленья,
Опъ сердечныхъ, новыхъ ранъ,
Опъ измѣны, опъ забвенья —
Сохранитъ мой талисманъ!“

А. Пушкинъ.

ТИШИНА МОРСКАЯ.

(*Изъ Адама Мицкевича.*)

Все тихо, изрѣдка вѣтръ флагомъ колыхнётъ,
Слегка волнуетъ онъ поверхность голубую,
Какъ призракъ счастія грудь дѣвы молодую:
Она пробудится—и вновь, вздохнувъ, уснётъ.

*

Какъ бранны знамена, когда окончанъ бой,
Вѣприла свернуты на мачтахъ почиваютъ;
Корабль колеблется игривою волной;
Пловцы на палубѣ безпечно отдыхаютъ.

*

О море! въ глубинѣ твоей полипъ живётъ.
Онъ спитъ на днѣ, когда бушуетъ непогода;
Но тишина сойдетъ съ лазуреваго свода—
И вѣтьви длинныя онъ снова разовьётъ.

*

Такъ точно мысль, въ твоей превожной глубинѣ,

Есть гидра люпая, она — воспоминанье.
Въ часы сердечныхъ бурь погружена во снѣ,
Лишь спихнупъ—жалами пробудипъ вновь
страданье.

В. Щастный.

ИНДѢЙСКАЯ ПѢСНЯ (*).

Капитесь волны,
Плещипе волны,
Шуми попокъ!
Быспрѣй бѣгипе
И въ даль несипе
Мой огопекъ!

(*) Молодыя Индіянки имѣюпъ обычай гадапь слѣдующимъ образомъ: привязавъ къ доскѣ родъ плошки, онѣ зажигаюпъ ее; пускаюпъ доску по печенію рѣки, и слѣдуюпъ за плывущимъ огнемъ вдоль берега. Гдѣ онъ оспановипся, въ той сторонѣ, значипъ, выдпимъ имъ замужъ.

Тамъ день свѣжѣе,
Тамъ ночь пемнѣе,
Цвѣпы вокругъ,
И дышепъ нѣга —
И онъ у брега,
Мой пайный другъ!

*

Мои гаданья,
Мои призванья
Узнаепъ онъ;
Всю ночь со мною,
Рука съ рукою,
Забудепъ сонъ.

*

Какъ съ нимъ украдкой
Свиданье сладко,
Не говорю;
Его дыханье,
Его лобзанье . . . .
Ахъ! я горю!

*

Бѣгипе волны,
Плещипе волны,

*

Шуми потокъ!
Гори свѣтлѣе,
Катись быстрѣе,
Мой огонекъ! . . .

А. Подолинскій.

ИСКРА.

(*Басня.*)

Идетъ прохожій — искра плюетъ.
Разсудокъ говоритъ: „на искру плюешь!“
А неразсудокъ шепчетъ: „дунь!“ —
Бѣда, кто слушаться разсудка не умѣетъ!
Онъ дунулъ — и пошло: пожаръ, тревога,
сборъ,
Все охало и все шумѣло;
И ужь прохожему досталось! — да и дѣло:
Не раздувашь бы вздоръ.

Ѳ. Глинка.

КЪ С***

(При полученіи отъ нее въ подарокъ вышитыхъ цвѣтовъ.)

Отъ первой юности къ печальнымъ думамъ склонный,
То днемъ разсѣянный, то по ночамъ безсонный,
И къ счастью и къ любви невѣріе храня,—
За тщетный жизни даръ роптамъ на небо я.
Я видѣлъ вѣтренность, иль хладное бесстрастье
На лицахъ милыхъ женъ — и говорилъ себѣ:
Когда жь и въ комъ найду сердечное участье
Къ моей безрадостной судьбѣ?
Чей вздохъ слетитъ ко мнѣ нѣжнѣй, чѣмъ вѣтеръ Юга?
Чьи очи мнѣ блеснутъ, взаимностью полны
Игривѣй горныхъ струй, мечтательнѣй луны? —

Тоскую, вяну я — и жизнь, не жизнь безъ
друга.

* *

Но, сладость строкъ твоихъ, по памятный
твой даръ,
Какъ бы вліяньемъ тайныхъ чаръ,
Мгновенно надо мной свершили изцѣленье.
Кляну, кляну мое сомнѣнье:
И у меня есть другъ, прекрасный другъ, а
съ нимъ
Все въ жизни цѣль и услажденье.
Такъ! всюду рай тому, кто любитъ и лю-
бимъ.

* *

Съ какимъ душевнымъ умиленьемъ
Любуюсь, въ тишинѣ, твоимъ произве-
деньемъ!
Съ какой отрадой бродитъ глазъ
По шелку, по сребру, по тѣнямъ разно-
цвѣтнымъ,
Гдѣ взоры милые покоились не разъ,
Гдѣ все оживлено ихъ пламенемъ привѣт-
нымъ!

И, знаешь ли, мой другъ, что мнѣ пришло
на умъ:
Что въ краскахъ сихъ цвѣтовъ, въ ихъ
чудномъ соплетеньѣ,
Сокрыто тайное любви изображенье,
Нѣмой языкъ сердечныхъ думъ;
Что мнѣ понятенъ онъ; что я по знакамъ
нѣжнымъ
Всѣ мысли разгадалъ твои:
Грусть одиночества съ томленьемъ безна-
дежнымъ,
Святыя жалобы любви;
И что, въ лицѣ твоемъ, какой-то Геній
милый,
Ко мнѣ въ тотъ сладкій часъ предсталъ
на единѣ,
Надъ головой моей взвѣвалъ златыя крилы
И ясно улыбался мнѣ.

* *

О! пусть то было обольщенье,
Пусть я ласкалъ себя и тщетною мечтой,
Оставь, оставь мнѣ заблужденье:

Обманъ столь милый, столь живой,
Всѣхъ чувствъ, всѣхъ мыслей — упоенье!
Мой другъ, молю, сама восторгъ мой раздѣли:
Съ нимъ сердцу такъ легко, какъ будто нѣтъ разлуки,
Съ нимъ сердце вѣруетъ: не все на свѣтѣ муки,
Есть и блаженство на земли!

В. Туманскій.

1825 г.

ВСТРѢЧА СЪ КАРАМЗИНЫМЪ.

(Изъ Литературныхъ воспоминаній.)

....de mortuis nil nisi vere....

....Въ 1819 году, въ зимніе вечера собирались къ одному содержателю пансіона въ Петербургѣ, (Французскому дворянину) любители Словесности, изъ находившихся въ то время въ столицѣ Французскихъ путешественниковъ, чиновниковъ, и нѣсколько дамъ и мужчинъ изъ высшаго класса Русскаго общества. Въ семъ пансіонѣ воспитывались дѣти знатныхъ и богатыхъ людей, и потому хозяинъ имѣлъ обширный кругъ знаком-

спива. Время на сихъ литературныхъ вечерахъ проводили чрезвычайно весело. Читали переводы съ Русскаго языка и небольшія оригинальныя статьи; разговаривали, шутили, и наконецъ за ужиномъ, по древнему Аѳинскому и нынѣшнему Французскому обычаю, пѣли куплеты, всегда остроумные, весьма часто забавные. Присутствіе дамъ, прекрасныхъ и умныхъ, одушевляло бесѣду.

Не имѣя никакихъ притязаній на званіе Французскаго Автора, я, по просьбѣ хозяина и нѣкоторыхъ пріятелей, долженъ былъ писать по-Французски небольшія статьи, которыя исправлялъ (въ грамматическомъ отношеніи) Г-инъ Сенъ-Моръ (*), и самъ

(*) Издатель Русской Антологіи на Французскомъ языкѣ.

чипалъ ихъ въ нашей бесѣдѣ. Прекрасному его чиснію я обязанъ тѣмъ, что нѣкоторые изъ моихъ спанѣй имѣли успѣхъ. Впрочемъ общество наше было весьма невзыскательно. Немножко ума, немножко веселости, занимательное происшествіе— и слушатели были довольны.

Однажды хозяинъ объявилъ намъ, что въ будущее засѣданіе, одинъ извѣстный Русскій чинецъ будетъ деклямировать сцены изъ Мольеровой комедіи, и что нѣсколько отличныхъ Русскихъ Литераторовъ посѣтятъ нашу бесѣду. Я тогда только что возвратился изъ долговременнаго странствованія по Европѣ, и не зналъ въ лице ни одного Русскаго Литератора. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я дня собранія, и первый туда явился. По мѣрѣ появленія новыхъ лицъ въ залѣ,

я спрашивалъ объ именахъ, и, къ удивленію моему, слышалъ одни звонкія имена въ Адрессъ-календарѣ, а не встрѣтилъ ни одного извѣстнаго въ Литературѣ. Въ досадѣ, я усѣлся въ уголъ комнаты, и погрузился въ размышленія.

И такъ, хозяинъ самъ обманулся и насъ обманулъ, думалъ я, обѣщая украсить кругъ нашъ присутствіемъ Литераторовъ. Но онъ знакомъ въ свѣтѣ, а не на Парнассѣ.

Въ свѣтѣ достоинство Литератора опредѣляется другимъ образомъ, нежели въ ученомъ кабинетѣ. Сочинители нѣсколькихъ незначащихъ печатныхъ страничекъ, или стишковъ (при помощи пріятелей) смѣлые и многоязычные говоруны, дерзкіе судьи дарованій, которыхъ все достоинство составляетъ память, испещренная

безпорядочными узорами различныхъ словесностей, и выдержками изъ остроумныхъ иностранныхъ журналовъ— вотъ люди, которые между Литераторами называются *опрокинутою библіотекою* (bibliotèque renversée), а въ свѣтѣ слывутъ умниками, созрѣлыми судьями Литературы. Такъ называемый большой свѣтъ, можно уподобить крѣпости. Комендантъ въ оной— *Приличіе*. Этотъ Комендантъ не впускаетъ въ ограду никого, кто не принадлежитъ къ гарнизону, но сдаетъ на капитуляцію цѣлую крѣпость первому смѣльчаку, который устремится на приступъ, съ толпою своихъ робкихъ поклонниковъ. Успѣхи въ большомъ свѣтѣ, въ отношеніи къ уму, весьма не трудны, ибо они зависятъ отъ положенія человѣка въ обществѣ. Родство, связи, покровитель-

ство, доставляютъ рукоплескателей, и обыкновенно случается, что эти рукоплесканія свѣта превращаются въ пронзительный свистъ публики образованной.

Между тѣмъ, какъ я размышлялъ такимъ образомъ, началось чтеніе Мольеровой піесы. Вдругъ дверь въ залѣ потихоньку отворяется, и входитъ человѣкъ, высокаго роста, немолодыхъ лѣтъ и прекрасной наружности. Онъ такъ тихо вошелъ, что ни мало не разстроилъ чтенія, и, пробираясь за рядомъ креселъ, присѣлъ въ самомъ концѣ полукруга. Орденская звѣзда блестѣла на темномъ фракѣ, и еще болѣе возвышала его скромность. Другой вошелъ бы съ шумомъ и шарканьемъ, чтобъ обратить на себя вниманіе, и получить почетное мѣсто. Незнакомецъ нико-

го не обезпокоилъ. Я смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и участіемъ. Черты его лица казались мнѣ знакомыми, но я не могъ вспомнить, гдѣ и когда я видѣлъ его. Лице его было продолговатое; чело высокое, открытое, носъ правильный, Римскій. Ротъ и губы имѣли какую-то особенную пріятность и, такъ сказать, дышали добродушіемъ. Глаза небольшіе, нѣсколько сжатые, но прекраснаго разрѣза, блестѣли умомъ и живостью. Въ половину посѣдѣлые волосы зачесаны были съ боковъ на верхъ головы. Физіономія его выражала явственно душевную простоту и глубокую проницательность ума. Отличительныя черты его лица были двѣ большія морщины при окончаніи щекъ, по обѣимъ сторонамъ рта. Я, по невольному влеченію, искалъ его взгляда,

который, казалось, говорилъ душѣ что-то сладостное, утѣшительное.

На его одушевленной физіономіи живо отражались всѣ впечатлѣнія, производимыя чтеніемъ. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера, не ускользнули отъ его вниманія. Неудовольствіе изображалось на лицѣ, какъ облако въ чистой водѣ, когда чтецъ дошелъ до нѣкоторыхъ плоскостей, встрѣчающихся въ комедіяхъ Мольера, жертвовавшаго иногда вкусу своего современнаго партера. Я не сводилъ глазъ съ незнакомца, и размѣрялъ по его ощущеніямъ мои собственныя.

Дошла очередь до моей стапьи. Она была написана мною въ слѣдствіе моего спора съ Французами о Нѣмецкой трагедіи, и заключала въ

себѣ обозрѣніе и краткій разборъ Шиллеровыхъ драматическихъ твореній. Прежде, я хладнокровно представлялъ мои бездѣлки на судъ снисходительныхъ любителей Словесности, но на этотъ разъ сердце мое забилось сильнѣе: я чувствовалъ, что въ незнакомцѣ имѣю знающаго и опытнаго судію. Во время чтенія Г-на Сен-Мора, я съ боязнію поглядывалъ на незнакомца, и старался вычитать мой приговоръ на его лицѣ. Счастіе мнѣ благопріятствовало: я съ радостію примѣтилъ, что незнакомецъ былъ доволенъ.

Кончилось чтеніе, слушатели встали съ мѣстъ своихъ, и начался разговоръ. Съ нетерпѣніемъ подбѣжалъ я къ хозяину, чтобы спросить объ имени занимательнаго незнакомца. «*Это Каразинъ!*»—отвѣчалъ хозя-

инъ, и поспѣшилъ къ нему, благодарить за посѣщеніе.

«Карамзинъ!» — воскликнулъ я такъ громко, что онъ обернулся и посмотрѣлъ на меня. Вся первическая моя система потряслась при семъ магическомъ имени, и всѣ усыпленныя воспоминанія моей юности вспорхнули въ одно время. Есть ли одинъ грамотный человѣкъ въ Россіи, въ хижинѣ и въ чертогахъ, отъ береговъ Камчатки до Вислы, который бы не зналъ имени Карамзина? Есть ли одинъ образованный иностранецъ, который бы не соединялъ имени Карамзина съ воспоминаніемъ о просвѣщеніи Россіи?— Я видалъ гравированный его портретъ, и теперь повѣрялъ давно знакомыя черты Писателя, котораго каждая печатная строка прочтена мною по нѣскольку разъ.

Съ юности моей я былъ свидѣтелемъ его успѣховъ, его славы. Я членъ того поколѣнія, въ которомъ онъ сдѣлалъ Литературный переворотъ. Онъ заставилъ насъ читать Русскіе журналы своимъ Московскимъ Журналомъ и Вѣстникомъ Европы; онъ своими Аонидами и Аглаей ввелъ въ обычай альманахи; онъ Письмами Русскаго Путешественника научилъ насъ описывать легко и пріятно наши странствія; онъ своими *несравненными* повѣстями привязалъ свѣтскихъ людей и прекрасный полъ къ Русскому чтенію; онъ сотворилъ легкую, такъ сказать, общежительную прозу; онъ первый возжегъ свѣтильникъ Грамматической точности и правильности въ словѣ, представивъ образцы во всѣхъ родахъ; онъ познакомилъ всѣ состоянія Россіянъ съ отечествен-

ною Исторіею, очистивъ ее опъ архивной пыли.—Такъ вотъ Карамзинъ! вотъ исполинъ Русской Словесности! Различіе въ мнѣніяхъ, на счетъ изложенія Исторіи, нимало не ослабляло во мнѣ чувства уваженія къ великому мужу, и не затемняло его великихъ заслугъ и дарованій. Я смотрѣлъ на него съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ древніе взирали на изображеніе олицетворенной *Славы* и *Заслуги* (*).

Г. Сен-Моръ знакомъ былъ съ Карамзинымъ. Я попросилъ Г. Сен-Мора, представить меня великому Писателю; что и было тотчасъ исполнено. — «Я согласенъ съ вами на счетъ трагедіи» сказалъ онъ мнѣ, послѣ перваго привѣтствія. «Классики

(*) Прошу Читателей заглянуть въ спанью мою: *Путь къ богатству*.—*Соч.*

требуютъ слишкомъ точнаго соблюденія трехъ единствъ; Романтики отвергаютъ всѣ условія искуства. Вы справедливо говорите, что надлежало бы выбрать средину между двумя крайностями. Три единства слишкомъ стѣсняютъ кругъ дѣйствія; соединеніе отдаленныхъ эпохъ въ драмѣ развлекаетъ вниманіе, и ослабляетъ занимательность цѣлаго. Пусть появится другой Рассинъ во Франціи—и онъ сдѣлаетъ переворотъ въ мнѣніяхъ, ибо людей должно убѣждать не теоріями Изящнаго, а примѣрами.» При сихъ словахъ, Карамзинъ пріятно улыбнулся, и примолвилъ: «Я говорю не на счетъ вашей теоріи: говорить правду все-таки надобно. Слѣдствія приходятъ послѣ.»— Карамзинъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ на счетъ моего пребыванія за

границею; но какъ ни время, ни мѣсию не позволяли распространяться въ разговорахъ, то я долженъ былъ съ горестью отстать отъ Карамзина, и уступить свое мѣсто другимъ. Я просилъ у него позволенія, посѣтить его. Онъ пожалъ мнѣ руку, и сказалъ: «Въ девять часовъ вечера, я пью чай въ кругу моего семейства. Это время моего отдыха. Милости прошу: я всегда буду радъ вамъ. Прошу за-просто, безъ предварительныхъ визитовъ.»

Я не преминулъ воспользоваться этимъ позволеніемъ, и чрезъ нѣсколько дней отправился къ Карамзину. Онъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста, въ домѣ Г-жи Муравьевой, въ верхнемъ этажѣ. Меня впустили въ залу безъ доклада. Въ первой комнатѣ, за круглымъ чай-

нымъ столикомъ, на которомъ стоялъ самоваръ, помѣщалось цѣлое семейство Карамзина; самъ онъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, въ полукругѣ посѣтителей. Карамзинъ встрѣтилъ меня въ половинѣ комнаты; дружески пожалъ руку; произнесъ громко мою фамилію, представляя другимъ собесѣдникамъ, и просилъ садиться. Въ его пріемахъ, обращеніи и во всѣхъ движеніяхъ соединялось глубокое познаніе свѣтскихъ приличій съ какимъ-то необыкновеннымъ добродушіемъ и простотою Патріархальныхъ временъ. Каждое его слово, каждое движеніе шло прямо отъ сердца. Находясь въ обществѣ незнакомыхъ людей, въ первый разъ въ домѣ, я не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія и принужденія. Общество составлено было изъ людей разнаго

званія и происхожденія: Русскихъ первоклассныхъ чиновниковъ, Литераторовъ и иностранцевъ; но всѣ сіи разнородныя части *спаивались* въ одно цѣлое умомъ и душею хозяина. Въ обращеніи его не видно было, чтобы онъ отдавалъ кому-либо преимущество на счетъ другаго. Добродушная его вѣжливость разливалась равно на всѣхъ. Онъ говорилъ со всякимъ однимъ тономъ, и слушалъ каждаго съ одинакимъ вниманіемъ. Люди сближались между собою—Карамзинымъ. Всѣ преимущества исходили или возвышались на одинакую степень въ его присутствіи. Онъ былъ душею, и невидимо давалъ направленіе и располагалъ движеніями членовъ своего общества.

При воспоминаніи о бесѣдѣ Карамзина, почитаю неизлишнимъ сказать

нѣсколько словъ о обществахъ вообще. Не только у насъ, но и во Франціи, семъ древнемъ отечествѣ общежитія, жалуются, что *искуство бесѣдовать* (l'art de la conversation) упало, и даже тайна онаго изчезла. Къ кому нынѣ ѣздятъ на бесѣду? Кто составляетъ общества? Знатные и богатые зовутъ гостей на обѣдъ, на вечеръ, гдѣ пресыщаются, играютъ въ карты, танцуютъ — но не бесѣдуютъ. Зовутъ людей знатныхъ, случайныхъ, ихъ дѣтей и родственниковъ. Въ сихъ обществахъ не требуется ни отъ хозяина, ни отъ гостей ума и познаній для поддержанія бесѣды; напротивъ того—*молчаніе* почитается достоинствомъ. Большіе обѣды похожи на всенародныя жертвоприношенія, балы на театральныя представленія: они сухи и безжизнен-

ны. Во Франціи и Англіи, еще умъ и дарованія составляютъ почетное качество человѣка, и отворяютъ ему входъ во всѣ общества. Но политическія пренія поглощаютъ пріятность бесѣдъ,—и умъ *работаетъ*, а не *забавляется* въ обществахъ. У насъ въ Россіи, Литераторы и Ученые приглашаются въ общества и занимаютъ мѣста по чинамъ, по связямъ—а не по дарованіямъ. У насъ знатные приглашаютъ Литератора тогда только, когда надобно посовѣтоваться съ нимъ въ какомъ-нибудь *письменномъ* дѣлѣ, точно такъ, какъ призываютъ Медика во время недуга. Захочетъ ли Литераторъ и Ученый, съ умомъ, съ дарованіемъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, добиваться чести: занимать уголокъ за пышнымъ сиволомъ, играть

въ вистъ въ позлащенныхъ комнатахъ, и быть безмолвнымъ свидѣтелемъ свѣтскихъ забавъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Съ другой стороны, людямъ знатнымъ, должностнымъ, богатымъ, *нѣкогда* заниматься бесѣдами съ Литераторами о предметахъ, съ которыми первые или разстались, или вообще мало знакомы. Знатные и должностные люди, не оказывая покровительства Литераторамъ, обходятся съ ними, какъ съ подчиненными. Всѣ сіи и другія причины, о которыхъ я умалчиваю, воздвигнули родъ Китайской стѣны между такъ называемымъ большимъ свѣтомъ и Литераторами. Литераторы ничего отъ этого не теряютъ, напротивъ того выигрываютъ драгоцѣнное время; но знатные люди, издерживающіе значительныя суммы на балы и празд-

ники, и жертвою половины жизни добивающіеся степеней для пріобрѣтенія извѣстности, не постигаютъ своихъ выгодъ, пренебрегая умомъ и дарованіями. Много громкихъ именъ забудется навсегда въ другомъ поколѣніи, вмѣстѣ съ Адрессъ-календарями на лѣто отъ Рождества Христова такое-то; но имена Шувалова, Строгонова, Румянцова перейдутъ къ потомству съ уваженіемъ, единственно отъ того, что они любили собирать въ своемъ домѣ и покровительствовали Ученыхъ, Литераторовъ и Артистовъ. Безъ Горація мы не знали бы о существованіи Мецената.

Въ это время, когда я познакомился съ Карамзинымъ, весьма въ немногихъ домахъ въ Петербургѣ принимали Литераторовъ и вообще всѣхъ гостей по ихъ внутреннему достоинству.

Я говорю теперь о Карамзинѣ (*) Сей великій Писатель былъ любезнѣйшимъ человѣкомъ въ общесіпвѣ. Онъ зналъ въ совершенствѣ *искуство бесѣдовать*, которое вовсе различно съ *искуствомъ расказывать*. Хорошій раскащикъ нравится намъ иногда, когда мы расположены *слушать*; но человѣкъ, умѣющій поддерживать разговоръ и сообщать ему занимапельность, нравится всегда, ибо онъ умѣетъ быть и слушателемъ и раскащикомъ.

Карамзинъ охотно говорилъ по-Русски—и говорилъ прекрасно. Иностранные языки онъ употреблялъ только съ иностранцами. Въ его рѣчахъ не было изысканныхъ выраженій и ссылокъ на Авіпоровъ, столь упомипительныхъ въ разговорахъ, но рѣченія его сами по себѣ имѣли полноту и

(*) Какъ не вспомнить о домѣ *А. Н. Ол—на!*

круглость; онъ никогда не изъяснялся опрывистю. Соблюдая вообще хладнокровіе въ разговорахъ, онъ воспламенялся только, когда рѣчь заходила о Россіи, объ Исторіи и объ его старинныхъ друзьяхъ. Тогда физіономія его одушевлялась особенною выразительностію, и взоры искрѣли. Онъ никогда изъ вѣжливости не соглашался съ чужимъ мнѣніемъ вопреки собственнаго убѣжденія, но не спорилъ, а умѣлъ своему пропивурѣчію сообщать такую нѣжность и снисходительность, что всегда побѣждалъ своего противника, который если не перемѣнялъ мнѣнія, то по-крайней мѣрѣ долженъ былъ замолчать. Карамзинъ никогда не хотѣлъ торжествовать въ разговорѣ, и если примѣчалъ, что противникъ его уклонялся отъ пропивурѣчій, то нѣж-

но, ласково и постепенно, не перескакивая быстро къ другому предмету, перемѣнялъ разговоръ, выводя всегда своихъ собесѣдниковъ на самыя блестящія мѣста разговорнаго поприща.

Въ этотъ вечеръ разговоръ началъся о сравнительномъ состояніи простаго народа въ Россіи и во Франціи. Я сказалъ: »Францію вообще можно сравнить съ галантерейною вещью, лучшей филаграмовой работы, съ финифлью; а Россію можно уподобить слитку золота. На видъ Франція имѣетъ преимущество, но на вѣсъ—Россія.» Карамзинъ улыбнулся: «Правда,» сказалъ онъ: «что Россія тяжела на политическихъ вѣсахъ Европы, и что массивное ея сложеніе надолго предохранитъ ее отъ ломки и измятія. Но извините,» примолвилъ онъ: «въ сравненіи своемъ, вы

позабыли сказать, какой формы слитокъ?» — «Каждая форма пріятна для глазъ,» отвѣчалъ я: «если въ ней соблюдена гармонія.«—«Если такъ, согласенъ,» сказалъ Карамзинъ.— Одинъ изъ собесѣдниковъ распространился въ похвалахъ веселости и уму Французскаго народа. Карамзинъ сказалъ: «Вы правы; но въ Русскомъ народѣ веселость и умъ также врожденныя качества. Не мудрено веселиться подъ свѣтлымъ небомъ Франціи, подъ тѣнью каштановъ, среди виноградниковъ, по близости большихъ городовъ; но у насъ, среди трескучихъ морозовъ, въ дымныхъ избахъ, или въ тяжкомъ трудѣ краткаго лѣта, крестьянинъ всегда веселъ, всегда поетъ или шутитъ. У насъ безъ школъ поселяне выучиваются самоучкою грамотѣ, и разрядъ нашихъ сельскихъ поэтовъ

и романистовъ едва ли не многочисленнѣе класса привилегированныхъ Литераторовъ. Много ли можно насчитать тѣхъ счастливцевъ, которыхъ сочиненія сохраняются столь долго, какъ Русскія пѣсни и сказки? Общее правило: счастье состоитъ въ томъ, чтобы довольствоваться малымъ; а нѣтъ человѣка въ мірѣ, который имѣлъ бы менѣе нуждъ, какъ Русскій крестьянинъ, и который бы такъ охотно и такъ весело трудился.» — Разговоръ обратился на Русскія сказки и пѣсни, и Карамзинъ, объясняя красоты нѣкоторыхъ изъ пѣсней и занимательность сказокъ, примолвилъ: «Я давно уже имѣлъ намѣреніе собрать и издать лучшія Русскія пѣсни, если возможно, расположивъ хронологическимъ порядкомъ, и присоединить къ нимъ историческія

и эстетическія замѣчанія. Другія занятія отвлекли меня отъ сего предпріятія, но я не отказался отъ него. Я недоволенъ всѣми нашими собраніями; въ нихъ нѣтъ ни выбора, ни порядка.» — Само по себѣ разумѣется, что всѣ мы искренно пожелали, чтобы Карамзинъ исполнилъ свое предпріятіе.

Если бъ какой-нибудь *отличный* Литераторъ исполнилъ сію мысль великаго Писателя, онъ бы оказалъ большую услугу Отечественной Словесности. Можно было бы сдѣлать также собраніе Русскихъ простонародныхъ сказокъ, уже напечатанныхъ и остающихся въ изустномъ преданіи, очистивъ оныя отъ нѣкоторыхъ грубыхъ мѣстностей, но соблюдая въ точности слогъ и разсказъ. Это были бы памятники народные. Но, по-

вторяю, для сего предпріятія надобно не Литературныхъ спекулаторовъ, а *отличныхъ* Литераторовъ, знающихъ совершенно Россію.

Первое мое посѣщеніе продолжалось *два* часа. Я не могъ рѣшиться оставить бесѣду:—мнѣ такъ было хорошо и весело! Умъ и сердце безпрестанно имѣли новыя, легкія, пріятныя занятія. Я хотѣлъ по модному обычаю выпти изъ комнаты, не простясь съ хозяиномъ, но Карамзинъ не допустилъ меня до этого. Онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку (по-Англійски), и пригласилъ посѣщать его. Я видѣлъ почти всѣхъ знаменитыхъ Ученыхъ и Литераторовъ на твердой землѣ Европы, во время моего странствія; но признаюсь, что весьма немногіе изъ нихъ произвели во мнѣ такое впеча-

тлѣніе при первой вспрѣчѣ, какъ Карамзинъ, и это отъ того, что весьма немногіе люди имѣютъ такое добродушіе въ обращеніи, такую простоту въ пріемахъ, какъ имѣлъ Карамзинъ; что онъ при обширныхъ свѣдѣніяхъ зналъ *искуство бесѣдовать*, и наконецъ, что въ каждомъ его словѣ видна была *душа* добрая, благородная. Вотъ магнитъ сердецъ!

Нѣсколько дней спустя послѣ перваго моего посѣщенія, я встрѣтилъ Карамзина въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, пѣшкомъ, поутру въ восемь часовъ. Погода была самая несносная: мокрый снѣгъ падалъ комками и ударялъ въ лице; оттепель испортила зимній путь. Одинъ только процессъ, или другая какая бѣда, могли выгнать человѣка изъ дому въ эту пору. Я думалъ, что

Карамзинъ меня не узнаетъ, ибо онъ два раза только видѣлъ меня, и то вечеромъ. Но онъ узналъ меня. Я изъявилъ ему мое удивленіе, что встрѣчаю его въ такое время. «Я имѣю обыкновеніе,» сказалъ Карамзинъ: «прогуливаться пѣшкомъ поутру до девяти часовъ. Въ эту пору я возвращаюсь домой, къ завтраку. Если я здоровъ, то дурная погода не мѣшаетъ мнѣ; напротивъ того, послѣ такой прогулки лучше чувствуешь пріятность теплаго кабинета.» — «Но должно сознаться,» возразилъ я: «что вы выбираете нелучшія улицы въ городѣ для своей прогулки.» — «Необыкновенный случай завелъ меня сюда,» отвѣчалъ Карамзинъ. «Чтобъ не показаться вамъ слишкомъ скрытнымъ, я долженъ вамъ сказать, что я отыскиваю одного бѣднаго человѣка, ко-

торый часто останавливаетъ меня на улицѣ, называетъ себя чиновникомъ, и проситъ подаянія именемъ голодныхъ дѣтей. Я взялъ его адрессъ, и хочу посмотрѣть, что могу для него сдѣлать.» Я взялся сопутствовать Карамзину. Мы отыскали квартиру бѣднаго человѣка, но не застали его дома. Семейство его въ самомъ дѣлѣ было въ жалкомъ положеніи. Карамзинъ далъ деньгъ старушкѣ, и распросилъ ея о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни отца семейства. Выходя изъ воротъ, мы встрѣтили его, но въ такомъ видѣ, который тотчасъ объяснилъ намъ загадку его бѣдности. Карамзинъ не хотѣлъ обременять его упреками: онъ покачалъ только головою, и прошелъ мимо. — «Досадно,» сказалъ Карамзинъ, улыбаясь: «что мои деньги не

попали туда, куда я назначилъ ихъ. Но я самъ виноватъ; мнѣ надлежало бы прежде освѣдомиться объ его положеніи. Теперь буду умнѣе, и не дамъ денегъ ему въ руки, а въ домъ.»

Благородный человѣкъ! Вотъ какъ онъ услаждалъ свои прогулки передъ упреннею работою. Мудрено ли послѣ этого, что каждая его строка дышитъ любовью къ человѣчеству, ко всему доброму, полезному. Біоффонъ справедливо сказалъ, и Карамзинъ повторилъ: что человѣкъ изображается въ слогѣ своемъ. Правильность, нѣжность, простота, занимательность слога Карамзина, были отпечатками его характера. Различіе въ мнѣніяхъ никогда не могло ослабить уваженіе къ нему въ человѣкѣ благомыслящемъ. Отдаленное потомство скажетъ: Карамзинъ

былъ великій Писатель, и — благородный, добрый человѣкъ. Одно стоитъ другаго. Но какое счастье, если это соединено въ одномъ лицѣ!

Ѳаддей Булгаринъ.

ГАЙДАМАКИ.

(Отрывокъ изъ Поэмы.)

Еще Украина недавно
Склоняла гордос чело;
И, цѣпью скована безславной,
Дышала въ рабствѣ тяжело!.. (*)
Но пукъ цѣпей иноплеменныхъ
Разсыпалъ мстительный ударъ, (**)
И озарилъ войны пожаръ,
И стыдъ и бѣгство пораженныхъ!
Окровавленная земля
Одѣлась новою травою;
Тучнѣютъ жатвой золотою
Давно нежатыя поля;
Опять воздвигнуты изъ праха,
Людные селы, города;
Пестрѣютъ тучныя стада,
И ходятъ пупники безъ страха.
Но звучныхъ пѣсней не слыхать

(*) Подъ владычествомъ Польши.
(**) Мечь Великой Екатерины.

Еще въ Украинѣ печальной ....
На ней, какъ камень погребальной,
Лежитъ унынія печать.
Такъ, послѣ долгаго недуга,
Лице красавицы хранитъ
Слѣды страданій — томный видъ ....

Но, вотъ опять подъ небомъ юга
Собралась туча — и страшна,
Грозитъ Украинѣ она!
Наскуча праздной жизни лѣнью,
Питомцы буйные степей,
Послушны пайному внушенью (*),
Изъ *Сѣчи* хлынули своей.
Толпы Татаръ за ними слѣдомъ
Бѣгутъ, покинувъ знойный Крымъ;
Грабежъ ихъ вождь, имъ страхъ невѣдомъ,
Невѣдома и жалость имъ!
Враги Россіи вѣковые,

(*) По приглашенію, въ 1764 году, нѣкоторыхъ Польскихъ Магнатовъ, недовольныхъ возведеніемъ на престолъ Короля Августа, изъ дому Понятовскихъ.

Раздора впайнѣ ждупъ они,
И мысляпъ: будупъ снова дни,
Какъ дни ихъ грознаго Батыя!
И мнилось: время ихъ пришло!
Орды Тапаръ, полпы казаковъ
Спеклись — и имя Гайдамаковъ
Въ Украйнѣ ужасъ навело!..

А. Подолинскій.

КАНАРЕЙКА.

(Басня.)

Канарочку Олёнушка купила;
Какъ няня, нянчилась съ ппапшуркой, берегла,
И бѣлымъ сахаромъ изъ алыхъ успъ кормила
Любимицу.... и вопъ ужь пшичка пакъ смѣла
И пакъ мила:
Лишь спукшупъ чашками, она какъ пупъ
была,

И каждый день поутру, у стола,
Кружитъ, проказитъ, — и, безъ спроса,
Хозяйкой чайнаго подноса,
То сахаръ, то бисквитъ клюётъ,
А между тѣмъ, поётъ, поётъ. . . .
И страхъ какъ пташечку Олёнушка любила,
И очень ею дорожила.
Но дѣвушекъ любовь—послушанъ старика—
Полегче перушка, потоньше волоска!
Сдружилась Ленушка съ котомъ мурлыкой:
Настанетъ день — онъ тутъ: сидитъ
угрюмой, дикой,
А птичкѣ это неподъспать.
И вотъ ужъ пѣсенокъ рѣзвушки не слыхать;
Манятъ — нейдетъ! а барышня сердится,
И въ слезы, и тумѣтъ... А няня ей совѣтъ:
„Олена Ниловна, мой свѣтъ!
„Ужъ ты на возрастѣ — пора бы вразумиться:
„Загадка, матушка, вѣдь очень-то проста:
„Ну, хочешь съ птичкой быть, такъ выгони кота!“

Ѳ. Глинка.

ДАРЪ ВСЕ ДѢЛАТЬ НЕ ВЪ ПОПАДЪ.

(Изъ Рюльера.)

Кому изъ васъ, друзья мои,
Еще отъ дѣтства не извѣстно,
Какъ въ оные волшебны дни
Кипридѣ полсъ данъ чудесной;
Но неравно извѣстно всѣмъ,
Какъ своенравною судьбою
Супругъ ея былъ между нѣмъ
Наградой удѣленъ иною:
Тяжелой и большой сумою,
Несчастнымъ выродкомъ изъ сумъ,
Куда на зло, иль наобумъ,
Цари Олимпа накидали
Познаніе, веселость, умъ,
И на смѣхъ все перемѣшали
Одно съ другимъ и къ верьху дномъ!
Къ нимъ въ слѣдъ забросили попомъ
Услужливость и торопливость,
Которыя въ глаза глядятъ,

Толкуютъ вашу молчаливостiь,
Пыхтянiе, вертятся и спѣшатъ,
Чтобъ ничего не кончить въ пору,
Опоздывая въ торопяхъ;
Несправедливую укору
Съ обидой горькой на устахъ,
Смѣхъ глупости, смѣхъ принужденья,
Холодныхъ наставленiй снѣсь,
Полудогадки, подозрѣнья,
Обиняковъ лукавыхъ смѣсь,
И оправданiя дурныя
Во слѣдъ намѣренiямъ благимъ,
И предисловiя большiя
Къ дѣяньямъ мелкимъ и пустымъ.
Но изъ даровъ сумы просторной,
Важнѣйшiй даръ, изъ всѣхъ отборной,
По всѣмъ примѣтамъ и правамъ,
Всегда, вездѣ несноснѣй намъ,
Который отравляетъ радость,
Разочаровываетъ младость,
И прелесть безобразитъ радъ —
Есть даръ: все дѣлать не въ попадъ.
Однажды въ небесахъ гуляя,

Вулканъ, неловко припадая,
Споткнулся и упалъ: мѣшокъ
Разсыпался съ несчастнымъ кладомъ,
И многихъ съ головы до ногъ
Дарами замепалъ какъ градомъ!
Мнѣ поименно ихъ назвать
Теперь въ спихахъ, не осторожно;
Но вамъ самимъ легко ихъ можно
Въ госпиныхъ барскихъ распознать.

Кн. Вяземскій.

ЭПИТАФІЯ.

Одну зарю пережила —
Не долго красотой блистала:
Она какъ роза разцвѣла,
За то какъ роза и увяла!

БЕЗУМНЫЙ.

Я зрѣлъ ничтожества ужасный идеалъ
И человѣчество въ его уничиженьи;
Какъ, въ постепенномъ силъ спрадальца
разрушеньи,
Небесный огнь ума примѣтно догоралъ.

*

Казалось, сираго забыло Провидѣнье;
Опринупъ ближними, обманупый судьбой,
Онъ слышалъ надъ своей поруганной главой
Обиды, дерзскій смѣхъ и гордое глумленье.

*

Онъ слышалъ . . . . но его ихъ голосъ не
смущалъ!
Въ немъ память о быломъ уже не говорила:
Невѣрная ему какъ люди измѣнила!
И мнилось, сонъ его волшебный оковалъ.

*

И яркимъ пламенемъ огонь самопознанья
Въ блуждающихъ очахъ страдальца не го-
ритъ:
Такъ хладный истуканъ спокойствіе хра-
нитъ,
Не зная радостей и бѣдъ Существованья!

В. Щастный.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Блеснетъ весна, пѣвецъ летучій
Въ прохладныхъ рощахъ запоетъ;
Чуть набѣгутъ осенни тучи,
Онъ снова пѣсни унесетъ!
У насъ не тоже ль вдохновенье?
Оно въ душѣ, пока цвѣтемъ;
Оно летитъ, какъ сновидѣнье,
Едва мы юности отживемъ!

А. Подолинскій.

ПИСЬМА.

I.

Гликерія Вакхидѣ.

«Менандръ поѣхалъ въ Коринѳъ: онъ хочетъ видѣть Истмическія игры; я этаго не хотѣла. Ты испытала, сколько и короткое отсутствіе настоящаго друга мучительно; но какъ противиться его желанію?—онъ такъ мало путешествовалъ. Какъ ввѣритъ его тебѣ, не прося тебя о его сердцѣ? Сколько безпокойства! Я знаю твою дружбу ко мнѣ, Вакхида; я знаю благородство чувствъ, которыя возносятъ тебя надъ нашими обычаями;

но Менандръ легко воспламеняется... подлѣ Вакхиды и самый мудрецъ опречется опъ своей мудрости. Не кажется ли уже мнѣ, что ты, Вакхида, а не пщетное зрѣлище Истмических игръ, была причиною его путешествія? Ахъ! ты теперь обвиняешь меня въ чрезмѣрной ревности: прости, милая Вакхида, безпокойству любви! Потеря Менандра для меня верьхъ несчастія. — Если шумный разрывъ разлучитъ насъ, я увижу себя выведенною на сцену, и содѣлаюсь цѣлью злыхъ насмѣшекъ Храмесовъ и Дофиловъ. Но какъ я стану шебя благодарить, если Менандръ возвратится ко мнѣ тѣмъ же, чѣмъ со мной разстался! Между тѣмъ, Птиоломей, Царь Египетскій, пораженный славою Менандра, хочетъ привлечь его къ своему Двору: вотъ новый страхъ

бѣдному сердцу Гликеріи!“... Но, вопъ чѣмъ любовникъ ее успокоиваешъ:

II.

Менандръ Гликеріи.

Нѣтъ, нѣтъ, Гликерія мол,
Тщеславья твоего Менандра не спрашися:
Не разлучусь съ тобой, и въ томъ клянуся я
Святыней Элевзиса,
И таинствъ ужасомъ и местію божествъ,
Къ клятвопреступникамъ безпощадныхъ:
Которыми, въ ночи Адонида праздновствъ,
Упившись счастіемъ изъ взоровъ ненагляд-
ныхъ, —
Я поклялся тебѣ!... Скажи, какихъ тор-
жествъ
Искать еще мое тщеславье станетъ?
Какое торжество и выше и полнѣй
Любви твоей?
Всегда зеленый лавръ скорѣй завянетъ,
Чѣмъ вѣчно-юные цвѣты ума,
Блестящаго Иперіона свѣтомъ

Въ очахъ, въ устахъ твоихъ. Такъ, вмѣстѣ
жизни лѣтомъ
Мы насладимся: пусть и осень и зима
Засіянутъ вмѣстѣ насъ—ни ты, ни я въ то
время
Не захотимъ другъ друга пережить.

* * *

Въ Пиреѣ я еще томлюсь, и облегчитъ
Не въ силахъ лѣностной болѣзни бремя,
Которую враги мои зовутъ
Безпечнымъ разнѣженьемъ;
Паѳенеи же, своимъ увеселеньемъ,
Въ Аѳинахъ счастливыхъ часы твои не-
сутъ.
Межъ тѣмъ, я получилъ письмо отъ Пто-
ломея:
Тщеславью моему оно чрезмѣрно льститъ:
Въ немъ Птоломей, хвалы поэту не жа-
лѣя,
Какъ другъ зоветъ меня, и мнѣ какъ Царь
сулитъ.
И Филемона онъ, я слышалъ, приглашаетъ;
Но хвалитъ менѣе и меньше обѣщаетъ:

Онъ не Менандръ.... Пусть онъ, что нуж-
ды до того,
Иль въ пупь спѣшитъ, или съ кѣмъ хочетъ
совѣщаенъ, —
А я рѣшился... Такъ, Гликерія, повѣрь:
Что твой совѣтъ, и прежде и теперь
И былъ и будетъ мнѣ судомъ Ареопага.
Такъ, безъ него твой другъ не сдѣлаетъ ни
шага.

* * *

Вотъ Царское письмо... читай. —
Ты въ немъ найдешь поэта приглашенье;
Но онъ меня узнай,
Менандра твоего рѣшенье. —
Поруками да будутъ мнѣ
Двенадесять боговъ и мудрая Аѳина,
Что я, и даже бы во снѣ,
Когда бъ Египетъ былъ не далѣе Эгина,
Не вздумалъ плыть къ нему.
И что я тамъ найду? —
Обширный дворъ Мемфиса,
Питающій льстецовъ и переселенцевъ тьму,

Народомъ полное наслѣдье Сезостриса
Мнѣ безъ тебя, повсюда одному,
Покажутся пустынею ужасной.
Не милости Сатрановъ и Царей,
Но, больше лестной мнѣ и менѣе опасной,
Хочу искать я милости твоей!—
Тамъ, униженіе съ возвышенностью смѣжно;
Тамъ, скользокъ правдѣ путь,
И счастье не надежно.

* *
*

Какъ! цѣпью золотой обременяя грудь,
Вкушая лозный сотъ Кархезіянской чашей,
За почести, за блескъ тщеславія даровъ,
Завидныхъ для очей рабовъ,
Я игры славныя святой Эллады нашей,
Ликею и Ѳеатръ и Лимію продамь?
Нѣтъ! Враміемъ клянусь: что плющъ его зеленой,
Я предпочту хламидѣ озлащенной
И Птоломеевымъ вѣнцамъ;
Что имъ увѣнчанный въ Ликейскомъ пированьѣ,

Въ присутствіи Гликеріи моей,
Не захочу богатствъ и власти всѣхъ Царей.

* * *

Въ Египтѣ ль я найду: достойное собранье,
Гробницы праотцевъ, кругъ мудрецовъ, друзей,
Отечество, наукъ цвѣтущую свободу,
И мирными увѣнчанныхъ судей,
Рѣшающихъ, въ хвалу Аѳинскому народу,
Раздоры всѣхъ Эллады странъ?
Увижу ль тамъ: моихъ безсмертныхъ сограждан,
Всю Грецію, вмѣщенную въ Аѳины,
Богами полный Панѳеонъ? —
Что мнѣ напомнитъ тамъ: Героевъ Саламины,
Писталію, Платею, Марафонъ?
И для Египта ль ихъ оставлю?
И для Египта ли я разлучусь съ тобой?
Нѣтъ, нѣтъ, Гликерія; повѣрь мнѣ, не заспавлю

Томиться грудь твою тоской.

* * *

Къ чему послужитъ мнѣ богатство Пто-
ломея?
И съ нимъ не буду ли я бѣденъ безъ тебя?
Сокровищьми несмѣтными владѣя,
Но радости въ сердцѣ истребя,
Умру . . . и все мое безсчетное стяжанье
Достанется завистникамъ моимъ...
Заранѣе его я уступаю имъ...
Въ Аѳины возвращаюсь снова
И если поцѣлуй твой гнѣвъ не умягчитъ,
То, къ оправданію не говоря ни слова,
Паду передъ тобой. . . Проступокъ мой
забытъ, —
И ты сама просить прощенія готова!

* * *

Такъ, я тебѣ одной принадлежу.
Прощайте почести, сокровища и сила,
Не вами я. . . . любовью дорожу!

* * *

Я знаю, красота и величавость Нила
Чудесны; но ужь ли жь подъ солнцемъ Нилъ
одинъ,
Исполненный чудовищъ и пучинъ,
Достоинъ видимъ быть? Вселенная богата
И величавостью и красотою рѣкъ.
Обиліе шумящихъ водъ Евфрата,
Обширность Гангеса и Тибра бурный бѣгъ,
Чѣмъ хуже Нильскаго разлива?...
Но, стану ль трапить я на ихъ волнахъ
Ту жизнь, которая въ Кипридиныхъ са-
дахъ
Одной Гликерісй счастлива?

* * *

Да возмогу, великій Промеѳей!
Увѣнчанный зеленымъ Вакха плющемъ,
Близь отческихъ гробовъ, на родинѣ моей,
Въ отечествѣ, Науками цвѣтущемъ,
Годичные дары въ храмъ Евзія носить,
Причастникомъ его священныхъ таинствъ
быть.
А болѣе, молю, чтобъ новое твореньс,
Трудовъ моихъ веселый плодъ,

Въ Θеатрѣ Вакховомъ игралось каждый годъ.
Пускай опять боязнь, надежда и со-
мнѣнье,
Въ часы безпечнаго Аѳинянъ празднества,
Мой сонъ, покой и сердце возмущаютъ,
Иль упоеньемъ торжества
Совсѣмъ ума меня лишаютъ.

* * *

Что медлишь, Филемонъ? обогащай себя;
Плыви въ Египетъ — будь и счастливъ и
спокоенъ —
Гликерія не для тебя:
Такимъ сокровищемъ владѣнь ты недосто-
инъ!

О, моя Гликерія! когда окончатся
Панаѳенеи, мы должны увидѣться.
Садись на твоего мула, пріѣзжай ко
мнѣ. Какъ эти праздники несносны и
длинны. — Прощай.

А. Петр—й.

СПОРЪ.

Пусть держится скупецъ въ дѣлахъ своихъ
расчета;
Но я тебя прошу, послушайся совѣта:
Умѣрь излишній жаръ, любезный Ликофронъ;
Корысти алчной чуждъ холмистый Геликонъ.
Ты ошибаешься, ты думаешь напрасно,
Что расточаютъ тамъ хвалы и брань
пристрастно,
Что Фебомъ избранный и озаренный жрецъ
Гоповъ изъ прибыли затьмитъ чужой вѣнецъ.
Скажи: и Музы здѣсь не уже ль по расчету
Шлютъ вдохновеніе любимцу ихъ — поэту?

Графъ Хвостовъ.

КЪ 30-ти ЛѢТНЕЙ ЭРМИНІИ.

(*Подражаніе Муру.*)

I.

Не говори ты мнѣ, о другъ прекрасный мой!
Что время быстрое сердечныхъ упоеній,
Восторговъ пламенныхъ, любви и наслаж-
деній,
Промчалось дней твоихъ съ весной.

II.

Нѣтъ! не совѣтуй мнѣ, тебя забывши, пить
Съ коральныхъ устъ другой кипящія лоб-
занья,
Которыя, клянусь, вся въ пламени желанья,
Еще ты можешь возвратить.

III.

И если, Ангелъ мой! цвѣтущая весна
Гирляндой Вакховой чело свое вѣнчаетъ:
За то намъ въ осень гроздъ багряный со-
зрѣваетъ,
Источникъ рьянаго вина.

IV.

Хотя твой легкій станъ — который, помнишь ты,
Прекраснъ былъ какъ станъ полувоздушной Феи,
И стройно-величавъ какъ стебль младой лилѣи,
Скруглился въ формы полнопы;

V.

Хотя плѣнительный и ласковый твой взглядъ,
И огнь бросавшія гебеповыя очи,
Какъ быстрый взоръ орла, какъ звѣзды темной ночи,
Теперь ужь менѣе блестятъ: —

VI.

Но мнѣ довольно, вѣрь, когда, мой Ангелъ! вновь
И съ прежней радостью, забывши грусть разлуки,
Ко мнѣ, привѣтная, ты простираешь руки
И шепчешь взоромъ про любовь.

Олинъ.

ЭЛЕГІЯ.

(*Къ друзьямъ.*)

Все тѣжъ мѣста, да я не тотъ,
Отступникъ жизни недовольный!
Теперь меня ужъ не влечётъ
Ни зовъ друзей на шумъ застольный,
Ни зовъ къ восторгамъ милыхъ дѣвъ,
Ни взоръ, исполненный приманокъ,
Ни звукъ бокаловъ, ни напѣвъ,
Ни пляска рѣзвая цыганокъ.
Какъ цѣпь невольнику тяжка,
Такъ для меня — забавы свѣта:
Жестокой осени рука
Меня постигла въ цвѣтѣ лѣта!
Друзья! вашъ взоръ ужъ не найдетъ
Меня на шумной перекличкѣ;
Все тѣ жъ мѣста, да я не тотъ! —
Вашъ другъ живетъ лишь по привычкѣ.

А. Башиловъ.

ОСТОРОЖНЫЙ ШАХЪ.

(*Сказка.*)

Однажды Шахъ Надиръ, правдивый, мудрый
Шахъ,
Травилъ звѣрей въ своихъ лѣсахъ.
Усталый, жаждой утомленный,
Ловитву кончить онъ велѣлъ,
Сошелъ съ коня, въ тѣни подъ кедромъ
сѣлъ,
Толпой придворныхъ окруженный.
А какъ въ близи пѣхъ мѣстъ струившійся
ручей
Изсохъ отъ солнечныхъ лучей,
То всѣ Мурзы, къ груди съ прижатыми ру-
ками,
Заѣхать въ ближній садъ даюпъ совѣтъ
Царю,
Чтобъ жажду утолить плодами.
„Въ чужой?“ (сказалъ Монархъ) „Нѣтъ,
нѣтъ благодарю:

Хозяинъ за плоды не приметъ вѣрно платы;
А если даромъ съѣмъ хотя зерно гранаты,
То Визири мои, клянусь вамъ, цѣлый садъ
Съ деревьями съѣдятъ.“ —

Олитъ.

КАТЕНЬКѢ МОЙЕРЪ.

Какъ очаровываетъ взоры
Востока чистая краса,
Сіяя розами Авроры!
Быть можетъ, эти небеса
Не цѣлый день пропоржествуютъ;
Быть можетъ, мракъ застигнетъ ихъ
И ураганы забушуютъ
До сводовъ, вѣчно-голубыхъ.
Но любитъ тихое мечтанье
Въ цвѣты надежду убирать,

И неба въ утреннемъ сіяньѣ
Прекрасный день предузнаватъ.
Твои младенческіе годы
Полетомъ Ангела летятъ,
Твои мечты — мечты свободы,
Твоя свобода — міръ оправдъ;
Въ твоихъ понятіяхъ нѣтъ рока, —
Несильной жертвы не губя,
Еще завистливаго ока
Не обратилъ онъ на тебя. —
Но будетъ часъ, онъ неизбѣженъ,
Твоимъ очамъ откроетъ онъ
Сей міръ, гдѣ разумъ безпадеженъ,
Гдѣ счастье — сонъ, бѣда — не сонъ!
Пустъ вѣры кроткое сіянье
Тебѣ освѣтитъ жизни путь:
Ея даровъ очарованье
Покоитъ страждущую грудь,
Велитъ безъ ропота сносить
Удары силы непощадной,
Терпѣть, смиряться и любить!

Н. Языковъ.

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНѢЕ.

(Историческій разсказъ.)

Давно, когда-то въ жаркое лѣтнее утро, послѣ обыкновенной прогулки своей по Петербургу, зашелъ я въ книжную лавку В. А. Плавильщикова. Василій Алексѣевичъ мнѣ давній знакомецъ; онъ взросъ на моихъ глазахъ, и, дай Богъ ему здоровье, никогда не оставлялъ стараго своего пріятеля. Я въ этомъ мірѣ сирота: безъ родныхъ, безъ милыхъ сердцу. Согнутый лѣтами, изнуренный болѣзнями, едва двигаюсь съ мѣ-

спа, ноги мнѣ не служатъ, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ вся прогулка моя ограничивается четырьмя углами моей комнаты. Онъ одинъ, по милости своей, навѣщаетъ иногда больнаго старика, и если самъ не побываетъ, то пришлетъ книгъ, кои сокращаютъ печальные часы моего одиночества. Почтенный человѣкъ! меня уже не будетъ на свѣтѣ, когда ты прочтешь сіи строки; я изъ-за гроба благодарю тебя за нѣвою дружбу!—Но возвращаюсь къ своему разсказу. Поздоровавшись съ хозяиномъ, я, чтобъ не мѣшать ему, спросилъ одинъ томъ Собесѣдника Русскаго Слова, и расположился у окна. Въ другомъ окнѣ, небольшой ростомъ молодой человѣкъ, съ блѣдным круглымъ лицемъ, въ гороховой шинели, разбиралъ съ большимъ, какъ казалось, вниманіемъ Дѣянія Петра

Великаго. Вдругъ зазвенѣлъ колоколь-
чикъ, съ щумомъ распѣворилась дверь
и вошелъ скорыми шагами, въ щеголь-
ской венгеркѣ, мущина, съ цвѣтнымъ
шелковымъ платкомъ на шеи, съ про-
сточкой въ рукахъ и съ большою Дат-
скою собакою позади. Судя по боро-
дѣ, которая чуть покрывалась пуш-
комъ, ему едва ли было двадцать пять
лѣтъ. Онъ слегка кивнулъ головою хо-
зяину; бросилъ незначительный взглядъ
на меня, и, обратясь къ юношѣ въ горо-
ховой шинели, вскричалъ: «что такъ,
любезный, обложился книгами? Вѣрно
готовишь какую нибудь историческую
статейку? Что это, Голиковъ? Тьфу,
какая дрянь! Вздумалось же этому чело-
вѣку, съ его варварскимъ слогомъ, напол-
нить придцать томовъ глупостями. Я
уже на своемъ вѣку изжегъ на трубки два
экземпляра сихъ Дѣяній, и если бъ былъ

побогатѣе, что скупилъ бы все изданіе, чтобъ, покрайней мѣрѣ, избавить честныхъ людей отъ охоты трудиться надъ вздоромъ.» Мой юноша, который, по видимому, совсѣмъ иначе думалъ о Голиковѣ, но не смѣлъ обнаружить передъ пришельцемъ своею мнѣнія, былъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Лице его обтянулось; въ замѣшательствѣ онъ измялъ листъ бумаги, на коемъ вѣроятно дѣлалъ выписки; уста его двигались, не произнося ни слова, которое, можетъ быть, вырвалось бы наконецъ, если бъ прохожій не далъ ему время выговорить. Но онъ едва успѣлъ перевести духъ и опять спросилъ: «чего ты здѣсь ищешь?» — «Зашелъ справиться о Ромодановскомъ,» тоненькимъ голосомъ отвѣчалъ юноша. — «О Князѣ Кесарѣ,» возразилъ первый. «Сказать нѣ-

чего, Петръ былъ умный человѣкъ, но любилъ иногда странности. Къ чему это Кесарство? и хотъ бы поставилъ на сіе мѣсто человѣка умнаго, а не Ромодановскаго.» Тутъ я невольно посмотрѣлъ на незнакомца, похожъ на Василья Алексѣевича, который не сводилъ съ меня очей,—и принялся опять читать Собесѣдникъ. — «Но долго толковать о дѣлахъ важныхъ,» продолжалъ говорливый щеголь, посмотрѣвъ на часы: «скоро двѣнадцать; брось это, пойдемъ со мною, я тебя накормлю славнымъ завтракомъ.» Слово завтракъ, подѣйствовало, какъ магическій прутикъ, на юношу: онъ поспѣшно положилъ бумаги въ боковой карманъ; еще скорѣе взялся за шляпу, и оба, напѣвая Французскую пѣсню, вышли изъ лавки.

Я и хозяинъ нѣсколько минутъ молча

смотрѣли другъ другу въ глаза. Наконецъ, Василій Алексѣевичъ сказалъ мнѣ: «какъ это, Авдей Аникудиновичь, вы не вмѣшались въ разговоръ, чтобъ изобличить этого молодчика?»

—...*Не мечите бисера*.... отвѣчалъ я, закрывая книгу. «Что пользы разувѣрять эдакихъ судей? Но жаль, продолжалъ я, вздохнувши: что есть люди умные, одного мнѣнія съ этимъ молокососомъ; а все отъ того, что не знаютъ Ромодановскаго. Я разскажу тебѣ одинъ случай изъ множества, слышанныхъ мною отъ покойнаго Андрея Константиновича Нартова. Ему можно повѣрить, потому что онъ былъ близкая особа къ Императору Петру I-му; послѣ того суди самъ, каковъ былъ Князь Кссарь.

Василій Алексѣевичъ, съ большимъ вниманіемъ выслушавъ мою повѣсть,

въ короткихъ словахъ разсказанную, замѣтилъ мнѣ, что не худо было бы ознакомить съ нею публику. Слѣдую благому совѣту.

Домъ Князя Ѳедора Юрьевича находился въ Москвѣ, на Маховой, неподалеку отъ Каменнаго моста. На обширномъ дворѣ, огражденномъ съ улицы желѣзною рѣшеткою, расписанною яркими красками, возвышались большія каменныя палаты, простой, старинной архитектуры. Осѣненный вѣнцемъ и мантіею большой щитъ, лѣпной работы, на столбахъ, поддерживавшихъ ворота, съ изображеніемъ родоваго герба Ромодановскихъ: чернаго крылатаго дракона въ золотомъ полѣ, — означалъ, что владѣлецъ дома происходилъ отъ Князей Стародуб-

ских. Изъ сихъ воротъ, надъ коими, по обыкновенію нашихъ предковъ, висѣлъ образъ Тихвинскія Божія Матери, шла выложенная плитами дорожка на правый уголъ дома, къ широкому крыльцу подъ желѣзнымъ навѣсомъ, которое вело прямо во второй этажъ, гдѣ были жилые покои. Въ передней, съ утра до почи наполненной служителями, находилось двое дверей. Одна, вправо, вела въ столовую избу; огромный покой съ четырьмя сводами, кои, опираясь тремя концами объ углы и стѣны, четвертымъ сходились по серединѣ на толстомъ каменномъ столбѣ, уставленномъ сверху до низу разнаго рода золотыми и серебреными чашами, чарами, ковшами, кубками и пр. Стѣны сей комнаты покрыты были медвѣжьими и волчьими шкурами, на коихъ висѣли: оправленныя въ

серебрѣ ружья и пищали; кривыя Турецкія сабли въ богатыхъ металическихъ ножнахъ, покрытыхъ чернью или узорами; охотничьи ножи, рога, Донскія нагайки и кинжалы съ ручками, усѣянными жемчугомъ и дорогими каменьями. На высокихъ окнахъ, съ мелкимъ переплетомъ, прибиты были для поддержанія занавѣсовъ по три свиныхъ клыка, а по сторонамъ, вмѣсто стѣнныхъ подсвѣшниковъ, оленьи рога. Узкій коридоръ велъ изъ столовой въ домовую церковь, гдѣ золото, жемчугъ и каменья, блистая на иконахъ и въ утвари, напоминали о набожности хозяевъ, которая въ то время преимущественно обращалась на украшеніе Святыни.

Другая дверь изъ передней отворялась въ гостиную, которая также была со сводами. Потолокъ и стѣны,

исписанныя альфреско Греческимъ письмомъ, подобно тому, какое видимъ на старинныхъ иконахъ, придавали сей комнатѣ темный видъ. Сюжеты картинъ почерпнуты были изъ Священнаго Писанія: на потолкѣ предспіавлялись наши прародители въ земномъ раю; на стѣнахъ: Авраамъ, приносящій въ жертву сына; сонъ Іаковлевъ, приключенія Іосифа и наконецъ притча о блудномъ сынѣ. Мебель сей комнаты состояла изъ тяжелыхъ канапе и стульевъ съ вызолоченными спинками и ножками, обитыхъ алымъ сукномъ, и разосланнаго на полу большаго Персидскаго ковра. Третья горница составляла родъ кабинета. — Здѣсь бросались въ глаза: большая лежанка, на которой Князь Кесарь обыкновенно отдыхалъ послѣ обѣда; портреты Царей: Алексѣя, Ѳеодора и Іоанна, съ

бармами на плечахъ, съ скипетромъ въ одной и державою въ другой рукѣ; на письменномъ столѣ узенькій жестяной футляръ, въ которомъ хранились необходимыя вещи для письма; самозвонные цилиндрическіе карманные часы въ картонномъ футлярѣ, и нѣсколько столбцевъ бумаги, заключавшихъ въ себѣ вѣроятно какія-нибудь общественныя дѣла. Надъ столомъ, на полкѣ лежали въ черныхъ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками: Библія, писанія Святыхъ Отцевъ, Уложеніе и нѣсколько Разрядныхъ книгъ, уцѣлѣвшихъ отъ всеобщаго ихъ истребленія въ 1681 году. Сверхъ того, въ углу находился большой коробъ, гдѣ лежалъ на соломѣ ручной медвѣдь, исправлявшій иногда у Кесаря должность чашника. За кабинетомъ слѣдовала спальня; описю-

да узенькая каменная лѣстница съ высокими ступеньками, имѣвшая, вмѣсто поручней, веревки, обтянутыя краснымъ сукномъ, вела вверхъ въ терема, назначенные для женскаго пола. Нижнее жилье занято было кладовыми, въ которыхъ хранился за желѣзными запорами домашній скарбъ. По сторонамъ дома, вдоль всего двора, пянулись два длинныхъ флигеля; въ лѣвомъ заключались: конюшня, въ которой никогда не стояло менѣе 120 лошадей, псарня и пивичникъ. Правый флигель былъ назначенъ для жительства дворянъ, кои, по тогдашнему обыкновенію большихъ Баръ, находились въ услуженіи Князя. За домомъ стояли анбары и службы для чернаго народа, а далѣе садъ, гдѣ замѣчательна была черемуха, подъ душистую сѣнь которой Романовскій приходилъ иногда въ жар-

кіе лѣтніе дни искать покоя и прохлады.

Двѣ смоляныя бочки, горѣвшія на дворѣ у Кесаря; освѣщенныя окна; множество саней, собравшихся на улицѣ противъ его дома, и нѣсколько верховыхъ лошадей, привязанныхъ къ мѣдным кольцамъ у воротъ и у забора,— означали, что у Князя праздникъ. Ромодановскій пировалъ свадьбу крестника своего Горностаева съ дѣвицею Настасьею Полубояровой. Старики наши, справедливо мысля, что принимая младенца отъ Святой купели, они берутъ на себя отвѣтственность передъ Богомъ въ будущемъ его поведеніи, весьма строго исполняли обязанности, сопряженныя съ званіемъ воспріемниковъ. Крестникъ до совершеннолѣтія находился подъ нѣкоторымъ надзоромъ своего отца по духу, могъ обра-

щаться къ нему въ своихъ нуждахъ и никогда не уходилъ безъ помощи, или покрайней мѣрѣ, безъ благаго совѣта. Ромодановскій, бывши еще Окольничимъ, возвращался изъ Троицкой Лавры отъ мощей Св. Чудотворца Сергія въ Москву, и застигнутый бурею неподалеку отъ с. Граповщины, принужденъ былъ остановиться въ усадьбѣ Боярскаго отрока, Дементія Павловича Горностаева, въ то самое время, когда Господь послалъ сему послѣднему сына. Мальчика тутъ же окрестили, и Князь принялъ на себя заботу объ его дальнѣйшемъ воспитаніи. Когда Сергѣю минуло десять лѣтъ, онъ отдалъ его въ ученье къ Архимандриту Андроньева монастыря; а послѣ взялъ къ себѣ въ дворъ. Сергѣй носилъ званіе спальника и исправлялъ должность домашняго се-

кретаря. Однажды, находясь у обѣдни въ Соборѣ Спаса на Бору (*), онъ слышитъ, молодые парни шепчутъ позади: «вотъ пригожая дочь Полубоярова.» — Сергѣй обратилъ взоръ, посмотрѣлъ разъ, посмотрѣлъ въ другой — и забылъ про молитву. Въ спарину, не смотря на заключеніе, въ которомъ содержали женщинъ, рѣдкій мущина не находилъ способовъ переговорить съ любимою дѣвушкою. Былo обыкновеніе, что дѣвицы о всякомъ праздникѣ выходили изъ домовъ въ сопровожденіи нянюшекъ, мамушекъ или пожилыхъ родственницъ, гуляли загородомъ, плясали въ хороводахъ, пѣли пѣсни. Въ высшемъ классѣ общества, мущинамъ невольно было мѣшаться въ ихъ забавы: но любовь, говорятъ, хитра на выдумки

(*) Соборъ въ Кремлѣ.

Сергѣй былъ малый смѣтливый; замѣтивъ домъ, въ который Полубоярова воротилась изъ церкви, онъ на другой же день купилъ бисерное ожерелье, синій шелковый платокъ въ золотыхъ цвѣтахъ, и пришелъ поклониться ими Марьѣ Патрикѣевнѣ. Услужливая няня, благодаря за вѣжливость, успѣла сказать ему, что Настасья Дмитріевна замѣтила у обѣдни стройнаго юношу, въ зеленомъ чекменѣ съ серебряными кистями; намекнула, что въ будущій четвергъ барышня пойдетъ гулять на Прѣсню, и прибавила добродушно, что онѣ рады будутъ встрѣтить ея съ ихъ милостью. Любовники свидѣлись; но сіе свиданіе не-радостно было для Сергѣя: старикъ Полубояровъ прочилъ дочь за другаго. Юноша повѣсилъ голову, и, не умѣя пособить горю, рѣшился въ

тотъ же вечеръ, раздѣвая Князя Кесаря, повѣрить ему свою печаль. — «У тебя все дурь въ головѣ,« сурово отвѣчалъ Князь: «но не кручинься,» прибавилъ, замѣтивъ печальное лице крестника. «Мы завтра пошлемъ къ Полубоярову Терентьевну; авось она поправитъ дѣло и уговоритъ его перемѣнить свое намѣреніе.« Имя сей свахи славилось тогда по Москвѣ; говорили, что она никогда даромъ не обивала пороговъ. Терентьевна, опытная въ своемъ дѣлѣ, пораспросила сперва у знакомыхъ объ отцѣ Настасьи; потомъ, явившись къ нему, намекнула, что, служа въ Соляномъ Приказѣ, онъ можетъ найти себѣ въ Князѣ Ѳедорѣ Юрьевичѣ знатнаго покровителя; называла предлагаемаго жениха яснымъ соколомъ, невѣсту — дорогой жемчужиной; прибавила, что Сергѣй

у Князя какъ родной, и наконецъ довела до того, что старикъ роспилъ съ нею стаканъ меду, — подалъ ей руку и произнесъ: »Дай Богъ въ добрый часъ!»

Въ упомянутый нами день, Князь Кесарь праздновалъ, какъ сказано выше, свадьбу Сергѣя съ Настасьей. Гости садились за пиръ. Въ тогдашнее время хорошій обѣдъ зависѣлъ не столько отъ качества, сколько отъ количества подаваемыхъ яствъ и напитковъ. Кривой столъ, покрытый браною скатертью, уставленъ былъ блюдами. Кулебяка съ визигою и яицами; соленый журавль; полотки изъ поросенка, индѣйки и гуся; ветчина и буженина съ чеснокомъ, — бросались первые въ глаза. — Далѣе, издавали душистый паръ горячія похлебки: съ бараниной, съ курицей въ Сороцын-

скомъ пшенѣ, съ потрохами, и подернутая какъ бы золотомъ уха изъ сперляди, изъ налимовъ, изъ ершей. На другомъ концѣ стола разварный осетръ, Донская форель и потомъ жареные: часть сочной говядины, ягненокъ съ чеснокомъ и разная дичь, — манили вкусъ и зрѣніе пирующихъ. Посреди стола возвышалась башня изъ сахарнаго тѣста; подлѣ расположены были блинцы, молошная каша съ корицею, маковки, аладьи. Наконецъ, нѣсколько карзинъ съ миндалемъ, изюмомъ и винными ягодами и разнаго рода медовое варенье на блюдочкахъ, — служили вмѣсто дессерта. — Подлѣ каждаго прибора стояло по бутылкѣ заморскаго вина и по три серебряныхъ вызолоченныхъ кружки, съ марцовскимъ пивомъ, медомъ и наливкою: онѣ никогда не осушались, ибо

споявшіе позади слуги должны были всякій разъ, завидя дно, дополнять ихъ изъ бочекъ, которыя для таковыхъ случаевъ заранѣе выкатывались изъ погреба, и ставились по угламъ столовой.

На первомъ мѣстѣ находились молодые: въ то время указъ о перемѣнѣ Русской одежды на Нѣмецкую, былъ уже изданъ, но еще не вездѣ приведенъ въ исполненіе. Сергѣй сидѣлъ въ свѣтлозеленомъ, Лундскаго сукна, чекменѣ съ серебряными застежками, испускавшимися по груди кистями; въ алыхъ, шелковыхъ Персидской матеріи шароварахъ и въ зеленыхъ сафьяныхъ сапожкахъ съ золоченными каблуками. Рядомъ съ нимъ Наспасья, которой каштановые волосы, собранные подъ малиновый бархатный кокошникъ, не должны уже

были плѣнять посторонних взоровъ. Жемчужныя кружева на груди, подаренныя ей женихомъ, соединялись съ обтянутымъ около стройнаго стана голубымъ бархатнымъ сарафаномъ, который обшитъ былъ широкими парчевыми тесьмами. Бѣлоснѣжная ея рука покоилась въ Сергѣевой, лица ихъ блистали радостію; но его взоры изъявляли нетерпѣливость ожиданія; въ ея очахъ, которыя отъ предчувствія нѣги, подернулись легкою влагою, примѣтна была дѣвическая робость. Подлѣ новобрачной сидѣла посаженая ея мать, Княгиня Ромодановская, урожденная Салтыкова. Величественный ростъ, стройный станъ, гордая осанка и взоръ, исполненный огня и рѣшимости, — означали въ ней съ перваго взгляда супругу Царскаго Намѣстника въ Рос-

сіи. Ея волосы, зачесанные по тогдашней модѣ вверхъ, переплетены были жемчугомъ и кораллами. Она имѣла на себѣ корсетъ и робу изъ бѣлой, штофной матеріи, шитой золотомъ, съ кружевною бахрамою въ два ряда у грудной вырѣзки, на стану и на короткихъ рукавахъ. За стуломъ Княгини стояли: кормилица въ оранжевомъ платьѣ, съ длиннымъ ея вѣеромъ, и карла, который поддерживалъ ея шлейфъ, въ пунцовомъ Французскомъ кафтанѣ, съ золоченными пуговицами, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Рядомъ съ Княгинею находилась ея сестра, Царица Прасковья, въ собольей женской шапкѣ съ крупнымъ алмазомъ на челѣ и въ синей бархатной шубѣ, отороченной лебяжьимъ пухомъ. Съ другой стороны, подлѣ новобрачнаго, си-

дѣлъ Князь Ѳедоръ Юрьевичъ, носившій въ тотъ день опашень (*) зеленаго бархату, подбитый горностаемъ, съ Андреевскою звѣздою на левомъ боку, а подъ опашнемъ кафтанъ алый штофной матеріи, плотно доходившій до шеи. Богатый литый поясъ и золотая цѣпь съ крестомъ, въ нѣсколько разъ обходившая кругомъ шеи и полученная имъ еще отъ Царя Алексѣя,—довершали его нарядъ. Позади Кесаря стоялъ также карла и шутъ, одѣтый въ платьѣ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, который, веселя собраніе своими остротами, часто приводилъ въ краску молодыхъ. Означенные нами пять особъ, имѣли кресла; прочіе гости сидѣли на лавкахъ, обитыхъ алымъ сукномъ. За

(*) Родъ епанчи, похожей на старинный казачій зипунъ.

столбомъ, стоявшимъ посреди комнаты, находились два Нѣмецкихъ музыканта, которые должны были играть на трубахъ при всякомъ здоровьѣ, и пѣвчіе, кои громкимъ хоромъ славили новобрачныхъ.

Обѣдъ, или лучше сказать ужинъ, давно начался. Уже заздравная чаша нѣсколько разъ обошла пирующихъ; нѣсколько разъ уже испивая кружки меду, они прокричали *горько*, и пламенный Сергѣй, напечатлѣвъ поцѣлуй на коралловыхъ устахъ подруги, громко отвѣчалъ *сладко*. Изчесла принужденность, которая въ началѣ нѣсколько связывала собесѣдниковъ; забыли о чинахъ и отличіяхъ: все дышало братствомъ и взаимною любовію. Зарумянились лица, посинѣли носы. Собраніе сдѣлалось шумнѣе; послышались чоканья стакановъ, желанія,

обѣты дружбы. Самъ Кесарь, всегда угрюмый, забылъ обыкновенную свою важность, и повторяя сказанное древнимъ мудрецомъ: *вино веселитъ душу*,—словами и примѣромъ поощрялъ всѣхъ къ скорѣйшему осушенію кубковъ. Вдругъ раздался стукъ на лѣстницѣ, дверь съ шумомъ растворилась, и вошелъ Петръ. «*Се грядетъ женихъ* нежданый,» вскрикнулъ Ромодановскій: «*не ходите во срѣтеніе его*;» взялъ стопу съ виномъ, чтобъ поднести Царю, взглянулъ на него и опустилъ руки. Обыкновенный пламень очей Петровыхъ потухъ, и въ блуждающихъ взорахъ являлось необыкновенное безпокойство; видъ Его былъ мраченъ, на лицѣ, блѣдномъ какъ полотно, изображалась рѣзкими чертами борьба мужества и твердости съ нерѣшимо-

стію, близкою къ отчаянію. Тотъ же безпорядокъ господствовалъ въ Его одеждѣ; серпукъ въ сѣнѣ на лисьемъ мѣху, подпоясанный простымъ ремнемъ, на коемъ висѣла сабля; теплая шапка изъ калмыцкихъ емушекъ и оленьи сапоги съ приставшими къ мѣху глыбами мерзлаго снѣга, — показывали, что Государь только-что пріѣхалъ изъ дальней дороги. Это было вскорѣ послѣ Нарвскаго сраженія. Никогда Петръ въ Свое царствованіе не находился въ столь сомнительномъ положеніи. Его войско и артиллерія, плоды тринадцатилѣтнихъ трудовъ, и лучшіе полководцы, призванные имъ изъ чужихъ краевъ,— находились въ Шведскихъ рукахъ. Враги внѣшніе, предводительствуемые Королемъ молодымъ, предпріимчивымъ, готовились вступить въ Его владѣ-

нія. Къ тому надлежало опасаться враговъ другаго рода, тѣмъ опаснѣйшихъ, чпо они были не явные; людей, кои, взирая непріязненнымъ окомъ на вводимыя Петромъ перемѣны и на сопряженныя съ ними пожертвованія, почитая нарушеніемъ святыни всякое отступленіе отъ старины, нетерпѣливо сносили иго новыхъ обычаевъ и только ждали случая, чтобъ безнаказанно возвратиться къ прежней беззаботной жизни. Число ихъ было значительно, ибо немногіе въ тогдашнее время могли постигнуть высокую цѣль и благодѣтельныя намѣренія Петровы. Для отраженія сихъ золъ, не было видимыхъ способовъ: казна истощилась, народъ былъ изнуренъ. Но Петръ не упалъ духомъ; надѣялся еще, не измѣнивъ Своему достоинству, оправа-

пить опасность: однако же ни на что не рѣшался, не посовѣтовавшись съ Княземъ Ромодановскимъ.

«Что съ Тобою, Государь,» вспреженнымъ голосомъ спросилъ Кесарь, приведши Петра въ кабинетъ и посадивъ на черныя кожаныя кресла передъ письменнымъ столомъ: «откуда Ты?»

— «Вчера изъ Новагорода,» быстро проговорилъ Петръ.

«Но что Ты такъ разстроенъ,» продолжалъ Князь. «Я знаю Тебя съ колыбельки, и никогда не видалъ на Тебѣ такого лица, какъ нынѣче.«

—»О чемъ тутъ спрашивать,» возразилъ Царь съ нѣкоторою досадою: «будто не знаешь.» —

«Что Шведъ Тебя разбилъ подъ Нарвою? Великая бѣда! Воля Господня. Грустью не пособишь горю. Да

о чемъ тутъ горевать? Добро бы, пришелъ уже на поклонную гору.» (*)

— «Да! Я думаю, скоро придетъ,» со вздохомъ отвѣчалъ Государь. «Ты спрашиваешь, о чемъ горевать? Безъ арміи....

«Ну что же? наберешь другую.»

— «Безъ пушекъ»....

«Велишь надѣлать новыхъ.»

— «Да откуда взять, изъ чего сдѣлать?» прервалъ съ нетерпѣніемъ Царь. «Я не камень, не дерево. Сердце у меня обливается кровію, какъ помыслю, сколько уже терпитъ этотъ бѣдный народъ. Вѣдь они Мои дѣти; Я за каждую ихъ слезу, за каждый вздохъ долженъ отдать отчетъ Богу. Подумаешь, голова кружится! Казань съ пригородами приписана къ

(*) Гора, въ двухъ верстахъ отъ Москвы.

Воронежу; Вологда и Устюгъ къ Архангельску; не покинутъ же строющихся шамъ флотовъ. Въ Малороссіи свои права; Смоленскъ самъ умираетъ отъ голода; Псковъ и Новгородъ, можетъ быть, уже заняты Шведами. Остались одни Москвичи и уже ли они недовольно несутъ тяготей? Нѣтъ! Я и слышать не хочу о новыхъ налогахъ.» —

Съ симъ словомъ Петръ всталъ; нѣсколько разъ тихо прошелъ взадъ и впередъ по комнатѣ; присѣлъ опять, и съ рѣшительнымъ видомъ обратился къ Кесарю. На лицѣ его изображалось спокойствіе, но спокойствіе, внушаемое отчаяніемъ. Взглянувшій на Царя въ сію минуту, невольно привелъ бы себѣ на память мореходца, застигнутаго бурею въ утломъ челнокѣ, посереди волнующа-

гося моря, который, послѣ долгихъ усилій, видя, что нѣтъ надежды къ спасенію, бросаетъ весла, и, сложивъ руки, ждетъ равнодушно своей погибели.

— «Братъ Карлъ,» тихо сказалъ Государь, «называетъ себя вторымъ Александромъ, но онъ не найдетъ во мнѣ втораго Дарія. Осенняя буря обвѣваетъ съ дуба пожелтѣвшіе листья, ломаетъ пень, но вѣтвистый корень неподвиженъ. Увѣряю тебя, что прежде этотъ корень вырвется изъ земли, нежели Карлъ предпишетъ условія Петру.—Въ опчаянныхъ болѣзняхъ,» продолжалъ онъ, возвыся голосъ, «принимаютъ опчаянныя лѣкарства. Я издаю завтра указъ, чтобъ взять опъ церквей лишніе колокола.« —

»Чтобъ попасть изъ поломя въ огонь,« вскричалъ Ромодановскій. »Хочешь тушить пожаръ у сосѣда, бросивъ горящую головню къ Себѣ въ домъ. И безъ того уже народъ ропщетъ на Тебя за табакъ и за бороды; что̀ скажутъ, если вздумаешь грабить церкви!«

— «Грабить церкви!» прервалъ Петръ голосомъ, который привелъ бы въ трепетъ и самаго безстрашнаго. «Князь Ѳедоръ!» примолвилъ Онъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ, смягчившись: «я, право, едва ли спустилъ бы родному отцу, если бъ онъ меня назвалъ грабителемъ церквей.» —

«За что́ ты гнѣваешься, Государь?» отвѣчалъ Ромодановскій, перебирая между пѣмъ пальцами спускавшіяся изъ-за пояса кисти. «Ты знаешь, я не суевѣръ, и очень понимаю, что Богъ

требуетъ не золота и не каменьевъ, а покорности и любви. Если Царю Давиду и его прислужникамъ не вмѣнилось въ грѣхъ, что они, для утоленія своего голода, вкусили отъ хлѣбовъ предложенія: то и Тебѣ не грѣшно, для защиты своихъ подданныхъ, перелить лишніе колокола въ пушки. Но поди, вполкуй это нашему народу.»

— «А какая въ томъ нужда?» прервалъ Царь. «Если разсудокъ говоритъ мнѣ, что поступки мои клонятся къ пользѣ царства; если вѣра и совѣсть имъ не противятся: то что́ мнѣ до мнѣній народныхъ? Чернь недальновидна; ее надобно какъ на помочахъ водить; трудиться для ея блага противъ собственнаго ея желанія. Послѣдуешь за слѣпцомъ, самъ попадешь въ яму.» —

«Вѣрь мнѣ,« подхватилъ Князь: »легче будетъ этимъ людямъ, которыхъ Ты такъ бережешь, понести вдвое болѣе тягостей противъ нынѣшняго, нежели увидѣть церкви, лишенныя колоколовъ. Эй, послушай меня, старика. Дѣлай все, что Тебѣ угодно; но — не трогай церквей!»

Торжественный голосъ, которымъ Князь произнесъ послѣднія слова своего отвѣта, привелъ Петра въ нѣкоторое смущеніе. На лицѣ Его начали опять показываться признаки нерѣшимости. — Послѣ нѣкотораго молчанія —

— »Что́ же, не присовѣтуешь ли мнѣ просить мира?« спросилъ Онъ, съ презрительною улыбкою.

»Упаси Тебя Боже!« возразилъ Князь. «Честная брань лучше студнаго ми-

ра, говорили наши старики. Мой совѣтъ: не кручиниться и оставить все до завтраго. Сколько Тебѣ надобно?»

— »На первый случай, по крайней мѣрѣ, полмилліона,« отвѣчалъ Петръ.

»Полмилліона! — Легко выговорить, а какъ ихъ добудешь! — Какъ бы то ни было,« продолжалъ Кесарь, приявъ видъ веселѣе: »пословица говоритъ: *утро вечера мудренѣе*. Ты, Государь, переночуй у меня; а теперь пойдемъ въ столовую. Тамъ насъ ждутъ. Положимъ молодыхъ спать. Бѣдный Сергѣй давно ужь, я чаю, какъ на иголькахъ сидитъ.«

Петръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на спокойное лице Кесаря, и, удерживая его, не могъ не спросить, на что́ онъ надѣется; но Ромодановскій, таща Его за рукавъ, повторялъ: *утро вечера мудренѣе*,—и Государь, зная, что

если Кесарь заупрямится, то ничѣмъ его не переломишь, рѣшился терпѣливо за нимъ послѣдовать.

Съ появленіемъ ихъ въ столовой, Настасья, принявъ прощальный поцѣлуй и благословеніе отъ своего отца, находившагося въ числѣ гостей, и отъ Кесаря, ушла, въ сопровожденіи всѣхъ женщинъ, въ спальню. Пирушка возобновилась. Заздравная чаша опять пошла кругомъ стола. Ромодановскій казался еще веселѣе, чѣмъ до Царскаго пріѣзда, и обратилъ все вниманіе на крестника, котораго, по тогдашнему обыкновенію, надлежало отпустить къ молодой не иначе, какъ навеселѣ. Самъ Петръ, увѣренный, что Кесарь не пировалъ бы, если бъ не нашелъ способовъ вывести Его изъ труднаго положенія, началъ принимать участіе въ общей забавѣ, хотя

на лицѣ Его примѣтны были слѣды сильнаго безпокойства. Наконецъ, женщины воротились въ столовую; всѣ встали; Сергѣй долженъ былъ дождаться, пока гости выпили стоя послѣдній кубокъ, съ желаніемъ счастливаго начала брачной жизни, и поклонившись въ ноги крестному отцу и шестю, скрылся, сопровождаемый ихъ благословеніями. Обычай требовалъ, чтобъ собраніе не расходилось до зари, дабы успѣть поздравить и отдарить новобрачныхъ. Такимъ образомъ пирушка продолжалась, кромѣ того, что Государь ушелъ заранѣе, чтобъ на свободѣ предаться размышленіямъ.

Петръ, уставъ отъ дороги, легъ въ кабинетѣ на лежанкѣ, на косой послана Ему была постель, и хотя мучимый неизвѣстностію, скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ. Около трехъ часовъ

ночи, слышитъ кто-то Его будитъ, говоря въ полголоса: »вставай, Государь, и ступай за мною.« — То былъ Князь Кесарь, въ собольей шубѣ, подпоясанной кожанымъ ремнемъ, къ которому привѣшенъ былъ огромный ключь; въ мѣховой шапкѣ, и держа въ одной рукѣ фонарь, а въ другой два желѣзныхъ лома. Затворивъ кабинетъ отъ гостиной, Князь, приставивъ палецъ ко рту, подалъ знакъ Государю, чтобъ Онъ за нимъ слѣдовалъ; пошелъ въ спальню; отперъ тихонько дверь, выходившую на внутреннюю лѣстницу, которая прямо вела со двора въ дѣвичій теремъ, и спустился по ней на заднее крыльцо, гдѣ приготовлены были сани, заложенныя въ одну лошадь. Тутъ Кесарь взялъ изъ рукъ довѣреннаго гайдука своего вожжи, и, приказавъ ему ѣхать съ фо-

наремъ впереди, посадилъ съ собою Царя — и отправился въ Кремль.

Они пріѣхали къ Тайницкимъ воротамъ. Сіе названіе дано имъ отъ *тайника*, или подземной галлереи, (*) которая отсюда тянулась подъ всѣмъ Кремлемъ и построена была еще при Царяхъ, вѣроятно для того, чтобъ въ случаѣ непріятельской осады, или опасности другаго рода, можно было симъ потаеннымъ ходомъ выдти безъ помѣхи изъ крѣпости и спасти себя, сѣвъ на крытыя суда, обыкновенно находившіяся на Москвѣ рѣкѣ у означенныхъ воротъ. Главная галлерея со сводами, аршина въ два шириною, шла прямо ко дворцу; отъ нея боковыя

(*) *Примѣчаніе.* Тайникъ сей оставался въ цѣлости до 1812 года. Подрывъ Кремля Наполеономъ повредилъ его во многихъ мѣстахъ.

поуже тянулись вправо и влѣво къ соборамъ, къ Чудову монастырю, и пр. Кесарь, отдавъ одинъ ломъ Петру, съ другимъ, взявъ у гайдука изъ рукъ фонарь, вошелъ въ тайникъ, и вскорѣ очутился у потаенной лѣстницы, которая вела въ церковь Св. Великомученицы Екатерины, составлявшей одну изъ внутреннихъ церквей Кремлевскаго дворца и коей слѣды видны до сихъ поръ. Отсюда, миновавъ нѣсколько коридоровъ, они пришли къ замазанной на-глухо желѣзной двери, которую едва могли отпереть вдвоемъ и коей рѣзкій скрыпъ нѣсколько разъ повторился подъ сводами. Она вела ихъ въ низкій подвалъ, слабо освѣщенный сверху небольшимъ круглымъ окномъ, огражденнымъ снаружи желѣзною рѣшеткою. Тутъ находилось всей

мебели четыре большихъ кованыхъ сундука и въ углу нѣсколько ломапой посуды. Поставивъ фонарь на полъ и указавъ Петру рукою одинъ изъ сундуковъ, Князь Ѳедоръ Юрьевичъ сѣлъ на другой и сказалъ Государю, съ торжественнымъ видомъ:

»Отецъ Твой не такъ былъ боекъ, какъ Ты; но держался стариннаго правила: *береги копейку на черный день*. Онъ не срамилъ меня передъ людьми за чекмень, не смѣялся мнѣ за то, что стригу волосы въ кружекъ и ѣжжу пройкою; но, помяни Господь Его душу, жаловалъ иногда меня, вѣрнаго слугу. Передъ кончиною, Онъ сказалъ мнѣ объ этихъ четырехъ сундукахъ, говоря: »отдашь дѣтямъ; но въ такомъ только случаѣ, коли имъ крайне понадобится.» Съ того времени, и вотъ скоро двадцать

пять лѣтъ, моя нога здѣсь не бывала, и никто въ мірѣ, кромѣ меня, не знаетъ не только объ нихъ, но даже о подвалѣ. — Вотъ тотъ,« продолжалъ онъ, указывая на одинъ изъ сундуковъ поменьше, »который Тебѣ надобенъ; тутъ найдешь сколько, сколько запросилъ у меня; но о прочемъ и не заикайся: Ты знаешь, что меня нелегко упросить.» — Съ симъ словомъ Кесарь всталъ, и, держась за скобку указаннаго имъ сундука, примолвилъ: »возьми за другой конецъ, вынесемъ его отсюда, чтобъ насъ здѣсь не видали.»

Можно судить, съ какими чувствами Петръ выслушалъ его рѣчь. Бросившись на шею къ Кесарю и прижимая къ сердцу: »спасибо тебѣ, дядя Ѳедоръ!» вскричалъ Онъ съ чувствомъ. »Благодарю тебя за вѣрность. Ты былъ честный слуга отцу—и другъ нелицемѣрный сыну.»

»Благодари своего отца,« прервалъ Князь, »за то, что Онъ и по смерти хотѣлъ быть вашимъ покровителемъ. А меня за что? за то ли, что не укралъ?«

Слезы, брызнувшія изъ очей Петра, и сильное пожатіе руки, послужили отвѣтомъ благородному старцу. — Спустя нѣсколько времени, оба, держась за руку, вошли въ княжескую столовую и приняли участіе въ шумной бесѣдѣ. Государь, восхищенный не столько тѣмъ, что получилъ безъ затрудненія способы къ опвращенію висѣвшей надъ Нимъ грозы, но тѣмъ, что увидѣлъ новый опытъ вѣрности и безкорыстія въ слугѣ, котораго почтилъ Своею довѣренностію, — былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Вскорѣ Ромодановскій, улыбаясь, предложилъ тостъ: *утро вечера мудренѣе!*

дренѣе, и Петръ, бросивъ на него признательный взоръ, отвѣчалъ ему другимъ тостомъ: *береги копейку на черный день!* —

ПРИБАВЛЕНІЕ

для

Господъ Критиковъ.

По примѣру покойнаго Мольера, который, до представленія писанныхъ имъ комедій, всякій разъ читалъ ихъ своей служанкѣ, и по ея физіономіи судилъ объ ихъ успѣхѣ на сценѣ, — я имѣю привычку сообщать свои повѣсти почтенной моей хозяйкѣ, и по ея лицу заключаю о мнѣніи, которымъ удостоитъ ихъ Публика при выходѣ изъ печати. Сегодня, когда дѣвчонка наша, Кулюшка, пришла мнѣ сказать, что время пить чай, я по-

ложилъ въ боковой карманъ рукопись предложенной выше повѣсти, и съ торжественнымъ видомъ побрелъ въ гостиную. Проницательная Маланья Сидоровна, прочитавъ на лицѣ мою мысль, поспѣшно нацѣдила кипяшку въ чайникъ, и, поставивъ его на канфорку шипѣвшаго самовара, попросила меня, улыбаясь, ознакомить ее съ новымъ произведеніемъ милаго моего пера. Я, по обыкновенію, склонилъ голову, чтобъ скрыть свое удовольствіе отъ столь лестнаго предложенія; болтнулъ въ извиненіе нѣсколько невиятныхъ словъ; кашлянулъ разъ, другой; и наконецъ принялся за чтеніе, заранѣе восхищаясь одобреніемъ, которое меня ожидало. Кончивъ, я нѣсколько секундъ не сводилъ очей съ тетради, чтобъ въ самомъ началѣ не прерывать дѣлаемыхъ мнѣ

похвалъ; но, не слыша ничего, поднялъ голову, и — судите о моемъ изумленіи — увидѣлъ, что лице моей слушательницы словно подернулось мглою и даже изъявляло нѣкоторую досаду.—«Вамъ не нравится моя повѣсть?» спросилъ я съ робостью.

— »Нѣтъ, батюшка«, отвѣчала она довольно сухо:« она не дурна; только я не знаю, объ чемъ вы писали?« —

»Какъ! развѣ вы не слыхали того, что́ я вамъ читалъ?«

— »Я по тому-то спрашиваю, что слышала. Позвольте спросить, какая у васъ была цѣль: описать пиръ на свадьбѣ Сергѣя, или поступокъ Кесаря съ Государемъ Петромъ Первымъ?« —

»Разумѣется, послѣднее. Свадьба Сергѣя — вещь постороняя, эпизодъ.

— »Я не понимаю, батюшка, что значитъ вашъ эпизодъ. Мое простое разсужденіе вотъ какое,« продолжала она, подлявъ обмоченный до половины въ чаю сухарь и держа его передъ моими глазами. »Если бъ мнѣ вздумалось разсказать вамъ, какимъ образомъ испечены эти сухари, и я, проголковавъ часъ цѣлый о лабазникѣ, у котораго покупала сего дня муку, промолвила объ нихъ въ концѣ нѣсколько словъ, будто нечаянно: вы вѣрно сказали бы, что я описала вамъ лавочника, а не пригоповленіе сухарей.«—

Я почувствовалъ справедливость замѣчанія моей хозяйки, закусилъ губы и, нѣсколько помолчавъ, вскричалъ жалобнымъ голосомъ: »Ипакъ, прикажете выкинуть все касающееся до Сергѣя?«

—»На что? какъ можно!« отвѣчала она.

»Не уже ли уничтожить разговоръ Петра съ Кесаремъ?« спросилъ я, едва переводя духъ отъ страху, чтобъ приговоръ не палъ на сію часть моей повѣсти.

— »Сохрани васъ Господи!« вскричала Маланья Сидоровна. »А вотъ что сдѣлайте, любезный Авдей Анкудиновичъ,« — примолвила она съ веселымъ видомъ, и какъ бы стараясь дружеской улыбкой задобрить меня къ исполненію ея совѣта. »Не лѣнясь, примитесь за дѣло и раздѣлите эту Повѣсть на двѣ: одну посвятите для Сергѣя, опишите его крестины, ученье и прочее, но обстоятельно, не такъ какъ здѣсь, точно будто скачете на курьерскихъ. Особенно не забудьте подробностей о нянѣ Пат-

ракѣевичѣ, о свиданіяхъ Сергѣя съ Настасьей, а болѣе всего о переговорахъ свахи Терентьевны, потому что на нихъ основывается благополучіе главныхъ лицъ. Въ другой же повѣсти помѣстимъ все, что касается до Петра.

Я, подобно юношѣ Израильскому, который *прискорбенъ бывъ и отыде*, узнавъ, что для полученія Царствія Небеснаго надлежитъ разстаться съ богатствомъ, — положилъ рукопись въ карманъ, привсталъ со стула, поклонился Маланьѣ Сидоровичѣ, и, повѣсивъ голову, печально побрелъ въ свою горенку.

Старожилъ.

1820 года.

НА СМЕРТЬ БАЙРОНА.

О чемъ средь ужасовъ войны
Тоска и трауръ погребальный?
Куда бѣгутъ на зовъ печальный
Священной Греціи сыны?
Давно отъ слезъ и крови взмокла
Еллада въ дни святой борьбы....
Какою жь вновь бѣдой судьбы
Грозитъ отчизнѣ Ѳемистокла?

*

Чему на шапкомъ тронѣ радъ
Султанъ роскошнаго Востока?
За что благодаритъ Пророка
Спѣшатъ въ Стамбулѣ старъ и младъ?
Зрю: въ Миссолонгѣ гробъ средь храма
Предъ алтаремъ Святымъ стоитъ,
Весь катафалкъ огнемъ блеститъ,
Въ прозрачномъ дымѣ ѳиміама.

*

Рыдая, вкругъ его кипитъ
Толпа шумящаго народа:

Какъ будто въ гробѣ томъ свобода
Воскресшей Греціи лежитъ;
Какъ будто цѣпи вѣковыя
Влачить опять она должна,
И вновь ярмомъ опягчена
Возникнувшей Эллады выя....

*

Царица гордая морей!
Гордись — не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своихъ дѣтей!
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой сынъ, твой другъ и твой поэтъ,
Увянулъ Байронъ въ цвѣтѣ лѣтъ —
Въ святой борьбѣ за вольность Грека.

*

Изъ океана своего
Текутъ лѣта съ чудесной силой:
Нѣтъ ничего уже, что было,
Что есть — не будетъ ничего.
Грядой возлягутъ на твердыни
Почить усталые вѣка,

Ихъ безпощадная рука
Преобратитъ поля въ пустыни.

*

Изчезнутъ Порты въ тьмѣ временъ,
Падутъ и запустѣютъ грады,
Погибнутъ страшныя Армады,
Возникнетъ новый Карѳагенъ . . . .
Но сердца подвигъ благородной
Не истребится никогда!
Къ могилѣ Байрона всегда
Звѣздой онъ будетъ путеводной.

*

Британецъ дряхлый позднихъ лѣтъ
Придетъ, могильный холмъ укажетъ,
И гордымъ внукамъ гордо скажетъ:
»Здѣсь спитъ возвышенный поэтъ!
Онъ жилъ для Англіи и міра;
Былъ къ удивленью вѣка онъ —
Умомъ Сократъ, душой Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.

*

Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ,
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ;

Онъ Генію лишь былъ послушенъ,
И дара Музъ не унижалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца;
Но пылкая душа Пѣвца
Людей не вовсе разлюбила.

*

Когда онъ кончилъ юный вѣкъ
Въ странѣ, отъ родины далекой,
Убитый грустію жестокой
Объ немъ сказалъ Европѣ Грекъ:
„Друзья терзаемой Еллады —
Вездѣ въ слезахъ, въ укоръ судьбы;
Лишь Магометовы рабы
Его внезапной смерти рады.“ —

1825 года.

СОМНѢНІЕ.

Когда зовутъ меня поэтомъ
Уста равестницы Харитъ
И соблазнительнымъ привѣтомъ
Она мечты мои живитъ;
Когда душѣ моей опасенъ
Любви могущественный жаръ:
Я молчаливъ, я не согласенъ,
Я берегу небесный даръ; —
Избранникъ бога пѣснопѣнья,
Надменно чувствуя, кто я —
Означу ль свѣтомъ вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навыкъ бытія?
Сей міръ поэзіи обычной
Онъ пѣсенъ славѣ: міръ иной
Свободный, свѣтлый, безграничный,
Какъ рай лежитъ передо мной!

Н. Языковъ.

КАИНЪ.

Надъ бездною водной, на мрачной скалѣ,
Кинжаломъ упрека измученъ,
Глаза приковавши къ безмолвной землѣ
И съ жертвой своей неразлученъ, —
Клейменый убійца у брега сидитъ
И Авеля имя въ испахъ шевелитъ.

*

И взоры не смѣютъ на небо взглянуть:
Тамъ звѣзды, красуясь, блистаютъ, —
Не ими ль означенъ убитаго путь
Туда, гдѣ злодѣевъ караютъ?
Не очи ли брата пылаютъ въ звѣздахъ?
Не кровь ли святая горитъ въ небесахъ?

*

Все тихо въ природѣ: какъ въ царствѣ
птицей,
Такъ мрачно въ груди у убійцы;
Лишь изрѣдка искра изъ темныхъ очей

Мелькнетъ — и освѣтитъ рѣсницы.
Такъ молнія блещетъ предъ гласомъ громовъ,
Края зажигая сѣдыхъ облаковъ.

*

Вдругъ туча воздвиглась и вихръ застопалъ:
Гласъ Бога въ громахъ прокатился,
И вздрогнулъ убійца и запрепеталъ,
И громъ въ небесахъ повторился,
И вдругъ неисчетные громы гремятъ
И лѣсъ повторяетъ и волны: гдѣ братъ?

*

И въ сердцѣ раздался убійственный гулъ,
Какъ въ кладязѣ брошенный камень;
Перуна ужасный во взорахъ сверкнулъ
Пожара душевнаго пламень,
И вмѣстѣ съ громами онъ брата зоветъ
И самъ же убійца убійцу клянетъ.

С. Шевыревъ.

1825.

Москва.

К Ъ ***

Зачѣмъ на краткое мгновенье
Въ сей жизни насъ судьба свела,
Когда иное назначенье
Намъ розный путь она дала?

Твой робкій взглядъ, живыя рѣчи
Все, все я, милый другъ, понялъ,
Я запылалъ опитъ первой встрѣчи
И тайну сердца разгадалъ.

Въ другой странѣ — вдали я буду:
Меня легко забудешь ты!
Но я, я сохраню повсюду
Твои небесныя черты.

Такъ грубый мраморъ сохраняетъ
Черты волшебнаго рѣзца,
И вдохновенная сіяетъ
Въ немъ мысль художника — Творца.

Озноби́шинъ.

ДВѢ РОЗЫ.

Прими моихъ двѣ юныхъ розы;
На ихъ листкахъ еще дрожатъ Авроры
слезы.
Въ знакъ тайныхъ сердца чувствъ любовь
ихъ сорвала:
Эрминія! одна изъ нихъ бѣла,
Какъ перлъ, какъ яркій снѣгъ; другая,
Какъ утра майскаго денница молодая,
Огнистымъ багрецомъ и пурпуромъ бле-
ститъ:
Пусть первая тебѣ изобразитъ
Могильный цвѣтъ моихъ ланитъ;
Другая — тотъ жестокій пламень,
Который день и ночь течетъ въ моей крови,
Который воспалитъ способенъ самый ка-
мень —
А обѣ — о моей отчаянной любви
Пускай тебѣ, о дѣва! напомянутъ;

И если на груди онѣ
Твоей, Эрминія! увянутъ, —
Прелестный жребій ихъ завидѣнъ будетъ
мнѣ.

N. N.

ВСЕ НЕ ВЪ ПРОКЪ.

Иной Фортуной избалованъ,
Иного гонитъ тяжкій рокъ!
И цѣлый свѣтъ на томъ основанъ,
Что нуженъ всѣмъ судьбы урокъ:
А безъ него намъ всё не въ прокъ.

*

Плутовъ въ Палатѣ засѣдаетъ
И мыслитъ: вотъ скоплю домокъ!
Но, Предсѣдатель брань мѣшаетъ,
Жена монастъ, сынъ игрокъ —
И такъ Плутову всё не въ прокъ!

*

Климена дѣлаетъ всѣмъ глазки
И прочитъ всѣмъ любви цвѣтокъ.

Какъ томенъ взоръ, какъ нѣжны ласки,
Какъ на груди скользитъ платокъ! —
Но въ сорокъ лѣтъ ей всё не въ прокъ!

*

„Влюбленъ я, матушка, въ Надину,“
Твердитъ Скупягиной сынокъ.
— „Она бѣдна“ отвѣтъ былъ сыну.
„Но развѣ бѣдность есть порокъ?“
— „Всё такъ, да въ бѣдности не прокъ!“

*

Писатель Климъ, поэтъ упорный,
Не внемлетъ критики свистокъ;
Тиранъ науки стихотворной,
Изъ лиры сдѣлавъ намъ гудокъ,
Гудитъ, гудитъ, но всё не въ прокъ!

*

Я знаю, въ этомъ нѣтъ сомнѣнья,
Что заслужу себѣ упрёкъ,
За то, что бредъ воображенья
Переложилъ на сей листокъ:
Дай Богъ, чтобъ это было въ прокъ!

А. Башиловъ.

Къ Княгинѣ Зенеидѣ Александровнѣ Волконской (*).

Мнѣ говорятъ: „она поётъ —
„И радость тихо въ душу льётся,
„Раздумье томное найдётъ,
„Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьётся.
„И то, что мило на земли, —
„Когда поётъ она — милѣе
„И пламенней огонь любви,
„И всё прекрасное — святѣе!“
А я, я слезъ не проливалъ,
Волшебнымъ голосомъ плѣненной;
Я только помню, что видалъ
Пѣвицы образъ несравненной.

(*) Сія піэса была уже напечатана; но почтенный Авторъ, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя перемѣны, изъявилъ желаніе помѣстить оную въ нашемъ Альманахѣ.

О! помню я, какимъ огнёмъ
Сіяли очи голубыя!
Какъ на челѣ ея младомъ
Вилися кудри золотыя!

И помню звукъ ея рѣчей,
Какъ помнятъ чувство дорогое:
Онъ слышится въ душѣ моей;
Въ нёмъ было что-то неземное.

Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучитъ о Пери молодой
Долины свѣтлой Кашемира:

Звѣзда любви надъ ней горитъ,
И — станъ обхваченъ пеленою —
Она эѳирная летитъ,
Чудь озаренная луною;

Изъ лилій съ розами вѣнокъ
Небрежно волосы вѣнчаетъ,
И локоны ея взвѣваетъ
Душистой ночи вѣтерокъ.

Иванъ Козловъ.

ФАНТАЗІЯ.

Волшебная, какъ сладостная лира,
Прелестная, во цвѣтѣ лѣтъ,
Какъ розы майской юный цвѣтъ,
Иль въ утреннихъ зыбяхъ эоира
Изъ звѣздъ яснѣйшая звѣзда, —
Она, прекрасная Эльвира,
Онъ насъ сокрылась навсегда!
Какъ стало все и мрачно и уныло!
Туманъ свинцомъ на сердце палъ!...
Давно ли образъ дѣвы милой
Въ пирахъ веселыхъ насъ плѣнялъ?
Видѣньемъ райскимъ намъ являлся,
И въ чашѣ Вакховой моей
Съ златыми кольцами кудрей
На ясной влагѣ отражался?....

Ахъ! сколько время изпребило
Надеждъ плѣнительныхъ моихъ,
И въ мрачныхъ нѣдрахъ гробовыхъ

Такъ близкихъ сердцу мнѣ сокрыло!...
Когда ужь нѣтъ и дѣвы милой,
Когда она ужь хладный прахъ —
Вѣнокъ застольный мой, развѣйся,
Кристальный кубокъ мой, разбѣйся:
Не быть ужь сердцу на пирахъ,
Хотя *она* и въ небесахъ! —

N. N.

СВИДАНІЕ ВЪ РОЩѢ.

(Изъ Мицкевича.)

„Ты ль это? поздно такъ? — темно въ лѣсу густомъ,
И въ волны облаковъ шаръ мѣсяца скатился;
Я сдѣлалъ кругъ большой, съ тропы привычной сбился.
О мнѣ ли думала?“ — Могу ли объ иномъ! —

*

„Позволь же руку мнѣ, усипа поцѣловапь,
Трепещешь? опъ чего? оппѣпспвуй мнѣ.“
— Не знаю! . . .
Послушай! . . . въ вышинѣ я пппцъ зло-
вѣщихъ спаю
Увидѣла сей часъ . . . . Бѣды не миновапь! . . .

*

Меня пугаепъ все въ безмолвіи ночномѣ.
Мой другъ! виновны мы, коль чувспвуемъ
волненье. —
„Такъ взглянь же на меня; смопри, съ
пакимъ челомъ,
Съ пакими взорами не ходипъ преспупленье!

*

Уже ль виновенъ я, чпо объ руку съ побой
Бесѣдуя въ ночи, какъ съ духомъ безпѣле-
снымъ,
Взираю на тебя, о Ангелъ мой земной,
Какъ будпо спала ты ужь Ангеломъ не-
беснымъ!“

В. Щастный.

*

СЛЕЗЫ.

Я зрѣлъ, какъ изъ твоихъ плѣнительныхъ
очей
Посыпался какъ градъ кипящихъ слезъ ручей;
И симъ слезамъ я былъ причиной сокровенной!
О дѣва милая! о другъ мой несравненной!
Ты плакала! . . . . . увы! какъ выразить,
что я
Почувствовалъ тогда въ груди моей прон-
зенной?
О, каждая слеза твоя,
Какъ капля нефти воспаленной,
По манью тайному какого-то жезла
Мнѣ въ сердце падала и сердце страшно жгла!
Въ волнены чувствъ моихъ, отчаянный,
смятенный,
Хотѣлъ къ твоимъ я броситься но-
гамъ,
Прижать тебя къ груди, къ пылающимъ
устамъ
И вымолить себѣ отрадное прощенье,

Или у ногъ твоихъ, въ страданьяхъ и томленьѣ,
Окончить жизнь — отдать тебѣ послѣдній вздохъ;
Но въ бурѣ чувствъ моихъ я быстро изнемогъ!
Слеза горячая повисла на рѣсницѣ —
И я тебѣ, души моей Царицѣ,
На горькіе твои источники тоски,
Забывшись, отвѣчалъ пожатьемъ лишь руки
И взоромъ, коего до днесь ты не вспрѣчала —
И вся душа моя въ отвѣтѣ семъ блуждала!
Я чуялъ смерти хладъ уже въ моей крови;
Я гасъ ..... но сколь любви исизъяснима сила!
Ты улыбнулася — и жизнь мнѣ возвратила!
И жизнь мнѣ — даръ твоей любви!

N. N.

Послѣднее утро Ринальдовыхъ наслажденій въ Армидиныхъ садахъ.

(Изъ XVI пѣсни Освобожденнаго Іерусалима.)

Въ дыханьи розовыхъ кустовъ,
Подъ нѣжущею пѣнью,
Подъ сладкимъ звукомъ голосовъ,
Зовущихъ къ наслажденью,
Друзья (*) идутъ, и въ ихъ сердцахъ
Спитъ кровь, спитъ нѣги млѣнье.
Глядятъ сквозь вѣтьви — и, въ кустахъ,
Нежданное явленье;
Всмотрѣлися и, что жь въ очахъ?
Армида сладострастно
Лежитъ на дёрновыхъ коврахъ,
И съ ней Ринальдъ прекрасной.

(*) Карлъ и Убальдъ, отправленные за Ринальдомъ.

Съ трепещущихъ ея грудей
Былъ снятъ покровъ ревнивой;
Въ струяхъ разсыпанныхъ кудрей
Игралъ Зефиръ счастливой;
Съ чела, въ роскошный часъ утѣхъ,
Жемчугомъ потъ капился,
Въ очахъ дрожащій пламень нѣгъ,
Какъ лучь въ водѣ, свѣпился;
Кипящій страстію живой,
Ринальдъ приникъ къ прелестной!...
Уста къ устамъ, глава съ главой...
Онъ пилъ восторгъ небесной!

И не сводилъ съ ней жадныхъ глазъ;
И взоръ на ней пипая,
Онъ таялъ, млѣлъ, горѣлъ и гасъ;
Она, его лобзая,
То къ груди бьющейся прижмётъ,
То, сливъ уста съ устами,
И обомлѣетъ и замрётъ;
И вотъ сплелись руками.. ..
И вотъ душа съ душой слилась....
И вотъ вздохнули сладко....

Пришельцы, въ чащѣ притаясь,
Всё видѣли украдкой.

Въ тѣни, близъ шающей четы,
Висѣлъ кристалъ ревнивой,
Ласкатель милый красоты;
Армида торопливо
Встаетъ, беретъ кристалъ съ вѣтвей
И юношѣ вручаетъ.
Ринальдъ еще съ ея очей
Восторги допиваетъ,
И долго съ ней не сводитъ глазъ,
Разнѣженныхъ красою;
Армида, въ зеркало глядясь,
Любуется собою.

Онъ — цѣпью рабства золотой,
Она — гордится властью.
„Ко мнѣ, ко мнѣ,“ сказалъ Герой:
„Твой взоръ, зажженный страстью!
Въ немъ радости, въ немъ мой Эдемъ,
Въ немъ счастья упоенье!
Ко мнѣ твой взоръ!... здѣсь—въ сердце семъ—
Твое изображенье;

Сама любовь во мнѣ спрѣлой
Твой образъ начертала!
Ко мнѣ взоръ пламенной, живой —
Съ невѣрнаго кристала!

И зеркалу ль вмѣстить въ себѣ
Всѣ радости небесны, —
Весь рай, вмѣстившійся въ тебѣ?...
Ко мнѣ твой взоръ прелестный!
И гдѣ бъ отлиться могъ вѣрнѣй
Твой образъ исправленной,
Гдѣ, если не въ груди моей?...
Брось, брось кристалъ сей бренной,
И взоръ ко мнѣ!... Иль — къ небесамъ,
Гдѣ капятся свѣтила,
Ревнивыя къ твоимъ красамъ, —
Мой другъ! ты ихъ затмила."

Армидѣ милъ былъ лести гласъ,
Армида улыбалась,
И, не сводя съ кристала глазъ,
Собою любовалась,
И тихомолкомъ шелкъ кудрей
То въ косу заплетала

На стройной головѣ своей,
То локономъ спускала;
Къ грудямъ у дышущихъ лилей
Прижалась роза ала;
На круглы холмики грудей
Прозрачна дымка пала.

Не такъ плѣнителенъ уборъ
Юнониный, пернатой;
Не такъ приманиваетъ взоръ
Одеждою богатой
Ириса, наклонясь съ небесъ,
Осыпанныхъ росою...
Но поясъ — торжество чудесъ —
Все помрачалъ красою.
Его сама, своей рукой
Армида вышивала,
И чары съ тканью золотой
Могущіе смѣшала.

Восторги, упоенье нѣгъ,
Недолгіе зароки,
Прерывны вздохи, тихій смѣхъ
И слезы и упрёки,

И брань и миръ, и сладость мукъ
И нѣжныя досады,
И частыхъ поцѣлуевъ звукъ
И млѣющіе взгляды:
Все, все слилося вмѣстѣ тамъ —
На поясѣ чудесно;
Онъ не сходилъ и по ночамъ
Изъ-подъ грудей прелестной.

Рачъ.

ЭПИГРАММА.

Его стихи для уха сладки,
Въ твореньяхъ малыхъ и большихъ;
Они, какъ полъ лощеный, гладки:
На мысли не споткнешься въ нихъ.

А. Корсакъ.

А. М. М—ОЙ,

при посылкѣ поэмы:

ДИВЪ и ПЕРИ.

Вашъ слухъ гармоніей изпѣженъ,
Къ текущимъ тонамъ онъ привыкъ;
Но проспъ, незвученъ и небреженъ
Мой безъискуственный языкъ.
Не соберетъ народныхъ дапсей,
Какъ пѣснь поэтовъ, пѣснь моя,
Молва и шумъ рукоплесканій
Минутъ, какъ чуждаго, меня!
Но, если звукъ, душѣ послушный,
Въ моемъ стихѣ найдете Вы. . . .
Что голосъ лесни равнодушной
И лепетъ вѣтренной молвы? —

А. П.

МЕЧЕНОСЕЦЪ АРАНЪ.

Часть 1-я.

Не разъ, не два Ливонія видала,
Какъ, рапуя за вѣру Христіанъ,
Могучая рука твоя, Аранъ!
Изъ вражьихъ рукъ побѣду вырывала;
Не разъ, не два тебя благословлялъ
Привѣтный крикъ воинственнаго схода,
Когда тобой хвалился Воевода
И смѣлаго, какъ сына обнималъ.

Винандъ любилъ и уважалъ Арапа:
Его всегда убійственный ударъ,
Среди мечей неупомимый жаръ,
Усердіе къ законамъ Вашпкапа,
Желѣзное презрѣнье къ суетамъ,
Высокій нравъ, рѣшительность дѣяній, —
Всѣ красоты воспитанника брани
Казалися Магистровымъ очамъ
Посланіемъ небесной благодати

Для слабаго владѣнія Христа, (*)
Гдѣ не смирялъ враждебныхъ предпріятій
Недавній громъ Крестоваго щита.

Но мнилося — любовь и наслажденье,
А не войну и славу на войнѣ
Арановой плѣнительной веснѣ
Назначило удѣломъ Провидѣнье.
Аранъ! твои ланиты и уста,
Румяныя, какъ пурпуры денницы,
Твоихъ очей лазурь и быстрота,
Ихъ милый взоръ, ихъ длинныя рѣсницы,
Твой гибкій станъ и черные власы —
Какъ сладостно и пламенно и живо
Мечталися въ полночные часы
Красавицѣ, надменной и стыдливой!
Въ странѣ, гдѣ ты какъ радость разцвѣталъ,
Гдѣ Везеръ льетъ серебряныя воды,
Въ странѣ, гдѣ сынъ отчизны и свободы
Возвышенный Арминій побѣждалъ.

Какъ яркій лучъ Божественнаго свѣта,
Какъ мощнаго воителя стрѣла,

(*) Ливоніи.

Какъ творческій и смѣлый духъ поэта
И горній летъ побѣднаго орла:
Дни юности легки и быстротечны,
Когда плѣненъ высокимъ и благимъ,
Мечтательный, живой, простосердечный,
Онъ весь дался надеждамъ золотымъ
И новый міръ яснѣетъ передъ нимъ —
Для подвиговъ прекрасныхъ, безконечный! —
Такъ молодость Аранова пекла;
Ужь полонъ чувствъ и бодрыхъ упованій,
Онъ былъ готовъ десницею для брани,
Готовъ душой на славныя дѣла.
Его мечта куда переносила,
Гдѣ Божій свѣтъ крестомъ преображенъ,
Гдѣ Іорданъ, Голгоѳа и Кедронъ,
Гдѣ высоты Ермона и Кармила;
Тамъ юноша, при ратныхъ знаменахъ,
Намѣстникомъ Петра благословенныхъ,
Горѣлъ, алкалъ прославиться въ болхъ
Красою дѣлъ отважныхъ и священныхъ.

Не по ему на подвигъ бытія
Назначило отцовское желанье:

Онъ полетѣлъ въ Ливонскія края
Свершить одно и страшное дѣяніе!

Обманутый любимою мечтой,
Лишенъ отрадъ надежды величавой,
Кляня судьбу и передъ нею правый,
Онъ могъ разить нещадною рукой,
Онъ могъ неспи всю тяготу условій,
Предписанныхъ для рыцарей меча —
И на него надѣна епанча,
Гдѣ крестъ и мечь, какъ вылипы изъ крови,
Являлися на свѣтлой бѣлизнѣ;
Онъ въ нихъ узналъ свое знаменованье,
Сокрылъ свой родъ, отчизну и названье
И сталъ служить Магистру и войнѣ! —
Задумчивый, угрюмый, молчаливый,
Какъ часто, длань простерши на кинжалъ,
Арапъ, души ужасные порывы,
Насильственнымъ упорствомъ побѣждалъ.
„Я совершу безжалостное мщенье!
Передо мной родимелевъ кинжалъ;
Но сѣдины, но доблесть и смиренье?...“
Такъ думалъ онъ и плакалъ и дрожалъ.

На синевѣ безоблачнаго свода
Свѣтило дня прекрасное горитъ,
Труба на сборъ воинствей манитъ;
Надѣлъ броню ихъ старецъ воевода,
Они стеклись — напоенный булатъ
Звучитъ, блеститъ; геройскія воззванья
Веселыя текутъ изъ ряда въ рядъ,
У всѣхъ одинѣ надежды и желанья,
Всѣ бранными восторгами кипятъ! —
Закрывъ лице рѣшеткою забральной,
На руконять поникнувъ головой,
Одинъ Арапъ, безмолвный и печальный,
Не веселѣлъ, не ликовалъ душой. —
Когда Магистръ, готовяся на битву,
Сложивъ шеломъ пернатый и стальной,
Произносилъ сердечную молитву
Спасителю и Дѣвѣ Пресвятой;
Когда поднявъ трепещущія длани
И слезный взоръ къ безсмертнымъ небесамъ,
Онъ призывалъ внимающимъ полкамъ
Великую защиту бога брани;
Когда клялся не холодѣть въ бояхъ,
Блюсти мечемъ Апостоловъ Державу

И возвѣщать въ языческихъ странахъ
Всевышняго присолнечную славу:
Что чувствовалъ иный воинъ молодой,
Вождя побѣдъ глазами озирая,
То яркими, какъ пламень громовой,
То мрачными, какъ туча громовая? —

Простертые на бархатѣ полянъ,
Въ безмолвіи окрестность наблюдая,
Ливонцы ждутъ прихода Христіянъ;
Они безъ лапъ, — мечь, стрѣлы и чеканъ,
Копье и щитъ — ихъ сбруя боевая. —
Блеснула рать знакомая въ дали,
Трескучій зыкъ сзывающаго рога
Ихъ взволновалъ: сполшились, потекли
И началась кровавая тревога! —

Не облака ль сверкаютъ и гремятъ,
Не озеро ль Чудское разшумѣлось?
Не облака сверкаютъ и гремятъ,
Не озеро Чудское разшумѣлось! —
Враги Христа съ Винандовымъ полкомъ
Сшибаются; воинственные крики,

То слабые, то яростны и дики
Разносятся на полѣ босвомъ. —
Ужасный видъ! памъ Рыцаря произастъ
Смертельная Ливонская стрѣла:
Его рука на сгали замираетъ,
Холодный потъ на блѣдности чела,
Воинель спихъ и падаетъ съ седла;
Свободный конь бѣжитъ между толпами,
Ржетъ, прядаетъ, могучими ногами
Разитъ и рветъ кровавыя тѣла. —
„Не убивай меня, великодушный воинъ!
Мнѣ подари остатокъ бытія,
Счастлива мной прекрасная семья,
Я крестъ приму и буду васъ достоинъ!“
Старикъ бойцу, спасаяся, кричитъ.
„Ахъ! удержи исправедное мщенье,
Не убивай меня! смотри: бросаю щитъ, —
Жестокъ же ты! постой еще мгно-
венье, —
На небеса, на землю дай взглянуть!“
Не слушаетъ боецъ освирѣпѣлый,
Летитъ, настигъ и въ старческую грудь
Орудіе злодѣйства заскрыпѣло. —

*

Тамъ общій бой: толпа толпу тѣснитъ,
Пируетъ смерть, кровь брызжетъ, сталь
звенитъ;
Топъ мечь занесъ и не свершивъ удара,
Оцѣпенѣлъ разрубленный мечемъ;
Топъ въ яросши губительнаго жара
Не слышетъ ранъ и рубится съ врагомъ;
Иной копье изъ тѣла вырываетъ
И въ судоргахъ влачится по землѣ;
Топъ навзничь палъ и язва на челѣ;
Топъ жалосшно сшоная издыхаетъ,
Подавленный израненымъ конемъ;
Кто смерть зоветъ, кто битву прокли-
наетъ:
Обширный адъ на полѣ боевомъ! —

Ужъ мѣсяцъ всшалъ блесшящій и ба-
гряный
Надъ зеркаломъ Балшійской глубины;
Ужъ попекли росистые шуманы
По берегамъ лазоревой Двины;
Бурливый лѣсъ, чернѣя, ушихаетъ,
Пѣвецъ зари умолкнулъ соловей

И ночь свои покровы разстилаетъ
И тьма легла на поприщѣ мечей. —
Бой пересталъ, огни въ долинѣ стана,
Воспѣли на рыцарскихъ щитахъ
Несутъ въ шатеръ полмертваго Арана:
Онъ весь въ крови, мерцаніе въ очахъ
И широка запекшаяся рана.

Н. Языковъ.

Дерптъ.
1824 года.

УПРЕКЪ.

Какъ свѣжъ огонь твоихъ ланитъ!
Въ прозрачной чашѣ такъ играя
Вино душистое кипитъ;
Агатъ въ очахъ твоихъ горитъ
Любовь въ сердцахъ воспламеняя;
Предъ нѣжной шеи бѣлизной
Ничтоженъ перловъ блескъ живой;
Но съ этой красотой чудесной
Тебѣ разсудокъ данъ въ удѣлъ, —
Ужель столь строгой, другъ прелестной!
Ко мнѣ онъ быть тебѣ велѣлъ?

*Озноби*шинъ.

СМЕРТЬ ШАНФАРІЯ.

(Арабская повѣсть.)

Вотъ повѣсть древнихъ временъ. Всадники пустынь Неджда, выслушайте ужасѣйшую повѣсть! — Завѣты Судьбы неизбѣжны: стрѣлы ея настигаютъ человѣка на высотахъ Тудыха и въ глубокихъ долинахъ Веджры.

Вы слыхали о Шанфаріи, и кто изъ насъ не слыхалъ о немъ, въ благословенной землѣ Арабской? Имя его поражало ужасомъ самыхъ отважнѣйшихъ витязей пустынь нашихъ. Его стихи повѣшены были на золотой

цѣпи въ священномъ храмѣ Каабы. Сто поколѣній исчезло съ поверхности земли, но стихи Шанфарія повторяются храбрыми сынами степей и красавицами Геджаза, коихъ шеи прелестнѣе шей бѣлыхъ голубей, когда они поднимаютъ ихъ вверхъ напившись чистой воды Сейлана; коихъ глаза нѣжнѣе глазъ лани, смотрящей на дѣтищъ своихъ, прыгающихъ по ущеліямъ Эль-Аксы. Поющій стихи Шанфарія, чувствуетъ на устахъ своихъ сладость благовоннаго Іеменскаго меду, и горькая печаль, наполняющая его сердце, улетаетъ отъ него, какъ бѣлый песокъ пустыни, гонимый порывомъ сѣверо-восточнаго вѣтра.

Шанфарій любилъ прекрасную Дальфу и Дальфа любила его. Онъ былъ знаменитѣйшій герой того времени;

она красотою своею превосходила всѣхъ дѣвъ пустыни. Родители благословили любовь ихъ, и они жили счастливо. Но что значитъ счастіе человѣка?.... оно непостояннѣе сѣраго облака, блуждающаго въ влажномъ воздухѣ, послѣ обильнаго весенняго дождя; оно ломче тонкой тростинки, ростущей въ руслѣ потока, которая нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ питалась быстрою водою, съ шумомъ ниспадающею съ неприступныхъ утесовъ Джебейля, и переносила свирѣпость бури и удары града; но потомъ исчезла внезапно въ ясный и тихій лѣтній день. Смотрите! уже лучи солнца выпили всю воду — и въ руслѣ потока остались только круглые камешки и крупный песокъ, осѣняемый сплетшимся тростникомъ; теперь шипящія змѣи

ищутъ въ немъ убѣжища отъ зноя; всѣ почти проспники лежатъ изломанныя вѣтромъ и легкими погами Газелей, бѣгающихъ каждое утро съ вершиновъ Джебейля къ отдаленной лужѣ, въ коей оспается еще нѣсколько мутной и солоноватой воды. Одна только простника тонкая, сухая поднимается среди сего разрушенія: судьба ея еще неисполнилась. Но вотъ двѣ легкія *Мукки*, оставившія недонченное гнѣздо свое въ ущеліи горъ, летятъ поднимаясь и опускаясь безпрестанно: слабыя ихъ крылья утомлены дальнимъ воздушнымъ путешествіемъ; онѣ ищутъ, гдѣ бы присѣсть, но не рѣшаются избрать камня, ибо камни раскалены солнцемъ, и быть можетъ, тамъ лежитъ пестрый змѣй, ихъ врагъ неумолимый; наконецъ видятъ сухую, уединенную

тростинку, и стремятся къ ней, насвистывая обыкновенную свою пѣсню: услалосипъ и любовь возбуждаютъ въ нихъ желаніе присѣсть на опой; но едва присѣли, тростинка вдругъ переломилась на нѣсколько частей, и бѣдныя птички опять поднялись на воздухъ. Такъ разрушилось и счастіе Шапфарія.

Поколѣніе Аздъ, къ коему принадлежалъ Шапфарій, славится храбростію и великодушіемъ своихъ воиновъ, красотою и добродѣтелью женъ. Но поколѣніе Саламанъ извѣстно по однимъ только постыдпымъ недостаткамъ: никогда странствующій путешественникъ не испыталъ ихъ гостепріимства, никогда слезы невинности не трогали каменной груди ихъ; они находятъ гпусное удовольствіе обижать обиженнаго, насмѣ-

хаться надъ несчастнымъ и быть ненавидимыми отъ несчастныхъ: ихъ сердца — пусты какъ воздухъ, въ душѣ ихъ — измѣна, на лицахъ — безстыдство; руки ихъ запятнаны кровавымъ корыстолюбіемъ.

Сіе поколѣніе Саламанъ жило въ вѣчной враждѣ съ сынами Азда. Покуда Шанфарій находился между послѣдними, Саламанцы не смѣли приблизиться къ ихъ кочевьямъ на разстояніе тысячи выстрѣловъ изъ лука. Великодушіе Шанфарія подало однако же удобный случай совершить злобный ихъ умыселъ. Онъ отправился проводить путешественниковъ къ другому кочевью, ибо копье его всегда готово было къ защитѣ безсильнаго, а имущество къ удовлетворенію нуждъ странника и сироты.

Зловредные Дивы (*) всегда имѣютъ связи съ злобными и коварными людьми. Одинъ изъ нихъ немедленно сообщилъ Саламанцамъ объ отсутствіи Шапфарія: взявъ на себя видъ одного изъ Аздъ, онъ отправился въ ихъ кочевье, спалъ на рубежѣ онаго и сильнымъ голосомъ промолвилъ: «Потомки Саламана! вашъ непріятель ищетъ

(*) *Дивъ*, слово Персидское, означаетъ зловредныхъ духовъ пустыни, называемыхъ по Арабски *Джинъ*. У насъ въ подобномъ значеніи употребляется слово *Геній*, заимствованное отъ Французскаго Génie. Кажется гораздо лучше было бы возстановить въ семъ случаѣ на Русскомъ языкѣ первоначальное названіе *Дивъ*, которое нынѣ вышло изъ употребленія, но отъ котораго остались по нынѣ многія производныя слова: *диво, дивный, удивительный* и проч.

у васъ убѣжища. Я обиженъ Шанфаріемъ; *кровь находится между* ими *и* мною: онъ пролилъ кровь моего брата. Окажите мнѣ покровительство: мщеніе есть первый долгъ Арабскаго воина.»

Голосъ хитраго Дива раздался въ сердцахъ Саламанцевъ: они всѣ вдругъ почувствовали свирѣпую радость, подобную той, какую возбуждаетъ въ молодыхъ гіенахъ дикій, произительный голосъ жестокой ихъ матери, когда, растерзавъ члены заблудившагося въ горахъ путника, она, окровавленною пастью, призываетъ голодныхъ дѣтей своихъ раздѣлить съ нею ужасную пищу. Асиръ, сынъ Джаберовъ, злѣйшій всѣхъ соотчичей своихъ, предводительствовалъ Саламанцами. Онъ созвалъ къ себѣ для совѣщанія приста храбрыхъ всадниковъ своего

поколѣнія: но совѣты коварныхъ рѣшаются одною только подлостію и измѣною. Въ минуту закаша солнца всѣ они были уже на коняхъ и помчались въ направленіи къ кочевью Азданъ.

Поколѣніе Аздъ расположено было въ долинѣ, орошаемой Сейланомъ и окруженной горами. Тишина господствовала въ окрестностяхъ; въ станѣ совершенная безпечность. Саламанцы вторгаются туда ночью и производятъ ужасную сѣчу прежде нежели погруженные въ сонъ Аздане успѣли опомниться. Въ первомъ страхѣ всѣ они думали, что полчище страшныхъ Дивовъ напало на нихъ, чтобъ отмстить за убійство ихъ товарища, котораго камень, брошенный случайно однимъ изъ Азданъ, поразилъ въ голову, въ то самое время,

когда зловредный духъ выдавалъ ихъ верблюдицъ, ибо въ горахъ Сейланскихъ всегда живетъ множество Дивовъ и волшебниковъ, выжидающихъ только случая, чтобъ вредить смертнымъ: днемъ они появляются на равнинахъ Неджда въ видѣ хромыхъ гіенъ и сѣрыхъ волковъ; ночью же пируютъ въ ущеліяхъ Акабы. — Смятеніе распространилось между Аздаками: не многіе думали о защитѣ, большая же часть воиновъ заботилась только о спасеніи себя и женщинъ. Каждый скорѣе уходилъ въ пустыню. Саламанцы, опустошивъ оставленные шатры, собрали обильную добычу и угнали съ собою множество скота. Пятьдесятъ дѣвъ прелестныхъ достались имъ въ плѣнъ: въ томъ числѣ была Дальфа, Дальфа роза Іемамская, краса пустыни Гед-

заза, столько же превосходившая всѣхъ женщинъ красотою, сколько солнце яснѣе блѣдной луны.

На другой день Аздане, разсѣявшіеся ночью въ пустынѣ, начали собираться къ кочевью своему. Здѣсь они увидѣли шатры свои разрушенные, тѣла убитыхъ товарищей лежащія на пескѣ, кровь разлитую повсюду. Крикъ и стонъ мужей, вопль и отчаяніе женъ раздавались въ пещерахъ горъ Сейланскихъ и потрясали воздухъ! . . . Но горесть бесполезна, если ею нельзя вознаградить потери. И такъ Аздане, похоронивъ тѣла убитыхъ у подножія одного песчанаго холма, возложили на верблюдовъ остатокъ имущества, уцѣлѣвшаго отъ расхищенія, и въ тотъ же день отправились во внутренность Джоуфа.

Вскорѣ Шанфарій возвратился изъ своего путешествія : бѣлоногая его *Шакра* ржала весело подъ нимъ приближаясь къ знакомымъ пастбищамъ; онъ самъ побуждалъ ее къ бѣгу, спѣша къ роднымъ, къ любезной Дальѳѣ. Но гдѣ она? гдѣ шатеръ Шанфарія? — На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли шатры Аздань, онъ видитъ издали Шакаловъ, безопасно блуждающихъ, и спада черныхъ *Каттъ*, съ ужаснымъ крикомъ летающихъ въ воздухѣ, или подбирающихъ съ земли скудную пищу послѣ удалившихся жителей. — Не вѣря глазамъ своимъ, онъ бѣжитъ, приближается — и находитъ одни лишь осѣпавшіеся въ землѣ колья, къ коимъ привязаны были палатки, и окружавшіе ихъ, для стока воды, прокопы, кои вѣтеръ уже началъ заносить пескомъ. Приз-

наки запекшейся крови, части изорваннаго платья и множество разбросанныхъ войлоковъ, покрывавшихъ шапиры, удостовѣрили Шанфарія, что въ его отсутствіи большое несчастіе постигло его поколѣніе. Неподвижно проспоявъ нѣсколько часовъ въ семъ, нѣкогда столь пріятномъ для него мѣстѣ, онъ сѣлъ опять на вѣрнаго коня своего, примѣтно раздѣлявшаго съ нимъ глубокую печаль его, и тихимъ шагомъ пустился въ степь безъ всякой цѣли.

Между тѣмъ разбой, свершенный Саламанцами, вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ между Бедуинами. Всадники, коихъ Шанфарій встрѣтилъ въ пустынѣ, разсказали ему о всѣхъ обстоятельствахъ сего горестнаго происшествія: тутъ онъ поклялся жестоко отмстить коварнымъ Сала-

манцамъ. Отправясь въ Джоуфъ съ двумя храбрыми воинами, Омаромъ и Селикомъ, которые пристали къ нему во время его странствованія и обѣщали раздѣлять съ нимъ опасности, — онъ хотѣлъ сперва отыскать всѣхъ товарищей своихъ и съ ними вмѣстѣ сдѣлать нападеніе на враговъ: но уже не нашелъ своего поколѣнія. Аздане, чувствуя себя слишкомъ слабыми, принуждены были раздѣлиться на нѣсколько партій; нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ другимъ поколѣніямъ, прочіе удалились въ Тегаму. Тѣхъ, коихъ Шанфарій успѣлъ отыскать, всѣми мѣрами убѣждалъ онъ возвратиться съ нимъ въ Неджд и кровью враговъ смыть нанесенную имъ обиду; но ни кто не рѣшился участвовать въ этомъ благородномъ предпріятіи. «Прощайте,

«малодушные!» сказалъ имъ тогда ге-
«рой, воспаленный гнѣвомъ. «Друзья!
«поднимите съ земли вашихъ верблю-
«довъ; я пойду искать другихъ для
«себя товарищей. Вотъ небо, пыла-
«ющее безчисленными звѣздами: мы
«найдемъ между ними вѣрныхъ для
«себя путеводителей въ безлюдныхъ
«и глухихъ степяхъ Аравіи. Для
«честныхъ есть въ мірѣ убѣжище
«отъ обиды, такъ какъ для путни-
«ка есть прохладный пріютъ отъ
«полуденнаго зноя. На землѣ не бы-
«ваетъ тѣсно человѣку, одаренному
«умомъ и одушевленному благородны-
«ми чувствами, стремится ли онъ
«къ достиженію предположенной цѣ-
«ли, или избѣгаетъ преслѣдованія
«злобныхъ. Взамѣну васъ, презри-
«тельные потомки храбраго Азда,
«друзьями моими будутъ быстроно-

«гій волкъ пустыни, пестрый лео-
«пардъ и гривистая хромая гіенна:
«они не страшатся опасностей, не
«знаютъ ни подлости, ни измѣны;
«они всегда готовы защищаться опъ
«враговъ и мстить за обиду, имъ на-
«несенную. Неблагодарные! всегда я
«первый бросался на вашихъ непрія-
«телей и всегда послѣдній, при раз-
«дѣлѣ добычи, протягивалъ побѣдоно-
«сную руку для полученія своей доли,
«которую потомъ всегда жертвовалъ
«въ пользу бѣднѣйшихъ семействъ ва-
«шихъ. Вы теперь оставляете ме-
«ня! и думаете ль вы, что помощь
«ваша для меня необходима? — Не-
«устрашимое сердце, кривой мечь
«мой и желтый дребежжащій лукъ,
«вотъ мои вѣрные товарищи въ бла-
«городномъ подвигѣ! Вы знаете твер-
«дость моего духа и мою рѣшитель-

«ность: ни голодъ, ни жажда, ни стра-
«жа, ни зной ни когда не были для
«меня препятствіемъ въ моихъ пред-
«пріятіяхъ. Ни одинъ изъ вашихъ бѣ-
«гуновъ не опережалъ моей бѣлоногой
«*Шакры*, никто изъ Бедуиновъ, сѣвъ
«на нее, не догонялъ меня бѣгущаго
«пѣшкомъ по кремнистой почвѣ Нед-
«жа. Боги мнѣ пособятъ: они и окро-
«вительствуютъ храбрыхъ, исполня-
«ющихъ долгъ мщенія. Клянусь Все-
«вышнимъ Существомъ, создавшимъ
«степи и горы, и семью блуждающи-
«ми звѣздами, и Геніемъ хранителемъ
«стадъ нашихъ, и священнымъ хра-
«момъ Каабы, и небесною водою ко-
«лодезя Земземъ, что ни гребень ко-
«снется волосъ моихъ, ни капля
«вина не упадетъ на уста мои, доко-
«лѣ собственной рукою не убью ста
«развратныхъ сыновъ Саламановыхъ!»

Произнесши сію клятву, Шанфарій, съ вѣрными друзьями своими, Омаромъ и Селикомъ, опправился въ Неждъ и прибылъ въ окрестности кочевья Саламанцевъ. Онъ избралъ для себя небольшой холмъ, не слишкомъ отдаленный отъ ихъ табора, и съ него сторожилъ своихъ враговъ, отлучающихся въ пустыню за разными надобностями. Каждый разъ, когда усматривалъ въ степи одного или нѣсколькихъ Саламанцевъ, онъ устремлялся на нихъ съ своей возвышенности, какъ стрѣла, пущенная съ тугаго Іеменскаго лука, какъ громъ, ниспадающій съ неба въ вершину криваго дерева, растущаго косвенно на скатѣ пещанаго бугра. Вы видали, друзья мои, какъ въ ясное весеннее утро, когда ровная степь Самманская, усыпанная бѣлымъ пескомъ и остры-

ми кремнями, опражая лучи солнца, блеститъ какъ богатый шлемъ Оджемскаго (*) воина, — внезапно восточный вѣтеръ наноситъ черную тучу: бурныя облака накопляются подъ сводомъ огромнаго голубаго шатра, коимъ Аллахъ осѣнилъ отчизну смертныхъ; тихій трескъ грома капится въ отдаленности, весь воздухъ наполненъ густыми клубами песку; свѣтъ гаснетъ; только молнія, сверкающая безпрестанно, ослѣпляетъ глаза уединеннаго всадника, поспѣшно возвращающагося въ свое кочевье; потерявшись среди пылныхъ завертней, онъ не знаетъ, въ какомъ направленіи продолжать путь свой; слѣзаетъ съ коня и привязываетъ его къ своему копью, во-

---

(*) Персидскаго.

дружеиному имъ въ землю. Уже дождь начинаетъ падать рѣдкими, но крупными каплями. Бѣлая лань, уходящая отъ волковъ, растерзавшихъ въ горахъ двухъ ея дѣтищъ, едва успѣла скрыться подъ захирѣлое дерево, осѣняющее скатъ холма, гдѣ дрожащія ея ноги скользятъ въ пескѣ, какъ вдругъ ударъ грома раздробилъ оное; высокій столбъ пыли поднялся отъ холма; несчастная мать быстро отпрянула отколь, пораженная ужасомъ, и помчалась въ пустыню; но вскорѣ силы ея ослабѣли: она упала и испустила духъ. Такъ точно Шанфарій внезапно нападалъ на своихъ враговъ: когда они совершенно того не ожидали, онъ всегда являлся предъ ними съ смертоноснымъ оружіемъ своимъ. Рука его такъ была мѣпка, что, догнавъ кого либо изъ Саламан-

цевъ, онъ всякой разъ напередъ кричалъ предостерегая, что нанесетъ ему ударъ въ глазъ, въ сердце, въ желудокъ. Такимъ образомъ Шанфарій, въ теченіе трехъ лѣтъ, повсюду слѣдуя за шатрами разрушителей счастія своего, истребилъ изъ нихъ девяносто девять человѣкъ. Напрасно они переходили въ разныя страны Неджда и занимали неприступныя мѣста, напрасно истощали всю хитрость свою, чтобъ поймать его, или убить преодолѣвъ его числомъ людей: онъ былъ повсюду и они нигдѣ не могли окружить его, ни догнать.

Клятва Шанфарія была уже почти исполнена, но душа его не могла позабыть Дальфы. Съ холмовъ, всегда бывшихъ его убѣжищемъ, вблизи табора Саламанцевъ, онъ часто при-

мѣчалъ ее въ толпѣ женщинъ сего поколѣнія, ходившихъ всякое утро съ большими глиняными сосудами на головѣ черпать воду изъ ключа, лежащаго на краю стана, или изъ ручья, при которомъ оный былъ расположенъ. Сердце любовника легко узнавало возлюбленную, хотя она, наровнѣ съ прочими женщинами, всегда была покрыта длиннымъ темнымъ *никабомъ*, падавшимъ съ головы до ногъ. Ростъ, походка отличали ее въ глазахъ Шанфарія отъ всѣхъ ея подругъ: она была прямa, какъ пальма; при движеніи, она нѣжно колебалась подобно вѣтви гибкаго *бана*, или копью Арабскаго воина, сдѣланному изъ длинной Тегамской трости. Пылая желаніемъ освободить ее изъ рукъ похитителей, и чтобы удобнѣе обмануть ихъ бдительность, Шанфарій

рѣшился удалиться на нѣкоторое время отъ ихъ кочевья.

Омара, вѣрнаго товарища Шанфарiева, уже не было: онъ погибъ въ теченiе сего времени отъ стрѣлы одного Саламанца. У Шанфарiя оставался одинъ только спутникъ Селикъ, сынъ Азѣмовъ, къ которому питалъ онъ нѣжнѣйшiя чувства дружбы, и коимъ былъ любимъ пламенно. Уже болѣе года одинъ храбрый Селикъ раздѣлялъ всѣ труды его и страданiя; онъ стоялъ на стражѣ во время сна друга своего, онъ утѣшалъ его въ печали, и какъ левъ бросался на враговъ, коль скоро видѣлъ его въ опасности. Съ нимъ Шанфарiй отправился въ Геджазъ. Тамъ, во всѣхъ поколѣнiяхъ онъ былъ принятъ съ восторгомъ. Всѣ *Нашиды* воспѣвали славные его подвиги; воины повто-

ряли съ восхищеніемъ превосходныя его стихотворенія. Спустя шесть мѣсяцевъ, онъ не ожиданно опять явился въ пустыняхъ Неджда. — Для совершенія своей клятвы, онъ хотѣлъ не премѣнно убить злобнаго Асира, но желалъ напередъ возвратить свободу Дальфѣ. Прибывъ въ ту страну, гдѣ кочевали Саламанцы, онъ оставилъ Селика въ пустынѣ, а самъ, чтобы съ точностію освѣдомиться о мѣстѣ ихъ пребыванія, заѣхалъ къ поколѣнію Бенизобейдъ. Потомъ, соединившись съ своимъ товарищемъ, сказалъ ему: «Селикъ! лице твое не знакомо нашимъ врагамъ; они мало видали тебя вблизи. Поѣзжай, другъ, по направленію Юго-Восточнаго вѣтра: тамъ кочуютъ сыны Саламановы. Ты приденіь въ ихъ таборъ и будешь стараться, сдѣлавшись ихъ гостемъ,

узнать обстоятельно положеніе ихъ юрты и шатеръ, подъ коимъ живетъ Дальфа. Я буду ожидать тебя въ семъ мѣстѣ.» — «Клянусь глазомъ своимъ, отвѣчалъ Селикъ, что исполню твое желаніе: ты можешь положиться на мою дружбу.» Сказавъ сіе, Селикъ взлетѣлъ на коня и помчался по направленію Юго - Восточнаго вѣтра.

Цѣлые сутки Шанфарій ожидалъ возврата Селикова. Наконецъ, на краю горизонта, онъ видитъ черный движущійся пунктъ, и вскорѣ узнаетъ въ ономъ всадника, летящаго къ нему, какъ западный вѣтеръ, сметающій песокъ въ пустыни. Чрезъ нѣсколько минутъ Селикъ уже былъ при Шанфаріи.

«Ну, что? торопливо спросилъ его випязь: какое извѣстіе?»

— Все благополучно, отвѣчалъ Селикъ. Я преломилъ съ Саламанцами хлѣбъ гостепріимства, и былъ принятъ ими какъ нельзя лучше. Но въ прошедшую ночь пріѣхалъ къ нимъ какой-то незнакомый мнѣ всадникъ, давній гость ихъ Шейха, Асира, сына Джаберова. Асиръ немедленно созвалъ къ себѣ знаменитѣйшихъ воиновъ своего поколѣнія. Въ присутствіи сего незнакомца, они долгое время производили свои совѣщанія. Между тѣмъ я успѣлъ войти въ сношенія съ одною старухою изъ вашего поколѣнія, живущею у нихъ въ плѣну. Эта женщина называетъ себя родственницею твоею: она доставила мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о Дальфѣ и отъ моего имени увѣдомила ее о намѣреніи твоемъ освободить ее изъ рукъ похитителей. Сего дня, по утру,

пришелъ ко мнѣ Асиръ и сказалъ о желаніи своемъ, чтобы я, какъ гостпь его, участвовалъ на равнѣ съ ними, въ важномъ предпріятіи, о которомъ вчера они совѣщались между собою. Я согласился на его предложеніе. Тогда онъ увѣдомилъ меня, что не знакомый всадникъ, о которомъ я говорилъ псбѣ, привезъ имъ извѣстіе, что какой-то богатый Персидскій Мерзбанъ (*), изъ числа Хозроевыхъ царедворцевъ, ѣдетъ изъ Аджема (**) въ Іеменъ.—«Онъ будетъ проѣзжать не далеко нашего стана,» сказалъ мнѣ по-

---

(*) *Мерзебаналги* древніе Аравитяне называли Губернаторовъ Персидскихъ провинцій, и сіе слово означало у нихъ тоже, что *Сатрапъ* у Грековъ. Оно также употреблялось въ общемъ значеніи *вельможи*, *богатаго человѣка.*

(**) *Аджемъ* Персія.

томъ Асиръ тихимъ голосомъ, «и мы рѣшились ограбить этаго нечистаго огнепоклонника. Сего дня въ вечеру, мы всѣ отправляемся караулить его на пути.»

«И ты согласился участвовать въ разбоѣ?» спросилъ съ удивленіемъ Шанфарій.

— Я буду только свидѣтелемъ ихъ безчинства: оппвратить его я не въ состояніи. Съ другой стороны, я не хотѣлъ возбуждать въ Асирѣ ни малѣйшаго на свой счетъ подозрѣнія, тѣмъ болѣе, что отлучка Саламанцевъ изъ табора, показалась мнѣ удобнѣйшимъ случаемъ къ достиженію нашей цѣли. Я сказалъ ему, что охотно поѣду съ ними для сего набѣга, съ тѣмъ однако же, чтобъ онъ далъ мнѣ на этотъ разъ коня своего, на смѣну моего, совершенно изнуреннаго дальнимъ

путешествіемъ, и сверхъ того позволилъ бы мнѣ отлучиться прежде, на нѣсколько часовъ, въ пустыню, чтобъ взять другое копье и стрѣлы, зарытыя мною въ песку, въ извѣстномъ мнѣ мѣстѣ.

«Я не понимаю сихъ условій,» сказалъ Шанфарій: «какую все это имѣетъ связь съ цѣлію твоего путешествія къ Саламанцамъ?»

— Величайшую, отвѣчалъ Селикъ. Асиръ согласился на мои требованія безъ всякаго противурѣчія, и я, подъ предлогомъ взятія стрѣлъ и лука, поспѣшилъ къ тебѣ съ извѣстіемъ о томъ, что въ нынѣшнюю ночь всѣ его воины оставятъ таборъ, и ты весьма удобно можешь увезти Дальфу. Она отвѣчала мнѣ чрезъ старуху, что готова тотчасъ уйти, если только я подамъ ей къ тому сред-

ства. Это рѣшило меня воспользоваться предложеніемъ Асира, чтобы достать у него другаго коня, необходимо-нужнаго въ семъ случаѣ. Я велѣлъ сказать Дальфѣ, что, когда всѣ воины уѣдутъ изъ стана, она, одѣвшись въ мужской *эгралъ*, должна итти къ палаткѣ, отведенной для меня по приказанію Асира: тамъ найдетъ надежную лошадь, привязанную къ копью, и на ней должна немедленно отправиться къ тремъ пальмамъ, растущимъ въ небольшомъ разстояніи отъ табора, гдѣ ты уже будешь ожидать ее.—Въ началѣ ночи, прибавилъ Селикъ, я возвращусь туда и оставлю для нее коня своего у входа моей палатки.

«Какой же отвѣтъ получилъ ты отъ Дальфы? Обѣщалась ли она исполнить твое распоряженіе?» спро-

силъ обрадованный витязь, сжимая руку своего друга.

— Она все исполнитъ, продолжалъ Селикъ. Но дай мнѣ твое меньшое копье и нѣсколько стрѣлъ *Солгаровыхъ* (*), чтобъ имѣть съ чѣмъ возвратиться къ Саламанцамъ. Ты же спупай не спѣша, чтобы въ исходѣ первой половины ночи, быть у трехъ пальмъ; ты ихъ легко найдешь: онѣ находятся на прямомъ пути отсюда въ таборъ.

«Другъ мой!» сказалъ Шанфарій, смотря съ умиленіемъ на Селика. «Ты возраждаешь новую жизнь въ моемъ сердцѣ! но я не смѣю вѣрить своему счастію. Я опасаюсь, нѣтъ ли тутъ какой-либо измѣны? Ты не знаешь

(*) Стрѣлы сіи такъ назывались отъ имени *Солгара*, ихъ фабриканта; онѣ весьма славились у древнихъ Бедуиновъ.

злобнаго Асира: онъ никогда не говоритъ правды; хитрая и безпокойная душа его безпрестанно вьется въ его груди, какъ черный змѣй между частыми кустами вереску. Совѣтую тебѣ поступать съ нимъ сколько можно осторожнѣе.»

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ Селикъ, что въ семъ случаѣ мнѣ нечего опасаться. Они меня не знаютъ, и я всегда могу найти средство ускользнуть отъ нихъ и соединиться съ тобою. Но гдѣ я найду тебя?

«Я буду ожидать тебя въ Айнъ-Заркѣ,» сказалъ Шанфарій, и предался глубокой думѣ, какъ бы смущенный какимъ-то печальнымъ воспоминаніемъ.

— Ты страждешь, Шанфарій? спросилъ Селикъ, взявъ его дружески за руку.

«Меня мучитъ ужасное предчувствіе,» отвѣчалъ витязь. «Когда мы были въ Геджазѣ, старая колдунья Ханса ворожила мнѣ на песку съ девятью круглыми камешками, и предсказала....»

— Что же она предсказала? —

«Большое несчастіе. Она выворожила мнѣ, что я вдругъ потеряю друга и любовницу, и что я самъ буду причиною ихъ гибели, равно какъ и своей собственной. — Ты оставляешь меня, Селикъ: я боюсь, чтобъ предсказаніе Хансы не сбылось слишкомъ скоро.»

— И ты вѣришь пустословію старой обманщицы! Пословица говоритъ: *колдунъ лжетъ, глупой платитъ.*

«Другъ мой,» отвѣчалъ Шанфарій: «всѣ говорятъ, что Ханса понимаетъ языкъ птицъ и имѣетъ сношеніе съ

Дивами. Она легко можетъ знать предопредѣленіе. Пословица говоритъ: *ворожея отгадываетъ судьбу другихъ, хотя не знаетъ, что сдѣлается завтра съ нимъ самимъ.*»

— Шанфарій! ты напрасно предаешся печальнымъ думамъ въ то время, когда боги явно благопріятствуютъ твоимъ намѣреніямъ и даже предупреждаютъ твои желанія. Ты знаешь пословицу: *если радость и печаль случатся вмѣстѣ, то радуйся сего дня, а печаль откладывай на завтра.* Но, прощай любезный другъ! мнѣ пора возвратиться къ Асиру; ты поѣзжай къ піремъ пальмамъ. — Сказавъ сіе, Селикъ взялъ десять стрѣлъ и меньшое копье у Шанфарія, и оставилъ его.

Въ сумерки Селикъ явился къ Саламанцамъ и нашелъ всѣхъ воиновъ

уже готовыхъ къ походу. «Мы думали,» сказалъ ему Асиръ, «что ты уже невозвратишься. — Вотъ для тебя лошадь: садись; пора отправиться.»

— Я не могъ скоро отыскать *Солгаровыхъ* стрѣлъ своихъ, опивѣчалъ Селикъ.

«У тебя есть *Солгаровы* стрѣлы?» съ удивленіемъ вопросилъ Шейхъ Саламанцевъ.

— Да, есть десять, самыхъ лучшихъ, изъ коихъ пять подарю тебѣ, почтенный мой хозяинъ! Да принесутъ онѣ тебѣ благополучіе! — Говоря сіе, Селикъ подалъ десять стрѣлъ корыстолюбивому Асиру, который восхищенъ былъ симъ подаркомъ. Потомъ воткнувъ въ землю, у своей палатки, копье, имъ привезенное, и привязавъ къ нему своего коня, вооружился, сѣлъ на коня Асирова, и

отправился вмѣстѣ съ Саламанцами. Ихъ было всего двѣсти человѣкъ. Выѣхавъ изъ стана, они раздѣлились на пять отрядовъ, и пустились въ разныя стороны, чтобъ занять назначенныя мѣста.

Въ свою очередь Шанфарій отправился къ тремъ пальмамъ. Приближаясь къ нимъ, онъ вскорѣ увидѣлъ всадника, ѣдущаго тихимъ шагомъ, и узналъ подъ нимъ буланаго коня Селикова. «Это она!» вскричалъ Шанфарій, «Дальфа! любезная моя Дальфа!» и поскакалъ къ ней. Голосъ любезнаго пронзилъ сердце Дальфы: дрожащею рукою она поворотила къ нему коня своего, и нѣсколько наклонилась; Шанфарій протянулъ къ ней свою руку и, нѣжно обнимая милую, спросилъ: «Ты меня не позабыла еще!» — Но Дальфа быстро произнесла:

«мой двоюродный брапъ! (*) намъ должно скорѣе уйти отсюда: жизнь твоя въ опасности! — Куда намѣренъ ты отправиться?»

— Мы поѣдемъ въ Айнъ-Зарку. —

«Въ Айнъ-Зарку! »вскричала Дальфа: «тамъ кочуютъ Бени-Зобейды; они наблюдаютъ за тобою и сообщаютъ Саламанцамъ о всѣхъ твоихъ движеніяхъ.»

— Это быть не можетъ: третьяго дни я былъ у нихъ въ гостяхъ; они приняли меня весьма радушно и преломили со мною хлѣбъ. —

«Они въ прошлую ночь присылали сюда человѣка,» продолжала Дальфа, «съ извѣстіемъ, что ты былъ у

(*) Обыкновенное выраженіе Бедуиновъ, у коихъ друзья и любовники всегда называютъ другъ друга *двоюродными или братьями* или *сестрами*, хотя бы вовсе не были родственниками между собою.

нихъ, и распрашивалъ о мѣстѣ пребыванія Саламанцевъ. Теперь я узнала опъ женщинъ Асира, что онъ, съ воинами своими, отправился стеречь *чернаго льва*, опять здѣсь появившагося: такъ всѣ тебя называютъ здѣсь. — Прибытіе твоего пріятеля, котораго впрочемъ Саламанцы не узнали, затрудняло ихъ чрезвычайно: они боялись оставить его въ юртѣ, чтобы въ ихъ отсутствіе, не уѣхалъ онъ и, отыскавъ тебя, не помѣшалъ ихъ видамъ. И такъ, не смотря на то, что онъ сдѣлался ихъ гостемъ, они хотѣли убить его; но одинъ добрый старикъ возсталъ противу сего гнуснаго намѣренія и присовѣтовалъ взять его съ собою, утаивъ отъ него настоящую цѣль ихъ набѣга. Всѣ Саламанцы край-

не негодовали на Асира, что онъ позволилъ сему неизвѣстному имъ гостю отлучиться въ пустыню за стрѣлами, и съ нетерпѣніемъ ожидали его возврата.»

— И такъ, они вѣроятно, стерегутъ меня въ направленіи кочевья Бени-Зобейдовъ, сказалъ Шанфарій съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Недавно я точно слышалъ въ этой сторонѣ шумъ ѣдущихъ всадниковъ. Намъ должно отправиться въ другую сторону. Бѣдный Селикъ!.... я не увижу тебя болѣе!....

Немедленно Шанфарій и Дальфа пустились отпуда по направленію сѣверовосточнаго вѣтра. Три часа они ѣхали скорымъ шагомъ, и прибыли къ берегу потока. Нѣсколько разъ Шанфарій пытался переправиться чрезъ оный, но глубина потока,

темнота ночи, страхъ Дальфы, всегда ему препятствовали. Находясь въ странѣ совершенно незнакомой, ему оставалось только слѣдовать берегомъ рѣки, пока не наступитъ день. Такимъ образомъ прибывъ къ ущелію одной горы, Шанфарій остановился и сошелъ съ коня. «Сестра моя!» сказалъ онъ Дальфѣ: «будемъ здѣсь ожидать разсвѣта. Я не знаю, куда намъ ѣхать и гдѣ мы находимся; но думаю, что мы уже внѣ опасности.» — Утомленная Дальфа попросила воды. Лишь только Шанфарій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ потоку, какъ раздался со всѣхъ сторонъ крикъ: «Это онъ! это черный левъ!» Герой, изумленный симъ неожиданнымъ крикомъ, спѣшитъ къ копью своему и бѣлоногому коню, не сомнѣваясь, что попалъ на засаду; но вдругъ видитъ себя окруженнымъ со

всѣхъ сторонъ. — Саламанцы, желая взять Шанфарія живаго, направляютъ на него копья свои и требуютъ, чтобы онъ сдался. Но Шанфарій, схвативъ свой мечь, мужественно защищается противъ сорока враговъ и многимъ изъ нихъ наноситъ раны. «Подлые разбойники!» отвѣчаетъ имъ неустрашимый витязь, голосомъ отчаянія и исступленія. «Вы знаете, что между вами и мною нѣтъ другаго условія кромѣ *красной смерти.*» — На сей голосъ одинъ изъ всадниковъ, остававшійся дотолѣ назади, пробивается сквозь толпу и стремится прямо къ Шанфарію; но сей, двинувшись впередъ, встрѣчаетъ его сильнымъ ударомъ меча въ голову. «Я поклялся,» воскликнулъ тогда Шанфарій, «истребить сто сыновъ Саламанскихъ! теперь моя клятва исполнена.» —

Несчастный! онъ не зналъ, что ему несуждено было исполнить сію клятву при жизни! Всадникъ, убитый его рукою, былъ вѣрный другъ его Селикъ, который, узнавъ свою ошибку и гнусный обманъ Саламанцевъ, спѣшилъ къ другу своему, рѣшась защищить его, или умереть съ нимъ вмѣстѣ. Но въ то самое время, когда Шанфарій произносилъ слова клятвы своей, злобный Асиръ пронзилъ его копьемъ въ плечи. — Опредѣленія Судьбы неизбѣжны! Когда наступитъ роковое время, напрасно человѣкъ ухищряется избѣжать гибели: если онъ уклонится отъ смерти въ одномъ мѣстѣ, встрѣтитъ ее непременно въ другомъ.

Дальфа также погибла въ минуту кончины Шанфарія: нѣкоторые повѣствуютъ, что одинъ изъ Саламанцевъ, принявъ ее за мужчину, нанесъ

ей смертельный ударъ копьемъ въ грудь; иные же говорятъ, что она бросилась въ воду потока и въ немъ утонула. Такъ сбылось предсказаніе Хансы.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Шанфарія, коварный Асиръ проѣзжалъ чрезъ то мѣсто, гдѣ убитъ сей славный воинъ и поэтъ. Тѣло его уже содѣлалось пищею хищныхъ звѣрей, только бѣлыя кости лежали, разбросанныя по песку. Асиръ, увидѣвъ черепъ Шанфарія, съ презрѣніемъ толкнулъ его ногою: но въ тоже мгновеніе отколокъ черепа вонзился ему въ ногу, — и Асиръ чрезъ нѣсколько дней испустилъ духъ въ ужасныйшихъ мученіяхъ. Такъ совершилась и клятва великаго Шанфарія.

Съ Арабск. *Сенковскій.*

В Ѣ Р А.

Когда кипятъ морей раскаты,
И, подъ грозой, сгараютъ небеса,
И вихри съ кораблей сдираютъ паруса,
И треснули могучіе канаты:
Ты въ челнокѣ будь *Впрой* твердъ!
И Богъ, увидя безъ сомнѣнья,
Тебя чрезъ грозное волненье
На тонкой нитикѣ проведетъ. . .

Ѳ. Глинка.

НАДЕЖДА.

Подъ черною ночью, на бѣломъ конѣ,
Скакалъ Палладинъ по буграмъ, чрезъ овраги:
И конь ужь въ немъ силы и духъ ужь опваги;
Но вдругъ заяснѣлъ огонёкъ въ сторонѣ:
И радостно поднялъ усталыя вѣжды,
И скаченъ бодрѣй Крестоносецъ-ѣздокъ:
Ахъ, какъ не узнать? . . по *Надежды*,
Надежды злапой огонёкъ. . . .

Ѳ. Глинка.

ЛЮБОВЬ.

На степи раскаленной, широкой,
Гдѣ не слышно, не видно отрадныхъ ручьевъ;
Изчезалъ, безъ воды, человѣкъ одинокой;
Вдругъ послышалъ онъ тихій и ласковый зовъ:
„Оглянись, человѣкъ, и напейся,
„И напейся студеной воды!
„Уповай и люби и надѣйся —
„И, какъ жажда, изчезнутъ бѣды!“
Онъ взглянулъ — и прекрасная, съ чашей,
Передъ нимъ, какъ видѣніе сновъ:
Ничего онъ не видывалъ краше,
И душа въ ней узнала — *Любовь.*

Ѳ. Глинка.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Одно изъ важнѣйшихъ качествъ, скромность, какъ будто потеряно для многихъ людей. Я знаю одного провинціала, который, при первомъ шагѣ въ большой свѣтъ — въ міръ для него новый, пораженъ былъ удивленіемъ встрѣчая повсюду крезовъ, героевъ, мудрецовъ! — «Другъ мой!» сказалъ ему одинъ старожилъ: «всѣ сіи люди, предметъ просвѣщеннаго удивленія и восторга твоего, ничто иное, какъ музыканты Софокла, которые, играя на маленькой свирѣлкѣ, слишкомъ надуваютъ свои щеки.»

* * *

Хладнокровіе есть трофей ума надъ сердцемъ: часто оно обнаруживаетъ естественную слабость послѣдняго.

* * *

Какъ таинственность возбуждаетъ любопытство ума, такъ не довѣрчивость охлаждаетъ сердце.

* * *

Нельзя довести себя до возможнаго совершенства, не сохраняя, для всегдашняго воспоминанія, и добрыя и худыя мысли и чувства свои.

* * *

Умъ — свѣтъ; опытъ — вожатый. Человѣкъ съ умомъ, но безъ опытности, подобенъ страннику на распутіи въ неизвѣстной ему странѣ: Солнце освѣщаетъ для него равно всѣ пути, но не указываетъ, который изъ нихъ полезнѣе.

* * *

Въ семействѣ важнѣе всего — чувства; въ обществѣ — поведеніе.

* * *

Сколько найдемъ въ исторіи человѣчества горькихъ примѣровъ, доказывающихъ, что истинная оцѣнка человѣка, одареннаго способностями рѣдкими, качествами возвышенными, часто зависитъ отъ тысячи счастливыхъ случаевъ, рѣдко соединяющихся вмѣстѣ, и что безъ сего посредства, сей Крезъ природы протягиваетъ руку — для пропитанія.

* * *

При непрерывномъ счастіи мы совершенно матеріальны.

* * *

Сносить терпѣливо всѣ непріятности, всѣ потери въ жизни, можно только увѣрившись прежде, что все,

чѣмъ мы не обладаемъ, только случайно и временно намъ принадлежитъ.

* * *

Заблужденіе сердца часто мучительно; заблужденіе разсудка всегда гибельно. Первое можетъ еще найти предостереженіе въ послѣднемъ; но сей послѣдній — безъ опоры.

* * *

Только въ порядкѣ мыслей міръ является намъ міромъ.

* * *

Есть люди, которые находятъ удовольствіе злословить, клеветать, вредить другимъ. — За что это? — За то именно, за что крапива жжетъ, репейникъ цѣпляется и сажа чернитъ.

* * *

Когда наглость одного, ввергаетъ другаго въ пламя золъ; то людей безнравственныхъ должно почитать

истинными зажигателями, не стерпимыми въ обществѣ.

* * *

Человѣкъ, не умѣющій владѣть собою, вспыльчивый, опрометливый, часто поступаетъ не умнѣе собаки, которая устремляется за брошеннымъ въ нее камнемъ, а не на того, который бросилъ въ нее онымъ.

* * *

Для души благородной, возвышенной такъ же нестерпимы самыя невинные пересуды и насмѣшки, на счетъ другихъ произносимыя, какъ несносны фальшивые тоны въ музыкѣ для вѣрнаго слуха.

* * *

Нелюбящій никого, кромѣ себя, есть общій непріятель. Исключительная любовь къ пользамъ собственнымъ ненавистна уже и потому, что

она закрываетъ глаза наши опять выгодъ другихъ.

* * *

Человѣкъ предусмотрительный, во всѣхъ предпріятіяхъ своихъ, прежде исчисляетъ послѣдствія, могущія произойти изъ того. Онъ подобенъ искусному мореходцу: когда настанетъ буря, онъ имѣетъ на своей сторонѣ уже ту выгоду, что предвидѣлъ ее.

* * *

Мы предохранили бы себя опять многихъ непріятностей и бѣдъ, если бъ суетность и честолюбіе свое, умѣли заключить въ предѣлахъ исполненія собственныхъ обязанностей, и не вмѣшивались въ дѣла другихъ.

* * *

Я не знаю ни одного мужчины, который бы не находилъ жалкаго удовольствія выискивать въ женщинахъ

слабости и пороки. Но незнаю и такого мужчины, который не искалъ бы ихъ вниманія, не дорожилъ бы ихъ одобреніемъ (хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ трудно въ томъ признаться) и не повергалъ бы къ ногамъ ихъ всѣхъ сокровищъ своихъ, нравственныхъ и вещественныхъ! — И такъ, *кто правъ, кто виноватъ?*

* * *

«Замѣтьте,» сказала мнѣ одна дама, доказывая не справедливость, не приличіе противу женскаго пола разныхъ выходокъ нѣкоторыхъ изъ словесниковъ, «замѣтьте, что степень уваженія къ нашему полу опредѣляетъ вообще—степень образованности народа, а въ частности — нравственность человѣка.»

* * *

«Сопвореніе женщины въ шестой день, увѣнчало все предшествовавшее,» однажды сказала мнѣ дама, исчисляя преимущества своего пола надъ нашимъ. Не худо сказано!

* * *

Коварные обманщики не вѣруютъ въ добродѣтель другихъ; но владычество оной столь могущественно, что ее не вольно уважаютъ и тѣ, кои во все ее не имѣютъ.

* * *

Извѣстно, что днемъ, при дѣйствіи притягательной силы солнца, многіе изъ цвѣтовъ издаютъ или слабый ароматъ, или во все теряютъ оный, и что напротивъ того, во время ночи, они разливаютъ самое сильное благовоніе. Послѣ сего, нельзяли сказать, что солнце окружено цѣлымъ

моремъ всемірнаго и чистѣйшаго благоуханія.

* * *

Еслибъ солнце безпрестанно насъ освѣщало, мы мало бы видѣли. Кому бы пришла тогда мысль о существованіи многихъ міровъ?

* * *

КЪ БАРОНУ А.

Проспившись навсегда съ Покровской (*)
Шуповской,
Гдѣ сплетни съ глупостью нашли себѣ жилище,
Любезный А..., товарищь бывшій мой,
Ты въ городѣ, а я — на отчемъ попелище,
Въ деревнѣ, средь лѣсовъ, въ бесѣдѣ соловья,
Подъ пѣнью тополей, при говорѣ ручья,
Какъ старецъ жизни на закатѣ,
Въ ермолкѣ, съ трубкою и цѣлый день въ халатѣ,
Пью чай и грею кровь у яраго огня.
Крикъ звонкій пѣпуха и въ рощѣ недалекой
Кукушки мѣрное: куку,
Напоминаетъ мнѣ часъ полночи глубокой;
А упромъ тихое: ау!
Свиданье съ дѣвой чернооκой!

*

(*) Улица въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ.

Отбросивъ прихоти и лишніе запѣи,
Отбросивъ то, что свѣтъ учтивостью зо-
ветъ,
Лица и сердца переплетъ,
И частые изгибы шеи,
Въ деревнѣ жизнь моя пречётъ
Хотя безъ радостей, за то и безъ заботъ.

А. Башиловъ.

ЭПИГРАММА.

Какой-то Аристархъ, съ умомъ всегда до-
сужнымъ,
Желая правдѣ долгъ отдать,
Сказалъ, что можемъ мы Сумбурова назвать
Поэтомъ *сѣверным*, а Оирса — Бардомъ
южным.
О дивный Аристархъ! согласенъ я съ тобой:
Такъ *сухъ* одинъ, какъ *холоденъ* другой.

N. N.

АНДРЕЙ КНЯЗЬ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ.

(*Отрывокъ изъ Повѣсти*)

И между тѣмъ въ зловѣщемъ снѣ
Романъ иссѣлся на копѣ,
Въ одеждѣ легкой звѣролова:
Одинъ въ заповѣдныхъ лугахъ
Онъ правитъ буйвола Княжова;
Уходитъ звѣрь въ его глазахъ,
И по слѣдамъ напрасно лая
Отспала выжлица лихая;
Но все быспрѣй, впередъ, впередъ
Охотникъ смѣлый наддаетъ —
И въ лѣсъ подъ Кіевомъ дремучій
Усталый волъ его ведетъ
Сквозь мракъ елей, сквозь шеринъ колючій
И мыслитъ онъ: „ты мой теперь!“
Ужъ поразитъ Буйтура хочетъ . . .
Вдругъ сталъ освирѣпѣлый звѣрь,
Реветъ, о камень роги точитъ,
Съ ноздрей огнистый паръ летитъ

И пыль столбомъ изъ подъ копытъ,
И эхо по лѣсу грохочетъ;
Сразились — смерть не вдалекѣ
Споткнулся конь — булатъ въ рукѣ,
Въ груди спеванье замираетъ —
И злобно падшаго врага
Подъемлетъ буйволъ на рога,
И къ небу яростно кидаетъ! . . .
Летитъ, летитъ . . .
И новый сонъ
Его на крылья принимаетъ:
Свои дружины видитъ онъ.
Подъ занавѣсой ночи темной
Какихъ то горъ синѣетъ высь;
О стягъ отечества огромной
Стоитъ онъ, грустно опершись;
И съ тихой пѣснію прощальной
Копьемъ добытое добро,
Младые воины, печально
Колчаномъ дѣлятъ серебро.
И близъ него, передъ шатрами,
Любитель браней и забавъ
Ликуетъ съ смѣлыми вождями

Князь Новагорода Мстиславъ:
Друзья Романа какъ чужіе
Сидятъ, не измѣнивъ лица,
И меду чаши круговыя
Обносятъ мимо пришлеца.
Но вопъ съ насмѣшливой улыбкой
Мстиславъ, блѣднѣя возстаетъ
И винязю рукою зыбкой
Заздравный кубокъ подаетъ.
Пѣй! „молвитъ онъ,“ за дружбу нашу
За неизмѣнную любовь! —
За брата Всеволода вновь!“
Романъ взглянулъ въ злапую чашу
Въ ней — кровь кипитъ, а не вино.
Вдругъ громъ ударилъ сквозь тумана
Въ черпозлапое знамѣно —
И съ трескомъ рухнуло оно
На изумленнаго Романа!
По холмамъ грянулъ грозный кликъ —
Какъ воетъ боръ, какъ плещетъ море.
Дружины вопятъ: „горе! горе!“
- - - - - - -

ЕГИПЕТЪ.

Бѣжитъ, шумитъ роскошный Нилъ
Межъ распаленными брегами;
На нихъ успалыми крылами
Преданій Геній опочилъ!
Его незримая десница
Святыни древности хранитъ,
И о минувшемъ говоритъ
Царей развѣнчанныхъ гробница —
Гряда заглохшихъ пирамидъ!
И дань живыхъ воспоминаній
Приноситъ странникъ иногда
Въ страну загадочныхъ преданій —
Къ тебѣ, священная гряда!...
А сынъ Египта безоплучной
Водами Нила воспоенъ;
Онъ здѣсь — и видитъ равнодушно
Завѣтъ прославленныхъ племенъ!
Въ палящій полдень нѣжа чувства,
Въ пѣни разрушенныхъ громадъ,
Онъ не помыслитъ: здѣсь спокоенъ

Остатки дивнаго искусства!
Въ немъ славой мысли не горятъ;
Его молва не занимаетъ;
Холоднымъ взоромъ онъ встрѣчаетъ
Въ степяхъ забытый Обелискъ:
Но любитъ буйные набѣги,
Гарема лѣнь, восторги пѣги
И пляску рѣзвыхъ Одалискъ.

А. Подолинскій.

КЪ ***.

Всѣ росказни мои вы назовете бредомъ;
Согласенъ, спора нѣтъ; и я за вами слѣдомъ
Ихъ сонным бредомъ назову:
Но тотъ, кто разъ былъ вмѣстѣ съ вами,
Признается легко, что бредилъ я стихами
О томъ, что каждый въ васъ увидитъ на яву.

Кн. Вяземскій.

ПРОЩАНІЕ.

Il n' est rien de commun entre la tezze
et moi.
Lamartine.

Гдѣ вы, дни прежніе злапившіе мечты?
Прости, увы! краса природа!
Простите рощи и цвѣты,
И вы, по муравамъ сребрящіяся воды!
И вы, о Царь планетъ! прости и вы,
луна!
Простите яркія полночныя свѣтила!
Душа моя унынiемъ полна,
И смерть *одной* мнѣ міръ въ пустыню пре-
вратила.
Ахъ! съ прежней радостью на васъ мнѣ не
взирать
И сердцу на земли ужъ вновь не разцвѣ-
тать!
Все то, что было мнѣ и мило и пріятно,
Какъ легкій дымъ, какъ сонъ изчезло невоз-
вратно!.....

Гдѣ, Смерть! твоя коса? . . . . . Скажи, Лорензо мнѣ!
Слыхалъ ли ты о горней той странѣ,
Предметѣ радостномъ таинственныхъ желаній,
Гдѣ вѣчна жизнь, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханій,
Ни думъ томительныхъ, ни пагубныхъ страстей;
Гдѣ невещественныхъ струитъ потокъ лучей
Зерцало Истины святое,
Гдѣ свѣтитъ солнце не земное,
Гдѣ все гармонія, любовь, покой и свѣтъ;
Гдѣ радости неплѣнны и прелестны,
И гдѣ *утраты* неизвѣстны!? . . . . .
Туда, изъ мрачной сей обители сусп,
Желаній на крылахъ душа моя спремится,
Усталая въ тюремной жизнь пыли:
Тамъ, тамъ, Лорензо! возвратится
Потерянное на земли!

Мелькайте жь времена! . . . . .
Невольно сопряженный,

Съ обѣтованною и пайной сей страной,
Я, путникъ, жизненной дорогой утомленный,
Задернулъ занавѣсъ межъ міромъ и собой.
Отступникъ въ юности отъ свѣта,
Могу сказать: „земля ужъ не моя планета!» —
Но, ахъ! на сей землѣ я счастливъ прежде былъ!
Прелестный Геній жизнь мечтами мнѣ златилъ;
Любилъ я и дышалъ сердечнымъ сладострастьемъ!
Очарованіе разсѣялось какъ сонъ,
Какъ въ воздухѣ послѣдній арфы звонъ.....
Но я плѣненъ еще моимъ минутнымъ счастьемъ!
На лавры, на красу холоднымъ окомъ зрю;
Свершаю къ цѣли путь, анахоретъ унылый,
И вижу, съ берега, за мраками могилы
Вспыхающую спокойствія зарю.

N. N.

ВИДЪ ГОРЪ
СЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВСКИХЪ.

(Подражаніе Адаму Мицкевичу.)

Пилигримъ и Мирза.

Пилигримъ.

Кто поднялъ волны ледяныя
И кто изъ мерзлыхъ облаковъ
Престолы оплилъ вѣковые
Для роя свѣтлаго духовъ?
Ужь не обломки ли вселенной
Воздвигнуты спѣшной нетлѣнной,
Чтобъ караванъ ночныхъ свѣтилъ
Съ востока къ намъ не проходилъ.

*

Что за луна? — взгляни, громада
Пылаетъ, какъ пожаръ Царь-града!
Иль для міровъ во тмѣ ночной,
Плывущихъ по морю природы,
Самъ Алла мощною рукой
Такъ озарилъ небесны своды?

Мирза.

Не вьется гдѣ орелъ, я тамъ стремилъ мой бѣгъ;
Гдѣ царствуетъ зима, свершалъ я путь далёкій?
Тамъ пьютъ въ ея гнѣздѣ и рѣки и потоки;
Когда я тамъ дышалъ, изъ устъ клубился снѣгъ;
Конецъ тамъ облакамъ, тамъ хладъ сковалъ мяпели;
Я видѣлъ спящій громъ въ туманной колыбели
И надъ чалмой моей горѣла въ небссахъ
Одна только звѣзда, и былъ то....

Пилигримъ.

Чатырдахъ!

Иванъ Козловъ.

КАТАЙ ВАЛЯЙ.

(*Партизану Поэту*)

Какой то умникъ наше тѣло
Съ повозкой сравнивать любилъ,
И говорилъ всегда: въ томъ дѣло,
Чтобы вожатый добрый былъ.
Вожатымъ шалость мнѣ досталась.
Пускай несетъ изъ края въ край.
Пока повозка не сломалась
Катай — валяй!

*

Когда я приглашенъ къ обѣду,
Гдѣ съ чванствомъ голодъ за сиоломъ,
Или въ ученую бесѣду,
Пускай везутъ меня шашкомъ.
Но ѣдуль въ кругъ, гдѣ умъ съ фафошкой,
Гдѣ съ дружбой ждетъ меня шокай,
Иль вдохновенье съ женской ножкой
Катай — валяй!

*

По нивамъ, по коврамъ цвѣтистымъ
Не тороплюсь въ дальнѣйшій путь:
Въ тѣни древесъ, подъ небомъ чистымъ
Готовъ безпечно я заснуть,
Спѣшитъ отъ счастья безразсудной!
Меня, о время, не замай;
Но по ухабамъ жизни прудной
Катай — валяй!

*

Издатели сухихъ изданій,
Творцы, на коихъ Сѣверъ спитъ,
Подъ выюкомъ вашихъ дарованій
Пегасъ, какъ вкопанный стоитъ.
Но мы другъ музамъ и Арею,
Пегаса на лѣпу сѣдлай
И къ славѣ, какъ на баларею
Катай — валяй!

*

Удача! шалость! правьте ладно!
Но долго ль будетъ править вамъ?
Заимодавецъ время жадно
Бѣжитъ съ разчетомъ по пятамъ!

Повозку схватитъ и съ поклажей
Онъ впрыгнетъ въ мрачный свой сарай.
Друзья! покатится пѣсня таже:

Качай — валяй!

Князь Вяземскій.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.

Стран.

Татьяна Болтова (*Повѣсть*) 1

А. И.

Мысли, замѣчанія и выписки. 97.

Сомова.

Тоска. 121.

* * *

Встрѣча съ Карамзинымъ. 137.

Булгарина.

Письма. 178.

А. Петр—го.

Утро вечера мудренѣе (*Повѣсть*). 195.

Старожилова.

Смерть Шанфарія (*Повѣсть.*) 279.

Сенковскаго.

Мысли и замѣчанія. 325

* * *

Стихотворенія.

Стран.

Брачный пиръ Товія. 81.

Глинки.

На развалинахъ Десятинной церкви
въ Кіевѣ. 86.

Подолинскаго.

Златоустъ. 87.

Глинки.

Графинѣ * * *. 90.

Кн. Вяземскаго.

Чатырдагъ (*Изъ Мицкевича.*) 94.

Щастнаго.

Вечеръ. 95.

Подолинскаго.

Воспоминаніе. 108.

Языкова.

Отвѣтъ (*Сказка.*) 111.

Олина.

Утреннѣе чувство. 112.

Глинки.

Алушта ночью (*Изъ Мицкевича.*) 113.

Щастнаго.

Стран.

Къ Лизискѣ (*Ода Горація.*) 114.

Олина.

Жребій поэта. 116.

Подолинскаго.

Жажда любви. 117.

Корсака.

Эпиграмма. 118.

Кн. Вяземскаго.

Пѣсня. 119.

* *

Языкъ Русскій (*Экспромтъ.*) 120.

Щастнаго.

Талисманъ. 127.

Пушкина.

Тишина морская. (*Изъ Мицкевича.*) 129.

Щастнаго.

Индѣйская пѣсня. 130.

Подолинскаго.

Искра. (*Басня.*) 132.

Глинки.

Къ С * * *. 133.

Туманскаго.

Спран.

Гайдамаки (*Отрывокъ изъ Поэмы.*) 169.
Подолинскаго.

Канарейка. (*Басня.*) 171.
Глинки.

Даръ все дѣлать не въ попадъ. 173.
Кн. Вяземскаго.

Эпитафія. 175.
Т.

Безумный. 176.
Щастнаго.

Вдохновеніе. 177.
Подолинскаго.

Менандръ къ Гликеріи. 180.
А. Петр—го.

Споръ. 188.
Гр. Хвостова.

Къ 3е-пи лѣтней Эрминіи (*изъ Мура*). 189.
Олина.

Элегія. 191.
Башилова.

Осторожный Шахъ. (*Сказка.*) 192.
Олина.

Страп.

Катенькѣ Мойеръ. 193.

Языкову.

На смерть Байрона 244.

* * *

Сомнѣніе. 248.

Языкова.

Каинъ. 249.

Шевырева.

Къ * * *. 251.

Озиобишина.

Двѣ розы. 252.

N. N.

Все не въ прокъ. 253.

Башилова.

Къ Княгинѣ З. А. Волконской. 255.

Козлова.

Фантазія. 257.

N. N.

Свиданіе въ рощѣ. (*Изъ Мицкевича*). 258.

Щастнаго.

Слезы. 260.

N. N.

Спран.

Послѣднее утро Ринальдовыхъ наслажденій въ Армидиныхъ садахъ. 262.

Рачка.

Эпиграмма. 267.

Корсака.

А. М. М — ой. 268.

А. П.

Меченосецъ Аранъ. (Часпь 1-я.) 269.

Языкова.

Упрекъ. 278.

Озноби шина.

Вѣра. 322.

Глинки.

Надежда. 323.

Глинки.

Любовь. 324.

Глинки.

Къ Барону А. 334.

Башилова.

Эпиграмма. 335.

N. N.

Стран.

Андрей Князь Переяславскій. (*Отрывокъ изъ Повѣсти*). 336.

* * *

Египетъ. 339.

Подолинскаго.

Къ * * *. 340.

Кн. Вяземскаго.

Прощаніе. 341.

N. N.

Видъ горъ съ степей Козловскихъ. (*Изъ Мицкевича.*) 344.

Козлова.

Катай — валяй. 346.

Кн. Вяземскаго.

Примѣчаніе. Къ сей книжкѣ прилагается заглавная виньетка и портретъ Н. М. Карамзина.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ.

напечатано:		*надобно читать:*
Стр.	стр.	
13.	18.	къ Нему — къ нему
95.	7.	распаленныхъ! — распаленныхъ,
141.	6.	bibliotèque — bibliothèque
183.	19.	въ ликейскомъ — въ Линейскомъ
210.	16.	встрѣпнить ея — встрѣпнится
213.	15.	на блюдочкахъ — на блюдечкахъ
219.	18.	на ли- лицѣ, — на лицѣ,
201.	17.	черпаго кры- двухъ медвѣдей по
		лапаго драко- спорнамъ щипа,
		на въ золо- раздѣленнаго на де-
		томъ полѣ,— сять частей, —
220.	8	глыбами — комьями
303.	2.	юрпы — юрпъ
341.	2.	природа! — природы!

BIBLIOTECA
REGIA
MONACENSIS

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Al'bom sěvernych muz al'manach na 1828 god

Petersburg 1828

P.o.rel. 2870
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036166-3